

Лора Вайс

ЧЕРТОВА ВЕДЬМА

Адам

— Ах ты, бесенок! Негодник! В приют для низших чертей сдам! Иди сюда немедленно! — ору на грани возможностей голосовых связок.

Честное слово, уже руки опускаются. Что делать с этим поганцем? Может, действительно в полицейский корпус отдать? Там научат дисциплине. Глядишь, выйдет оттуда путевым чертом.

— Я не виноват! — раздается писк со второго этажа, а следом слышится топот маленьких ног. — Она меня покусать грозилась! — является взору мое растрепанное чадо в порванных носках и с комплектом ссадин на руках и лице.

А у меня на нервах уже хвост мотается из стороны в сторону, того и гляди снесет вазу с консоли. И когда Отис это видит, сразу бледнеет. Знает, что сейчас ему может влететь совсем не по-детски.

— Папа, клянусь! — Темно-синие глаза тотчас заволакивают слезы. — Я не специально!

— Уже третья, Отис, — перехожу на шипение. — Уже третья учительница за месяц. Тебя выгнали из двух школ, ты передрался со всеми детьми в округе. Объясни, зачем ты это делаешь? В могилу хочешь меня свести?

— Они все смотрят на меня, как на черта! Обзывают рогатым! — выпячивает он грудь, сжимает кулачки.

— Так ты и есть черт, черт бы тебя побрал! А рога уйдут с возрастом! — Злость и раздражение начинают сходиться на нет. Увы, у моего сына затяжной период становления сущности. Он не может контролировать себя. Рога, хвост, слегка заостренный нос и волосатые уши — все на виду. Обычно к трем годам уже ничего не видно, но не у Отиса. Ему вот-вот исполнится восемь, а по-прежнему никаких изменений. Но, дьявол меня задери! — Опять на жалость давишь? — снова завожусь. — Ирма Марковна тут при чем? Она, что ли, тебя рогатым обзывала?

— Она обещала укусить, если не сяду за стол. Я испугался и нечаянно заехал хвостом ей по лицу.

— А потом боднул. И все нечаянно? Моему терпению, Отис, пришел конец. После того как отметим твоё восьмилетие, поедем в полицейский корпус, пройдем собеседование. Иначе ты совсем одичаешь.

Вдруг сын оцетинился, а по щекам покатались крупные горошины слез.

— Ты как она! — выкрикнул.

— Нет! — Да как он смеет сравнивать меня с Нарли?

— Да! Она бросила меня! И ты бросишь! — И помчался обратно наверх, после чего раздался мощный хлопок дверью, а следом что-то грохнулось и разбилось. Моя коллекция пауков, наверное.

Я могу справиться с чем угодно и с кем угодно, но только не со своим сыном. Обессиленно падаю в кресло, начинаю тереть глаза. Что же делать? И учиться ему надо, и развиваться как-то, но не прет что-то ничего, не тянет. Я делаю все, что в моих силах, но выше головы не прыгнешь. Психолог сказала, наши проблемы из-за дефицита внимания. А еще настоятельно посоветовала найти Отису друзей, но главное — найти мать. Угу, как же... так эти матери и валяются на дорогах. Бери не хочу. Да и искал я, искал. Няньки, гувернантки, учительницы, но, увы. Отис каждую довел до белого каления. А жениться второй раз не собираюсь, хватило первого. Нарли вывернула душу наизнанку, после чего просто-напросто сбежала в мир людей. И ладно меня бросила, так Отиса бросила, а ему былого всего ничего — три года. Дрянь несчастная, чтобы у тебя рога поотваливались и хвост отсох.

Два дня спустя

Кейна (Карина)

Малыш! Опоздаем! — подгоняю свою маленькую соню. И будить жалко, но жалость закончится очередным опозданием, и воспитательница опять будет ворчать.

— Ну, мам... ну не могу я быстрее, — втискивается дочь в комбинезон.

— Можешь, зайка, все ты можешь. А мне надо срочно на работу. Дел сегодня невпроворот.

— И сколько заказов? — Тут же загораются эти любимые глазки. Она всегда так радуется, если у меня много заказов.

— Восемь! — заявляю с гордостью.

— Ого!

— Угу.

И все, маленький моторчик заработал на полную катушку. Уже через минуту Настена стояла полностью готовая к выходу.

— Вот видишь, можешь, когда захочешь, — запикиваю в ее рюкзачок пакетик сока и печенье, после чего наматываю себе на шею шарф. За окнами всего-то конец сентября, да и бабье лето в самом разгаре, но мне уже холодно. Что поделать, мерзлячка я.

Через пять минут выходим из дома и несемся в сторону детского сада. Хорошо хоть тот рядом. А на работе у меня аврал-авралище. Три торта для людей и пять для нечисти. К слову, я сама нечисть. Ну как — ведьма, только от ведьмы во мне одно название. Способностей почти никаких. Вот мама была потомственной, но потом ей взбренило перебраться в мир людей, где на второй день она сломала ногу и тем же днем познакомилась с травматологом Денисовым Артемом Николаевичем. В итоге я получилась так себе. Левитация первого уровня, магия и того хуже — уровня детских фокусов, но кое-что я умею и делаю это отменно: пеку торты. Научилась, причем сама. Мама первое время пыталась обучить меня простейшим ритуалам, а потом поняла, что бесполезно, и позволила заниматься тем, что мне по душе. Жаль, ушли они с отцом слишком рано. И тут же к горлу подступает ком. Так, хватит о грустном! Торты надо печь с улыбкой на лице, продукты ведь все чувствуют.

Используя свою левитацию первого уровня, добираюсь до остановки, и весьма вовремя, автобус еще на месте.

— Фух, — взбираюсь в многотонную машину.

— Девушка, садитесь, — слышу откуда-то справа.

А мгновение спустя со своего места встает чертовски привлекательный мужчина. Может, в нем и правда есть чертовы гены, кто знает. Нечисть давно перепуталась с людьми. Многие даже не подозревают, что в них течет кровь ведьм, чертей, фей, оборотней, некромантов каких-нибудь.

— Нет-нет, не стоит.

— Садитесь, садитесь, — продолжает настаивать красавчик в стильном пальто.

Ну раз так жаждет совершить благое дело, надо помочь человеку. И удобно усаживаюсь у самого окна.

— Большое спасибо, — улыбаюсь самой милой улыбкой. А он и рад, прямо млеет. Наверняка незадолго до своей или моей остановки начнет выпрашивать телефон. Эх, почти каждый день одна и та же песня.

Мужчинам я нравлюсь. Ведьмы от рождения наделены природным магнетизмом. А еще я рыжая, что редкость даже для ведьм. Только верить в людскую искренность перестала давно. Утратила веру в тот день, когда отец Насти хлопнул дверью. Нет ее, любви этой. Денис ушел и, похоже, сразу ударился головой, поскольку моментально забыл о том, что у него есть дочь. И снова мысли какие-то неправильные, негативные. Погода, что ли, влияет? В этот момент ловлю себя на том, что смотрю на красавчика в стильном пальто, видимо, таким разочарованным взглядом, что бедолага уже не знает, куда себя деть. А вот так вот! Пусть тебе станет стыдно за всех обиженных и обманутых женщин.

Через положенные пятнадцать минут автобус тормозит у остановки, и я выскакиваю точно ужаленная. Дорога каждая секунда! Если управлюсь со всеми заказами, то получу от сорока до шестидесяти тысяч. Этих денег нам с Настюшей хватит месяца на два, мы с ней дамы экономные. Подбегаю к дверям своей крошечной кондитерской под простым, но действенным названием «Тортик. ру». И, слава богу, тетя Маша уже на месте.

— Доброе утро! — влетаю в двери, вдыхаю аромат выпечки. Все, я дома... Да, эта мастерская-кондитерская мой второй дом.

— Доброе, Карин. А ты чего так спешишь?

— Много заказов на сегодня.

— Ой, как хорошо.

— Успеть бы только.

— Успеешь, ты у нас пчелка быстрая.

Тетя Маша пришла ко мне устраиваться уборщицей, но уже скоро выяснилось, что у нее полное взаимопонимание с тестом. В итоге она стала моей помощницей и правой рукой. Правда, первое время нам пришлось тяжело, хозяин площади повысил ренту, да и в целом цены выросли на все. Однако Мария Федоровна не сдалась, не отвернулась, более того, привлекла клиентов — своих знакомых и родню, а те рассказали дальше. Так и сработало сарафанное радио.

Я быстренько переделалась в форму, нацепила на голову колпак. Не терплю все эти шапочки для душа или косынки. Уж коль я повар, то и колпак должен быть. К слову, на клиентов мой вид производит нужное впечатление, опрятность подкупает. Особенно в смежном мире, там у народа вообще бзик на облике, который должен полностью соответствовать деятельности.

Итак, что у нас в списке? А в списке два свадебных торта и шесть детских, из них три на день рождения и три обычных.

Первым делом берусь за свадебные. Ну хоть здесь мои слабенькие способности пригодились, причем очень.

— Эллис мортэ, — произношу негромко, и сейчас же с полок ко мне на стол летят чашки самых разных размеров. — Адис мортэ, — и включается духовой шкаф. Пусть разогревается.

Тут тетя Маша приходит на помощь. Пока она вымешивает тесто, я занимаюсь начинкой и будущей глазурью.

Люблю, когда работа кипит, дела спорятся. Да, устаю дико, домой буквально приползаю, но останавливаться не имею права. У меня есть дочь, а у нее есть я, только я. Больше нам никто не поможет.

Вот и основы готовы — нежнейший бисквит, который надо еще пропитать сиропом. Тетя Маша от меня не отстает и перехватывает инициативу, когда я перехожу к формовке. Спустя четыре часа четыре торта готовы.

— Красота, — наблюдает Мария Федоровна за тем, как двух- и трехъярусные красавцы отправляются в холодильник.

— Но нам осталось еще столько же, — возвращаюсь я к столу. — Правда, тут уже проще.

Четыре обычных одноярусных торта, да раз плюнуть.

И опять побежало время, которое так хочется иногда остановить. Но я этого не умею.

Через пять часов справились. Теперь надо дожидаться ночи. За тортами для этого мира клиенты придут завтра, а вот торты для смежного надо отдать уже сегодня, поэтому прощаюсь со своей помощницей. Тетя Маша знает мой распорядок и никогда не задает лишних вопросов.

— Хорошего вечера, Кариночка. До завтра.

— И вам хорошего, — запираю за ней дверь, вглядываюсь в темноту двора.

Жаль, Настю не получится забрать. Благо, соседка выручит, всегда выручает, за что я ей всегда пеку плюшки или пиццу. Такой вот бартер.

И пока есть время, приступаю к пирожным из заварного теста. В смежном мире хорошо берут, прямо-таки с удовольствием, это здесь люди привередничают, а та-а-ам... Но на душе почему-то неспокойно, какой-то странный мандраж. Хотя все, как всегда, переживать не о чем. В итоге не выдерживаю и звоню соседке:

— Привет, Лен. Как у вас дела? Все хорошо? Да-да, сегодня поздно, — и помимо голоса соседки слышу мою крошку, она вовсю играет с Лениной дочкой. — Спасибо тебе, завтра жди с плюшками. Ага, давай.

Однако мандраж не уходит. Может, просто переутомилась?

К полуночи у меня уже все готово. На прилавках лежат пирожные, а в специальном контейнере — плюшечная оплата услуг Лены. Тогда иду в кладовку, совершаю привычный ритуал и отправляюсь

обратно в зал.

И вот часы пробивают ровно двенадцать. В этот момент из-за двери в подсобку начинают доноситься голоса. Жизнь в смежном мире кипит и днем, и ночью. А спустя минуту ручка дергается.

— Доброго здравица, Кейна. — В дверь входит сгорбленная старушка с длинным носом и аккуратной бородавкой ровно по центру того. Сегодня она в дорогом костюме, а как же иначе? Ее дочь выходит замуж.

— Доброго вечера, госпожа Мари-крю. Мои поздравления, Жизель выходит замуж, такое счастье.

— Ох, не говори, деточка, — расплывается в улыбке ведьма. — Мальчики, заходите! — Следует взмах руки в бежевой перчатке, и следом за Мари в помещение входят два бравых варлока. — Готов ли наш торт? — подплывает ведьма к прилавку.

— Конечно, — спешу открыть холодильник, где стоит самый высокий торт, украшенный фигурками тыкв и летучих мышей, само собой, из сахарной мастики.

— Ох, какая прелесть, Кейна! — под очередной всплеск руками восклицает Мари-крю. — Ты мастер своего дела, — после чего достает из кошелька золотые монетки, кладет на прилавок и произносит заклинание, а через мгновение на месте монет лежит привычная мне пятитысячная купюра.

— Спасибо, госпожа, — слегка кланяюсь я и не трогаю деньги, ибо по правилам надо дожидаться, когда клиент заберет заказ, только потом брать плату. Все-таки в мире нечисти уважение к старшим и правила этикета ценятся высоко. Эх, глянуть бы хоть одним глазком, как у них там все устроено, как они живут.

Варлоки тем временем ловко упаковывают торт в магический бокс, где моему шедевру ничего не угрожает, и уносят.

— Доброй ночи, детка, — улыбается Мари. — До новых встреч.

— Передавайте мои поздравления дочке, — снова кланяюсь. — Счастья и любви.

— Спасибо, дорогая. Обязательно передам, а потом еще и фотографии принесу.

Когда дверь за ней закрывается, убираю деньги и сажусь на стул. Вот-вот придет следующий клиент.

Но спустя пару минут вместо заказчика встречаю на пороге незнакомца ростом под два метра и такой ширины в плечах, что ему сначала приходится встать боком, только потом удается войти в дверной проем.

— Вы печете торты? — гремит протокольным голосом, а параллельно осматривает зорким оком окружающее пространство, но по лицу видно, не шибко-то рад оказаться здесь.

За три часа до полуночи

Адам

— Ты уверен, что лучшего места нет? — принимаю от секретаря визитку с надписью «Тортик. ру» и адресом: Кривой переулок, дом семь.

— Жена заказывала торт для дочери, все были в восторге, — пожимает плечами Корсак, а его хвост лежит спокойно на полу, значит, не врет.

— Ну, ладно. А кто хозяин пекарни? — засовываю визитку в карман кителя.

— Кейна, полукровка.

— Что? Полукровка? Чьих кровей?

— Наполовину ведьма, наполовину человек.

— И ты не побоялся купить у нее съестное для своей дочери и гостей? Эти полулюди все как один шарлатаны. Наш участок завален жалобами и заявлениями на них.

— Господин Герон, не все они такие. Кейна хорошая добропорядочная ведьма, работает по закону, в наш мир не суется. И да, печет такие торты, ум отъешь, — в голосе чувствуются обиженные нотки.

— Хорошо, спасибо. Можешь идти.

На что Корсак кланяется и спешит покинуть кабинет.

А день рождения Отиса не за горами. И каким бы непослушным поганцем он ни был, он мой сын, которого я люблю больше жизни. Праздник у него должен быть. И должен быть торт. Мой чертенок млеет от шоколада. Что ж, может, и имеет смысл заглянуть в этот «Тортик. ру». Но какое все-таки идиотское название. Жаль, что все известные мне кондитерские и пекарни не отличаются ни фантазией, ни качеством продукта; по крайней мере, Отису не понравилось ничего из мною купленного и принесенного на пробу. Честно говоря, мне самому не понравилось. Привкус старого маргарина и немыслимое количество жирного крема. До сих пор тошнит, стоит только вспомнить этот мерзкий вкус. Казалось бы, в столице живем, а печь торты до сих пор никто не научился.

Встаю, одеваюсь и иду в направлении выхода. Сегодня более или менее спокойный день, народу почти нет, все работают в штатном режиме. Хочется верить, что и дома все будет спокойно, но сердце за Отиса болит, пришлось оставить сына одного, никто не захотел посидеть с ним. Я и просил, и угрожал, и даже чуточку умолял, но никто не согласился. Представители агентств по подбору персонала уже шарахаются от меня как от ладана.

А на улице хорошо, свежо. Близится праздник Огненной тыквы, владельцы магазинов уже вовсю украшают витрины, общественные службы наводят порядки, готовят подиумы. Н-да... когда-то эта предпраздничная суета вызывала у меня радость, желание присоединиться, но после того, как Нарли бросила нас, все резко изменилось. Я перестал радоваться тому, что хоть как-то связывало меня с этой мерзавкой.

До Кривого переулка рукой подать, потому оставляю машину на парковке комиссариата и отправляюсь пешком. Заодно прогуляюсь, проветрю голову. И пока иду, ловлю взгляды прохожих. Ну да, пальто я тоже не надел, а комиссарская форма привлекает внимание, особенно женского пола. Юные чертовки и ведьмы так вообще не стесняются — тарашатся во все глаза. Так, а вот и нужный мне дом. Миную дорогу и оказываюсь у трехэтажного здания. Ну да, точно оно, мы такие называем порталными домами, они очень узкие и появляются в полночь в переулках. А над входом светится желтым «Тортик. ру». И едва касаюсь ручки, как дверь открывается. Из недр помещения выходят варлоки с большим коробом в руках, следом за ними появляется ведьма почтенного возраста.

— Господин, комиссар, — слегка подается вперед дама.

— Госпожа, — кланяюсь в ответ.

— Идите, идите к Кейне. Не прогадаете, — слышу ее удаляющийся голос.

Что там за Кейна такая чудодейственная? И снова берусь за ручку.

— Дьявол, — почти сразу бьюсь головой о балку. Тут все такое тесное, низкое, пыльное. Ох, и еще одна дверь. Кое-как протискиваюсь в небольшой зал. Ну, хоть запахи витают здесь приятные, даже очень. Аж слюна выделяется. Хотя неудивительно, я сегодня без обеда.

И тут вижу ее — в бежевом колпаке, из-под которого выглядывает рыжая коса, в таком же бежевом кителе и брюках в клетку. Девчонка молодая совсем. Стоит, смотрит на меня своими зелеными глазницами, но взгляд напряженный. Может, формы испугалась, решила, что пришел ее «Тортик» третировать?

— Вы печете торты? — Слова как-то сами собой звучат очень громко, грубо. Издержки профессии.

Она же, молча, кивает.

— Кейна, верно?

Снова кивок.

Тут в пекарню входит пара — некромант с женой, и как видят меня, мигом перестают улыбаться.

— Кейна, что-то не так? — К прилавку подходит бледная девушка с белыми, как лист бумаги, волосами. — Мы ведь сможем забрать торт? День рождения все-таки, — опять косится она на меня.

— Я подожду, — решаю не томить их. Заодно осмотрюсь.

— Да, конечно. — А вот и заговорила. — Ваш торт здесь. — Идет мимо меня напрямик к холодильнику, достает оттуда большой торт, покрытый, о силы подземные, шоколадной глазурью.

Надо же, как аппетитно блестит. Помимо глазури на торте множество ягод, шоколадок, вафель. Честное слово, любовался бы и любовался этой красотой. Но рыжая упаковывает торт, быстро перевязывает бечевкой.

— Прошу, — передает блондину коробку, и некромантская чета сейчас же расплывается широкими улыбками, потом достает деньги. Так-так-так... что там получается по курсу на сегодняшний день? Угу, два золотых тэрга к трем. Ничего себе цены! Эта ведьма хорошо зарабатывает.

Когда довольные клиенты уходят, подхожу к прилавок, смотрю на пирожные, от вида и запаха которых начинает живот сводить.

— Мне торт нужен, — завожу руки за спину. — Что можете предложить?

— Какой именно? — преодолевает страх эта пичужка в колпаке.

— А есть из чего выбрать?

— Есть, — ныряет под прилавок и достает оттуда каталог, — выбирайте, — кладет на столешницу. — У меня ведь не будет проблем, господин комиссар? — не выдерживает. — Я работаю по закону, все бумаги оформлены, надзорные комиссии пройдены, — а голосок какой нежный, певучий. Ну что сказать — ведьма.

— Если пройдены, оформлены, значит, проблем не будет. Я за тортом пришел, — всматриваюсь в фотографии.

Чего тут только нет. Один краше другого. С ягодами, фруктами, какими-то фигурками, в один ярус, в несколько, в форме машин, домов или зверей. О, вот этот идеален был бы к празднику Огненной тыквы. Оранжевый с черным, украшенный маленькими тыквами, паутиной. Интересно, паутина настоящая?

— Вам, может, подсказать? — произносит она уже смелее.

— Из шоколада есть что?

— Конечно, — перелистывает пару страниц. И взору является целый разворот с шоколадными тортами. — Какая начинка вас интересует?

— Я же сказал, мне шоколадный нужен. Весь.

— Весь-весь? — хлопает темно-рыжими ресницами.

— От А до Я, — и указываю на торт, который очень похож на тот, что забрали некроманты. — Этот хочу. Сколько стоит?

— Какой вес?

— Килограммов восемь.

— Тогда... — берет калькулятор, считает. — Шесть тэргов.

— А не дороговато ли для тортика?

— Есть прайс, если вас не устраивает цена, можете выбрать что-то побюджетнее. Или этот же, но меньше по весу.

— Ладно, я понял. Дерете тут три шкуры, все вы одинаковые, — и уже собираюсь сказать, что беру, как она поднимает на меня взгляд, причем такой настоящий ведьминский.

— Одинаковые? Вы, прошу прощения, о чем сейчас?

— А с тем, что дерете три шкуры, значит, согласны, — усмехаюсь. Ишь как завелась. Прямо чувствую, как вибрирует воздух вокруг нее, и вдруг понимаю, еще чуть-чуть и мой хвост встанет трубой. А это уже лишнее.

— Простите, господин комиссар, но продавать вам я ничего не буду, — неожиданно захлопывает каталог и прячет обратно под прилавок. — Я честно зарабатываю себе на жизнь, все мои клиенты довольны и ходят ко мне годами. Цены рыночные, качество ингредиентов высокое. Но для вас, видимо, важнее не это. Уверена, вы найдете для себя подходящий торт у какого-нибудь другого мастера, не такого, как мы все.

— Слушай, — упираюсь кулаками в прилавок, — а что если я возьму и прикрою твою лавочку?

— А вы попробуйте! — Ее глаза вмиг загораются. — Для начала найдите причину, составьте протокол о нарушениях, потом соберите комиссию, а уж после бряцайте здесь своим комиссарским авторитетом.

И тут я слышу, как мой хвост падает на пол. Девушка же вдруг усмехается, затем добавляет таким пренебрежительным тоном:

— До свидания, господин черт, — и столько в этом ее «господин черт» пренебрежения. Сама-то кто есть вообще? Жалкая полукровка.

— Никчемная грязнокровка, — нависаю над ней, — которая мнит себя ведьмой, а на деле пустышка.

— Высокомерный черт, который мнит себя благородным господином. Убирайтесь отсюда, и хвост не прищипывайте, — направляется к двери и распахивает ее.

Кейна (Карина)

Каков мерзавец! Выхухоль рогатая! Черт паршивый! Вот бы все это выплюнуть ему в наглую физиономию! Нацепил погоны и думает, все можно. Но стараюсь держаться, хотя и получается с трудом. Скорей бы уже свалил отсюда. Прикрывать он меня собрался! Ага, щаз!

— Всего плохого, неведьма! — бросает на прощанье черт и протискивается в дверь.

— И тебе того же, — шепчу чуть слышно. Все-таки напрямую оскорблять представителя закона смежного мира чревато большими проблемами. А мне они не нужны. Но он не первый, кто является сюда со своими националистическими выкидонами. И с такими у меня разговор короткий. Адьес, амиго!

Слава богу, заходят очередные клиенты. Семейство фей. Дети сейчас же прилипают к стеклу холодильной камеры, начинают гадать, какой торт для них, а родители подходят к прилавку.

— Доброго вечера, Кейна, — кланяется утонченная хрупкая фея в удивительно красивом платье. — Мы за заказом.

— Сейчас, — иду к холодильнику. — Так, детвора, расступись. — И тройняшки разлетаются в разные стороны. — Ваш торг.

А дальше счастливые детские визги, довольные родители и щедрая оплата моих трудов.

— Ой, а можно нам еще пирожных?

— Сколько? — достаю бумажный пакет, щипцы.

Вдруг фея краснеет, какие же они жеманные, стеснительные. Это их особая черта.

— Все, — тупит глазки.

— Хорошо, — и беру уже другой пакет, большой.

Славно, очень славно. Лучше и быть не может. За два часа раздаю все заказы, а за час до закрытия портала принимаю три новых. Я это сделала, я молодец. Теперь можно домой.

Возвращаюсь на такси, и пока еду, думаю об инциденте. Наверное, зря я так с этим рогатым полицаем. Вдруг действительно устроит мне какие-нибудь проволочки, с него станет. Слишком задела его мои слова. Надо быть сдержаннее. Но не могу, не могу спокойно реагировать на такое хамство. Кто он есть, чтобы тыкать мне в лицо моей сущностью? Сам же ко мне пришел и сам же давай оскорблять! Ведьма, человек, какая разница! Но, увы, для смежного мира разница есть, и существенная. Там высоко ценится чистая кровь, а все смешанные, как правило, остаются в мире людей. Мне повезло сыскать почет и уважение среди клиентов, ведь покупают мои торты не только простые горожане, но и представители властей. Торты — они всем нужны. День рождения — торт, свадьба — торт, выход на пенсию — торт, профессиональный праздник — тоже торт. Даже похороны, и те с тортом, по крайней мере, в смежном мире. У нечисти отношение к смерти своеобразное.

Из машины выхожу, когда начинает светать. Листья шуршит под ногами, в воздухе висит дымка и запах такой осенней-осенний. Дочку заберу в восемь, а пока у меня есть три часа на сон.

Квартира меня встречает бардаком, убраться бы не помешало, но все потом. Я буквально валюсь с

ног. Сил хватает только на то, чтобы сбросить пальто, снять сапоги и долевитировать до кровати. Вы ведь, наверное, не знаете, что такое левитация первого уровня? А это когда от земли отрываешься на сантиметров пять-десять и так «низенько-низенько» летишь.

Отключаюсь за считанные секунды.

Поначалу так тихо, хорошо, темнота баюкает сознание, но потом случается всполох света, и я вижу перед собой этого грубияна. Он в черном плаще, с длинными рогами, свиным пятакон, копытами и трезубцем в руке. Стоит такой на пафосе, а вокруг него пламя беснуется. А меня смех разбирает. И просыпаюсь от того, что хихикаю.

— Уфф! — смотрю на часы: пора за Настей.

Мой сладкий малыш встречает меня крепкими объятиями.

— Мама!

— Привет, — подхватываю свое сокровище на руки. — Держи, — протягиваю Лене пакет с плюшками. — Спасибо.

— Ох, как много, — заглядывает она внутрь. — Надо нам переходить на менее калорийную оплату, я уже бока наела на твоих офигенных плюшках. Дети! — кричит своим погодкам. — Завтракать!

На том и расходимся.

— Ты все успела? — Настена сразу бежит в кухню, наливает в чайник воду, ставит на разогрев.

— Да, малыш. Все успела, все продала. — Достаяю из сумки конверт с наличностью, вытаскиваю деньги и начинаю раскладывать по стопкам. — Часть отдадим тете Маше, часть пойдет на уплату налога, остальное — на остальное, — решаю не забивать голову моему солнцу.

— А новые заказы есть? — спрашивает деловито.

— Есть. Шесть штук.

— Ура! — подскакивает.

— Ура-ура, — киваю.

Настя ведь не знает, что я торгую не только с людьми. Да что там, дочка вообще не в курсе о существовании смежного мира. Ей, впрочем, и не к чему. Во-первых, слишком маленькая, во-вторых, в том мире ей все равно не жить, поскольку в моей девочке еще меньше сил. Ведьма она лишь на одну треть. Среди людей нам самое то.

После завтрака Настя отправляется играть, а я сажусь за составление планов на неделю вперед. В кондитерскую поедем вдвоем к обеду, где я рассчитаюсь с Марией Федоровной, проведу ревизию продуктов, потом пройдемся с дочкой по магазинам. Хороший должен быть день. И сегодня-завтра портал открывать не буду, за него тоже приличные деньги набегают, а клиенты уже знают, как со мной связаться — они бросают письма с заказами в почтовый ящик, который после открытия портала оказывается прямо в кладовке.

Спустя два часа после ссоры в «Тортике»

Адам

Домой возвращаюсь на взводе. Гоню так, будто на место преступления опаздываю. Это ж надо было! Пигалица! «Высокомерный черт, считающий себя благородным господином», «убирайтесь отсюда и хвост не прищемите». Ведьма! Я и есть благородный господин, я главный комиссар южного округа! Добропорядочные горожане меня уважают, а преступники боятся как огня. Лучшая раскрываемость дел в городе, несколько лет подряд первый в наградных списках. Нет, я этого так не оставляю. Она поплатится за свои слова! Тоже мне тортоделка.

На автомате переезжаю каменный мост, ведущий к дому, открываю пультом ворота и въезжаю на территорию. Кстати, да. У меня один из лучших домов в округе, и я на него честно заработал. Пахал как проклятый ради бонусов и премий. Сына иногда сутками не видел, потому что старался для нас, чтобы было достойное жилье, условия.

И уже собираюсь подняться по ступенькам, как слышу краем уха откуда-то из-за дома голос Отиса. Опять ослушался, я же запрещал выходить на улицу, пока меня нет. Нахожу сына на качелях, что подвязаны к ветке широченного старого дуба. Отис медленно раскачивается, чертит ногами по земле и о чем-то тихо рассуждает сам с собой. Аж сердце сжимается. Да, ему одиноко. Но что еще я могу для него сделать? Не уволюсь же с работы, которая нас кормит. И как он не понимает, что своим поведением только добавляет проблем. Все-таки почти восемь лет, должен понимать-то.

— Ты что здесь делаешь в такую рань? — подхожу к дереву.

— Не спится, — не говорит, а буркает.

Замечаю его опущенный хвост, который волочится по земле, поникшие уши.

— Нет настроения?

— У-у.

— Наверное, из-за приближающегося дня рождения, — прислоняюсь спиной к могучему стволу и окидываю взглядом свои владения.

Красиво... Дом стоит на пологом холме, а здесь, у этого дуба, самая высокая точка, отсюда открывается с одной стороны вид на город, а с другой — на зеленые холмы с низинами, которые плавно переходят в леса.

— Наверное.

— Я тут подумал: может, ну его, торт этот. Может, устроим блинный вечер?

На что Отис спрыгивает с качелей и молча отправляется в дом.

— Дьявол, — сам усаживаюсь на качели, а следом раздается недобрый треск, но дуб меня выдерживает.

Где же взять Отису торт? Не самому же печь. Я и готовка — две параллельные вселенные. Можно, конечно, соседей поспрашивать, глядишь, кто-нибудь да согласится помочь. И тут вспоминаю фотографии из каталога рыжей мерзавки. Н-да... С другой стороны, чего, собственно, я голову ломаю? Приду к ней с какой-нибудь липовой жалобой и хорошенько надавлю. Заартачится — прикрою на месяц-другой. А согласится — так и быть, пусть дальше торгует. В конце концов, ее лавчонка находится на подведомственной мне территории. Хочет работать — значит, проявит должное уважение.

И на душе сразу становится легче. У Отиса будет торт.

А дома меня ждет картина маслом: бардак везде, где только можно. Переехали мы относительно недавно, поэтому часть вещей до сих пор в коробках, так и достаем оттуда, если что-то нужно, ну и не возвращаем обратно.

— Отис?! — смотрю на обеденный стол, на минуточку, два с половиной метра в длину, который от начала до конца завален. С первого взгляда и не разобрать, чем именно. Кажется, всем.

— Что? — возникает рядом мой насуспенный сын.

— Это ты мне объясни, что это такое? — указываю на помойку впереди.

— Тебя не было весь день и всю ночь! Я хотел есть! А когда я ем, я играю! И вообще, ты теперь много зарабатываешь, найми служанку, — складывает он руки на груди.

— Чего?! Совсем обнаглел, да? В общем, когда я вернусь из душа, чтобы все было чисто.

Теперь его хвост мотается из стороны в сторону. Ну, ничего, ничего, пусть потрудится для разнообразия.

— Я не прислуга, — заявляет он гордо.

— А я, по-твоему, прислуга? — Каков засранец! — Короче говоря, — начинаю тереть глаза, за сутки на дежурстве устал, — если выполняешь мои условия, я достаю для тебя самый огромный, самый шоколадный торт, каких ты отродясь не видел. В противном случае не получишь вообще ничего.

И отправляюсь наверх. Все, сил нет. А когда берусь за ручку двери, ведущей в спальню, слышу адский грохот. Видимо, действительно придется нанять прислугу. Это уже невыносимо.

Так, форму в шкаф, остальное в стирку. Спустя пару минут забираюсь в душевую. Наконец-то

горячая вода. Когда беру гель, перед глазами неожиданно возникает образ тортоделки. Этот ее ведьминский взгляд, преисполненный пренебрежения, а еще наглая усмешка. И чувствую, как хвост становится торчком. Неудобно, однако. Душевая не рассчитана на чертей с торчащими хвостами. Приходится обмотать его вокруг шеи и так уже мыться. Странная реакция, весьма странная. В ее лавчонке чуть не случилось то же самое. Вот было бы позору. Завтра я наведаюсь к мерзавке снова и поговорю с ней уже совсем по-другому. Тут мой хвост начинает как-то подозрительно сильно сжиматься вокруг шеи.

— Блин, — сдавливаю его и ослабляю хватку.

Из душа на автопилоте добираюсь до кровати. Надо бы хоть одним глазком глянуть, выполнил ли мою просьбу Отис. Да, надо... сейчас и пойду... вот прямо сейчас...

Открываю глаза, когда солнце уже в зените. Прислушиваюсь: в доме непривычно тихо. Обычно Отис носится как тролль, аж полы со стенами дрожат. Да и вообще пора вставать. А внизу сталкиваюсь с чем-то совсем неожиданным. В столовой чисто. Ну, как чисто — стол пустой, в гостиной можно присесть на диван, а все, что было убрано со стола и дивана, лежит огромной кучей на втором диване. Прямо-таки шедевр абстракционизма. Может, Отис художником будет? Оцениваю с горой вещей.

— Я заслужил торт! — раздаётся за спиной.

— Да, да, да, — довольно киваю, — вполне. А сейчас поехали в город. Мне надо решить пару вопросов, потом там же перекусим.

— Опять к тебе на работу? — усаживается на диван сын.

— И да, и нет.

Я хочу наведаться в Отдел контроля межмировой торговли, разузнать, что к чему, чтобы не с пустыми руками идти к рыжей тортоделке. С другой стороны, можно дождаться полуночи и нагрнать к ней с Отисом вместе, может, постесняется выделяться при ребенке.

Дорога занимает часа два. Что странно, Отис по-прежнему какой-то слишком тихий, обычно трещит без умолку, а тут весь в себе. Неужели произошел очередной скачок, и мой сын буквально за сутки повзрослел? Перед глазами сразу же рисуются картины, как он наконец-то идет в школу, как его хвалят за успешную учебу и хорошее поведение, как меня хвалят за правильное воспитание сына. И тут слышу то, что рушит все мои славные мечты.

— Я подумал, — выдает он с невозмутимым видом, — не буду учиться. Я черт, а чертям учиться необязательно.

— Это с чего такой вывод? — останавливаюсь на светофоре.

— Мы ведь сильные, сильнее нас разве что тролли. А раз есть сила...

— Угу, ума, значит, не надо. Если бы я рассуждал так же, как ты, то мы бы сейчас не в шикарном доме за городом жили, а в какой-нибудь лачуге. Нас бы никто не уважал. Запомни, Отис, черт черту рознь.

В городе сегодня пробка на пробке. Кое-как добираемся до высокого здания со стрельчатыми окнами, пожалуй, одного из самых красивых в городе. Хорошо они тут устроились, торговля как-никак, дело прибыльное во все времена.

Заходим в крутящиеся двери.

— Мне бы архивариуса вашего, — показываю удостоверение на ресепшене.

— Добрый день, господин комиссар, — кланяется седовласый гоблин. И почему гоблины всегда занимают такие позиции? — Сейчас вызову. Прошу, — указывает на диванчик в холле, — присаживайтесь. Может быть, чаю желаете?

— Нет-нет, благодарю. Только архивариуса, — и мы с Отисом идем к дивану.

Минут через десять к нам подходит очередной гоблин — довольно молодой, с аккуратно зачесанными волосами, побритыми ушами, при костюме.

— Здравствуйте, господин Герон. Архивариус Гульдон Равиль. Слушаю вас.

— Мне по неотложному делу срочно нужна информация по одной из межмировых торговых точек.

— Официальный запрос.

— Запрос?

— Безусловно. Без официального запроса мы не сможем предоставить информацию. Даже главному комиссару округа, — предупреждает он мое возмущение.

— Но, простите. Официальный запрос будет составлен мной и мной же подписан. Какая разница? Я и сейчас могу расписаться везде, где нужно.

— Правила есть правила, — делает гоблин такой вид, будто он тут не архивариус, а хранитель золотовалютных резервов.

— А какую информацию вы можете предоставить без официального запроса? — начинаю я заводиться. Вообще я черт вспыльчивый.

— Только общего характера. Адрес торговой точки, дату открытия, анализ общественного мнения, имя владельца.

— Давайте.

— Обождите.

И удаляется. Вот же бюрократ несчастный. Ну, ничего, значит, заскочим в комиссариат, оформлю запрос и суну ему под длинный нос.

После того, как Гульдон вручает мне скромную папку с тремя бумажками, мы направляемся в местную забегаловку. Отис уже проголодался, да и я тоже.

Нас встречают как лучших клиентов, хозяин кафе знает меня лично, ведь мои ищейки нашли грабителей, которые обчистили заведение, унесли все вплоть до сковородок.

— Адам Гаспарович, — пожимает мне руку низкорослый широкоплечий и очень бородатый мужчина. — Проходите. Ох, вы сегодня не один? — обращает взор на Отиса.

— Да, я с сыном. Хотели пообедать у вас.

— Конечно, для вас все самое лучшее, — лебезит гном.

Гномы так-то народ хозяйственный, труженики. Если берутся за что-то, доводят дело до конца, и живут они достойно, эдакий крепкий середняк. А главное, слово свое держат, в отличие от тех же фей или некромантов. Последние вообще скользкие типы, никогда не скажут, как есть, будут юлить до последнего. Что до фей, то они трусливые и пока не убедятся, что им ничего не угрожает, будут или врать или молчать.

Садимся за стол у окна, жена хозяина сейчас же приносит Отису карандаши и бумагу, а мне вручает меню.

— Сейчас к вам подойдет официантка.

— Хорошо, — киваю и открываю ресторанный карту.

Еще одна отличительная черта гномов — они фанаты мяса. Если хочется наесться мясом от пуза, это к ним. Без раздумий. Шницели, отбивные, колбаски, рульки и жаркое. А мы, черти, мясо уважаем.

— Что будешь? — спрашиваю сына. — Здесь шницели отменные.

— Я хочу хлопья.

— Ты и так ешь эти треклятые хлопья на завтрак, обед и ужин. Хоть раз съешь что-нибудь нормальное.

— А у нас дома и нет ничего, кроме треклятых хлопьев, — передразнивает меня этот паршивец.

— Отис, не беси меня. В общем, шницель будешь, решено.

— Нет, не буду.

В этот момент к столику подходит официантка. Подумать только, чертовка! Рожок не скрывает, а те блестят, точно отполированные.

— Добрый день, комиссар, — мило улыбается, глаза при этом загораются. — Меня зовут Рита.

— Добрый, — все-таки беру себя в руки.

— Выбрали?

— Угу, — и прячу взгляд в меню. Нехорошо так пялиться, не по статусу. Но ее присутствие вызывает естественную реакцию: мне ее хочется. Так уж вышло, что с женщиной не был давно. То работа, то сын. Не до встреч совершенно. — Два шницеля, будьте добры, на гарнир гречку. И морс еще.

— Хорошо. Может, десерт? — косится на Отиса.

— Если только вас, — огрызается мое чадо, а у меня аж дар речи пропадает.

— В смысле? — хлопает глазами обалдевшая Рита.

— Ну, себя полейте сиропом и принесите сюда. Вы ведь поэтому так смотрите на моего отца? Хотите, чтобы он вас...

Но договорить ему я не даю, отвечаю знатный подзатыльник.

— Молчи! — Гаркаю вдогонку: — Извините нас.

Как же сейчас хочется сквозь землю провалиться. Ну, получит он у меня дома, все уши поотрываю.

— Не переживайте, — вдруг расплывается в улыбке Рита, — я росла такой же чертовкой. Родители только и успевали за меня краснеть. С возрастом это пройдет. Блюда будут готовы минут через двадцать.

И удаляется, а у меня разве что пар из носа не идет.

— Ты что творишь? — шиплю на Отиса. — Совсем с ума сошел?

— Она на тебя пялилась.

— И что с того? Всегда кто-нибудь на кого-нибудь пялится, тьфу ты, смотрит. Это нормально.

— А она не просто смотрела, она пялилась. Точно так же, как ты на шницель в меню.

— Твою бы наблюдательность да в дело, в учебу. Еще одна подобная выходка, и можешь забыть про торт.

— Да пожалуйста. Не нужен мне никакой торт! — выкрикивает чертенок и надувается аки еж-рыба.

А меня ни на что больше, кроме удара кулаком по столу, не хватает. Наверное, надо было его пороть. Совсем распоясался.

Едим в полнейшей тишине. Что я такого в жизни натворил? За что судьба меня так наказывает? Вроде, всегда старался быть добропорядочным законопослушным чертом, после училища пошел служить на благо общества. Как ни крути, а детьми все-таки должна заниматься женщина, должна их воспитывать, ежедённо вдалбливать в голову, что такое хорошо и что такое плохо. Но какая женщина согласится заниматься Отисом, когда он вытворяет подобное? Даже система от него отказалась. И вспоминаю про папку.

Так, что у нас тут... достаю три листа. Владелица точки Кейна Артемовна Денисова. И смех и грех, честное слово. Дело свое начала два года назад. Оценка очень высокая. Жалоба была одна-единственная, и та от проходимца, который не оплатил заказ, а тортик забрать пришел. Ага, тут и график работы есть. Оказывается, ее пекарня работает по плавающему графику, видимо из-за тарифа на порталные часы. Интересно, сегодня будет открыто?

— Я пойду оплачу, — поднимаюсь из-за стола, — а ты жди меня здесь, ни шагу в сторону.

За барной стойкой как раз сидит хозяйка заведения.

— Все понравилось? — улыбается круглощекая и всегда жизнерадостная гнома.

— Да, все было очень вкусно. Большое спасибо. Сколько с меня?

Но тут выходит хозяин, подзывает жену. В итоге я остаюсь один на один с Ритой.

— Давайте я вас рассчитаю, — протягивает мне чек, ручку, чтобы я расписался.

— Благодарю, — ставлю автограф, отдаю деньги. — И еще раз прошу прощения за выходку моего сына.

— Ничего, — вдруг протягивает мне сложенный вчетверо лист бумаги. — Если вдруг захотите...

проветриться, — и улыбается так стеснительно, но при этом весьма многозначительно.

Беру бумагу и возвращаюсь к Отису. А почему, собственно, нет? Почему бы не сходить разок на свидание?

Дождаться полуночи едем в комиссариат. В моем кабинете хорошо, уютно и просторно, диван есть, мини-холодильник. Только бы рыжая Артемовна открылась. Времени до дня рождения остается совсем мало. Три дня. А у нее заказов много, а гонору еще больше. Я уже наперед готов заплатить, только бы успеть. Честно говоря, копать под эту Кейну желание пропало. Злость как-то тоже сошла на нет. Все-таки я первый начал, обидел. Да что ж такое, опять хвост рвется наружу. Ненормальность какая-то. Стоит подумать о ведьме — и на тебе...

Время, как назло, тянется медленно, Отис уже и поспать успел, и облазить мой кабинет вдоль и поперек, и нахамить уборщице, за что словил второго за день леща. Я же успел проверить все отчеты, собрать два совещания и рассмотреть две жалобы на моих сотрудников. Полезли с обыском без ордера, идиоты. А за час до выхода ко мне влетел запыхавшийся следователь Новак.

— Господин комиссар! Опять он!

— Кто?

— Душитель! Сегодня в Болотном лесу нашли тело.

— Кого? — сразу возвращаюсь на место, принимаю из его рук фотоотчет криминалиста.

— Ведьму, несовершеннолетнюю. Там... — Но я замотал головой: не при сыне. — Делайте все по инструкции. Завтра с утра жду с информацией всю группу.

— Есть, — и уходит.

Час от часу не легче. Давно мы за этим призраком гоняемся. И все никак. Год назад нам удалось сесть ему на хвост, но подонок ушел, после чего залег на дно. И целых двенадцать месяцев о нем не было слышно, теперь опять. Душит именно ведьм или ведьм-полукровок.

Ладно, с этим уже завтра, а сейчас в Кривой переулок.

И каково же мое разочарование, когда вижу перед собой пустой переулок. Портального дома нет.

— А что мы здесь делаем? — Отис смотрит на меня сонными глазами.

— Да так... Думал, найду здесь выход...

— Какой выход?

— Неважно, поехали домой.

Сутки спустя

Кейна (Карина)

Сегодня мой день начался как-то не так. Все из рук валится. Дома любимую конфетницу разбила, чуть ключи от квартиры вместе с мусором не выбросила. Сменку Насте забыла передать, хорошо, в садике есть запасная. Давно такого не было.

Доехать бы до мастерской без происшествий.

— Девушка! — раздается за спиной, когда я почти выхожу из автобуса.

О как! Знакомое красивое лицо.

— Ваш зонт, — протягивает мне мой зонтик в клеточку тот самый стильный красавчик, что не так давно уступал место.

— Спасибо, — беру забытую вещь и ругаю себя всяко разное.

А мужчина выходит вместе со мной.

— Приятно познакомиться, — улыбается, — Артем.

— Карина, — киваю растерянно.

Хм, встречаемся второй раз в одном автобусе в одно и то же время. Совпадение? Возможно.

— Хороший здесь район. Тихий, спокойный, — осматривается он.

— Недавно переехали?

— Да. По работе приходится часто мотаться, меняю города, иногда страны. Сейчас вот сменил район.

— Что ж, — ежусь от прохладного ветра, — спасибо, что вернули, — засовываю зонт в пакетик. — Хорошего вам дня, Артем.

— А как вы смотрите на то, чтобы выпить со мной чашку кофе?

— У меня работа.

— После работы, — пожимает широкими плечами. — Я наглею, да? — улыбается. — Простите, если смутил. Но вы мне очень понравились. Возможно, молодежь сейчас иначе знакомится.

— А вы что же, к молодежи себя не относите? — искренне удивляюсь. Да ему на вид и тридцати нет.

— Ну, две недели назад справил тридцатипятилетие, так что все-таки я уже не в той весовой категории.

— Надо же, никогда бы не подумала.

— Мне часто советуют отрастить бороду, — смеется. — Карина, а давайте хотя бы телефонами обменяемся. Честно, навязываться не буду.

А я все смотрю на него, смотрю... так и хочется спросить: нет ли у тебя, дорогой, в родне чертей каких. Но конечно же спрашивать не буду. Уж больно хорош для простого смертного.

— Прощу, — протягиваю ему визитку со своим телефоном. Есть у меня с адресом мастерской, а есть только с номером телефона.

— Спасибо, — и протягивает мне свою. — Был очень рад знакомству, надеюсь, еще увидимся.

На что я молча улыбаюсь. Мужчин к себе не подпускаю давно, как-то не осталось для них места. Но этот напорист, нахрапист, притом такой вежливый, тактичный, и телефончик таки выщиганил.

— Тетя Маша, доброе утро! — по привычке вваливаюсь в мастерскую.

— Доброе, Карина, сегодня у нас аншлаг. Опять.

— Что такое?

— Поступило три крупных заказа. Первый, — открывает свою записную книжку, — на четыре торта для корпоратива, каждый по десять килограммов. Там празднуют десятилетие компании; в общем, четыре отдела — четыре торта. Второй, — перелистывает страницу, — свадебный на двадцать килограммов и к нему еще сорок капкейков в том же стиле. Господи, слово-то какое — капкейки. Да кексы это, кексы со шлепком крема сверху. И третий — торт на проводы. Школьная учительница выходит на пенсию. Вот такая петрушка, — упирается она пухлыми кулаками в стол.

— Да ладно, — так и опускаюсь на стул. Вчера из ящика я еще шесть заказов забрала. Правда, там четыре на небольшие торты и два на пирожные. Но все равно... с таким объемом работать не доводилось.

— Слава бежит впереди тебя. Знаешь, я могу привлечь в помощь свою приятельницу, она, как и я, с тестом на «ты», а еще на этих вот капкейках собаку съела. У Вали пятеро внуков, и каждый выходной она печет для них по двадцать-тридцать кексов.

— Давайте вашу приятельницу. И как можно скорее, — стягиваю с себя пальто.

— Только, — качает головой Мария Федоровна, — у нас холодильников не хватит.

— Об этом не переживайте, хватит, — иду в направлении двух больших контейнеров, накрытых чехлами. — Взяла их за копейки у продуктового магазина, — стягиваю чехлы, — отмыла, а потом починила. Вышло очень бюджетно.

— Вот есть в тебе эта предпринимательская жилка.

— Да уж, плохо, что руки всего две, — пытаюсь сообразить, с чего начать. Но отставить панику! Сначала надо посмотреть, что там по датам. Не всем же в одно время надо, в конце концов.

Вот с шестью заказами из смежного мира понятно, там нужно к завтрашнему дню, вернее, ночи. А тут сейчас разберемся.

И действительно, все оказывается не так страшно. Торты для корпоратива нужны через три дня, свадебный на послезавтра, а юбилейный — на завтра. Но, честно говоря, помощь не помешает. Нам вдвоем с таким ростом количества заказов справляться становится все сложнее. Если приятельница тети Маши запросит не очень много, то будет просто здорово.

Люблю свое дело, всем сердцем и душой люблю, но иногда оно так выматывает. С другой стороны, это просто прекрасно, что заказы сыплются на меня как из рога изобилия. Чем больше работы, тем сытнее наша с Настей жизнь. Я могла бы пойти на какую-нибудь непыльную работу, например, администратором в салон красоты, или по профессии — бухгалтером, но это не мое. Не мое проводить по семь-восемь часов в окружении людей, которые ненавидят начальство, ненавидят свою работу, постоянно сплетничают, а главное, указывают тебе, что и как делать. Я свободный в поле ветер, так было всегда. Но знания, полученные в институте, помогли.

К счастью, мое сегодняшнее невезение заканчивается последними двумя разбитыми яйцами, дальше уже справляюсь четко по графику и без происшествий. Пока коржи пекутся, в мастерскую продолжают идти клиенты. За каких-то три часа добавляется еще пять заказов. Н-да, теперь ясно: без помощницы нам с тетей Машей не обойтись.

День проходит в суете, но суете приятной и продуктивной. Мы успели основательно подготовиться к завтрашнему дню. Припасли начинки, оформили коржи, заморозили достаточно теста для будущих капкейков.

— Хорошего вечера, Карин. — Мария Федоровна втискивается в стеганую куртку, берет сумку на колесах, которая с ней всегда и везде. — Завтра приду с Валей.

— Хорошо, тетя Маш. До завтра.

И только за ней закрываю дверь, как чувствую нечто странное. Снова мандраж, да такой, что пальцы начинают дрожать. Вот ведь... Ладно, видимо, хроническая усталость сказывается. Быстро умываюсь, переодеваюсь и, прежде чем покинуть мастерскую, решаю проверить почту. Мало ли, вдруг и там с горкой?

Тогда возвращаюсь в кладовку, снимаю с шеи порталный ключ, который выглядит как самый обычный, только винтажный. Надеюсь, все пройдет гладко.

— Ишаар де фата, меосса де Варла, — шепчу, стоя напротив стены, и спустя мгновение в бетоне появляется замочная скважина, куда и вставляю ключ, затем проворачиваю его ровно три раза. Портал откроется всего минут на пять, это в полночь он открывается на положенные четыре часа.

Сейчас же стена начинает искажаться, словно вибрировать, и вот передо мной уже дверь, рядом с которой висит почтовый ящик. Да, там уже что-то лежит. И едва протягиваю руку к ящику, как дверь распахивается и передо мной из темноты вырастает огромная фигура.

— Мама, — срывается с губ.

— Не мама, а комиссар Адам Гаспарович Герон, — смотрит на меня своими черными глазищами чертище.

Ах, Гаспарович, значит. И зачем явился?

— Пришли мою лавочку закрывать? — складываю руки на груди.

— Пришел сделать заказ.

— Увы, нет времени. Портал закроется через пять минут.

— Не закроется, пока я здесь не закончу.

— Я же, кажется, сказала, что не буду...

— Слушай меня сюда, — направляется он ко мне, отчего я невольно пячусь. И не сразу замечаю, как таким макаром мы оказываемся в зале. — Мне позарез нужен торт. Я, — делает глубокий вдох, после чего на выдохе произносит: — приношу извинения за свое неуместное поведение. И готов внести оплату прямо сейчас.

Что ж, раз такое дело... почему бы не пойти на мировую? Может, тогда он отстанет?

— Ладно, — и достаю каталог. — Выбирайте.

— Я уже выбрал. Еще в тот раз, — барабанит пальцами по столешнице.

— Восемь килограммов, полностью шоколадный, вот этот, — указываю на фото.

— Да, все верно.

Надеюсь, у него все сплунется после моего тортика.

— Когда вам нужен торт?

— Через три дня.

— Какие-то надписи? — беру блокнот и ручку.

— «Отису восемь лет».

— Свечи? — сразу смягчаюсь. Все-таки это для ребенка.

— Можно и свечи.

— С вас шесть тэргов.

Он достает из-за пазухи кошелек, выуживает оттуда шесть золотых монет, кладет их на стол, проводит над ними рукой.

— Все правильно? — смотрит с презрением на банкноты.

— Да. Через три дня ваш торт будет готов. Упаковка?

— Желательно подарочная, — переводит взгляд на меня. — В полночь приду за заказом. Надеюсь, не подведешь.

— У меня есть правило, господин черт, — подаюсь вперед я, а мандраж усиливается, но плевать. — Торты для детей я делаю с особой нежностью. Они должны дарить радость и оставлять приятные воспоминания. Так что не волнуйтесь, ваш торт будет готов вовремя и обязательно понравится имениннику.

— Так уверена?

— На все сто. И еще, — так и хочется его уколоть, прямо-таки раздирает, — в следующий раз можете воспользоваться почтовым ящиком, а не караулить меня часами. Это вам еще повезло, что я решила проверить почту.

А ему и ответить нечего, караулил ведь. Интересно, как долго?

— Вы слишком самоуверенная дамочка.

— Есть немного. А теперь прошу, покиньте мастерскую, мне пора домой. К тому же задержка портального окна во внеурочное время мне влетит в копейку.

— Хорошего вечера.

— И вам...

Только что-то он не очень-то торопится. Все стоит, сверлит своим комиссарским взглядом, ноздри активно втягивают воздух, вена на шее пульсирует. Вдруг осекается, поправляет китель и устремляется на выход.

Адам

Меркантильная зазноба. Да за такие деньги, какие она тут лопатой гребет, могла бы сутки напролет держать портал открытым. Ну хоть заказ приняла, причем как услышала, что для сына, мигом присмирела. И вообще, караулил, видите ли... таку нее приемных часов не написано. Хочет — открывается, хочет — не открывается. Форменный беспредел!

Возвращаюсь в комиссариат, а там кипит работа. С утра провели несколько срочных совещаний подряд. Подняли дело душителя из архива, сравнили с новой жертвой. Почерк тот же. Девчонка шла через лес, он же парк, домой от подруги. Ублюдок напал со спины, оттащил к озеру, задушил и заложил за ухо темно-красную хризантему. Единственно, раньше он не трогал несовершеннолетних. Новой жертве было всего шестнадцать.

На столе меня дожидается кипа бумаг. Н-да, до того, как стать главным комиссаром округа, я работал следователем. Постоянные выезды, работа с общественностью, слежка, а теперь бумаги, организационные вопросы и горы отчетов. Но и риска гораздо меньше, а зарплата гораздо больше.

Разбирая бумаги, натываюсь на папку с данными ведьминой пекарни. Все-таки глаза у тортоделки, как два омота, так и тянет занырнуть.

— Да что б тебя, — встаю со стула. Бесов хвост. Что за дьявольщина такая? — Купировать бы тебя, — обматываю его вокруг подлокотника. — Все равно никакого проку.

А треклятая ведьма так и не идет из головы. Только бы не подставила. Вдруг раздается треск.

— Ну, бляха-муха, — смотрю на сломанный подлокотник.

И снова дела, летучки, разбор полетов, отчеты. Домой удается попасть только к полуночи. Отиса нахожу спящим у телевизора. Мой чертенок свернулся калачиком, обнял себя хвостом. Надеюсь, день рождения ему понравится и запомнится, как выразилась рыжая бестия. Светлых воспоминаний и так немного. Без матери Отису тяжело, а мне тяжело, потому что ему тяжело. Я стараюсь, очень, но больше, чем есть сейчас, сделать не могу. Если бы он еще в школу ходил, пусть и учился бы на двойки, но, главное, находился бы среди других детей, глядишь, друзей бы нашел. А так... сидит целыми днями дома, бродит от телевизора до планшета и обратно, гонит от себя всех.

Накрываю сына одеялом, а сам поднимаюсь вверх. Видимо, хреновый из меня отец. Не могу наладить контакт с собственным ребенком. Надо опять прозвонить агентства, может, они там поостыли и согласятся подыскать кого-нибудь.

Следующие два дня пролетают в работе.

Из-за душителя власти стоят на ушах, требуют от нас максимум эффективности, все-таки праздник на носу, а сразу после того выборы мэра, само собой, нынешний мэр — варлок Гюстор де Брок не хочет терять свое место, соответственно, трясет окружные комиссариаты, чтобы как можно скорее поймали маньяка. Мы и рады бы, но этот урод стал еще умнее, еще осторожнее, следов не оставляет, только тела. Лично мои следователи работают чуть ли не сутками, оперативные группы прочесывают парки и леса. Возможно, пока подонок побоится высываться, будет ждать затишья. И когда шумиха уляжется, тогда настанет час подразделения особого назначения, с оперативниками которого я уже обговорил план действий и мероприятий.

А сегодняшнее утро начинается с суеты. Меня срочно вызывают в мэрию, так как господин де Брок желает получить все последние новости из первых уст. Но еще сегодня день рождения Отиса, который должен пройти по всем правилам. Так что планирую расправиться с делами к обеду и уже вплотную заняться сыном. Сразу после аттракционов заедем в Кривой переулок за главным подарком. Отис ото всего отказался, единственное, что он хочет получить на день рождения — это торт. Уж не знаю почему... Я и велосипед предлагал, и новые игры скачать на планшет, и даже новый планшет, но Отис отверг все.

— Ты ведь его заказал? — бегаю за мной по пятам с самого утра и, кажется, этот вопрос задал уже в двадцать пятый раз.

— Заказал, — отвечаю так же в двадцать пятый раз.

— Точно? Не врешь?

— Точно. Не вру.

— А он будет большой? — забегает за мной в ванную.

— Очень, — снимаю с сушки рубашку.

— Вот такой? — разводит руки в стороны.

— Почти.

— И шоколадный? — прищуривается.

— Весь. Полностью, — расправляю рубашку на гладильной доске.

— А когда мы его заберем? — чуть не переворачивает мне утюг.

— В полночь.

— Почему так поздно?

— О, силы тьмы! Отис, может, хватит? Если я сказал, что все будет, значит, все будет. Но в полночь!

— Ладно, — и убегает в коридор. — Но быстро возвращается. — Мне, кажется, ты ничего не заказал.

В этот момент я понимаю, что мой мозг вот-вот взорвется.

— Брысь! — топаю ногой посильней, и Отиса как ветром сдувает.

Перед выходом велю своему спиногрызу навести порядок хотя бы в его комнате и обещаю приехать за ним в обед. У нас по плану прогулка, посещение парка аттракционов, после чего торт, который хочу забрать вместе с ним.

Кейна (Карина)

Ну и работы сегодня! Кажется, даже в три пары рук мы не справляемся. У меня голова огнем горит, отчего и без того слабенькие способности конкретно сбоят.

Мария Федоровна и Валентина Ивановна занимаются коржами, а я начинками. Мы, честно говоря, чуть ли не по головам друг у друга ходим, места катастрофически не хватает, срочно нужен еще один стол. Хорошо хоть холодильники набрали холод, а то сегодня один так громыхал, я уж испугалась, что все, накрылся.

Ночью предстоит отдать семь заказов, а завтра днем придут за тортами для корпоратива и еще за двумя детскими. Пока все идет по плану, но нервное напряжение сказывается, я дергаюсь по малейшей ерунде. В холодильных камерах уже стоят восемь готовых тортов. И один из них для высокомерного комиссара. Торт получился отличный, можно сказать, идеальный по форме и содержанию. Шоколадные коржи, начинка — три шоколада, полит шоколадной глазурью, украшен шоколадной стружкой и завитками, а бонусом я решила добавить ягод в шоколадной корзинке, которую разместила в центре торта. Надпись нанесла гелем из белого шоколада. Надеюсь, после этого Черт Гаспарович от меня отстанет.

Ко всему прочему в мастерскую продолжают идти клиенты за теми тортами, что были приготовлены вчера. Доставки у меня, к сожалению, пока нет.

Вдруг слышу знакомый баритон.

— Добрый день, — здоровается некто с тетей Машей, — а Карина здесь?

— Да, здесь.

И я выхожу в зал.

— Артем? — так и застываю на месте. — Вы тут какими судьбами?

— Вы обещали мне перезвонить, но не перезвонили. В общем, я решил лично навестись.

— Ой, — зажмуриваюсь. Точно. Он мне вчера набрал под вечер, я же, будучи на полпути в сон, что-то невнятное пробормотала, а наутро благополучно забыла о звонке. — Простите, замоталась.

— Да я вижу, вижу, — окидывает он меня взглядом с ног до головы.

На лице мука, руки в сахарной пудре и в довесок подозрительно дергающийся глаз.

— Столько работы навалилось, — говорю, подходя к прилавку.

— И честно говоря, я сражен наповал, — как-то виновато улыбается нежданный визитер. — Думал увидеть вас любой, но не такой.

— Какой не такой?

— Не такой труженицей. Вам очень идет форма.

— Спасибо.

— Но не буду отвлекать, просто хотел узнать, смогу ли вас увидеть, например... — запинаясь. — В общем, когда у вас будет свободное время.

— Думаю, завтра. В одиннадцать. Здесь недалеко есть кафе, буквально через дорогу.

— Хорошо. Значит, в одиннадцать здесь, — и уже собирается на выход.

— А как вы узнали, где я работаю?

— Так ваша визитка, — достает из кармана и показывает мне.

Странно, я готова руку отдать на отсечение, что давала ему визитку без адреса мастерской. А на этой есть адрес. Хотя, может, все-таки перепутала впопыхах. Но ладно, не до этого сейчас. Главное, не забыть бы, что наобещала ему.

К вечеру становится немного спокойнее, во-первых, никто уже не отвлекает, во-вторых, почти всё, что запланировали, сделали. Помощницы уходят уставшие, но довольные. Я им заплатила уже сегодня. Марии Федоровне положенную зарплату, а Валентине Ивановне за отработанный день. И остается мне немного времени на то, чтобы навести в мастерской порядок, прежде чем портал откроется. Клиенты не должны видеть бардак.

— Эллис ди мортэ, — и посуда распределяется по размерам, выстраивается в башни. — Тэа ра, — включается вода, дальше посудины поочередно ныряют в раковину, а выныривают чистыми и отправляются на стеллажи.

К полуночи у меня уже чисто, опрятно, и я готова к встрече со своими покупателями из смежного мира.

— Ну, понеслась, — открываю портал, затем возвращаюсь за прилавок.

Первыми идут ведьмы, они всегда очень пунктуальные, за ними следом многочисленная семья гномов. Коренастые мужички берут большой торт, ставят на импровизированные носилки и уносят, а женщины расплачиваются. И тут я понимаю, что на самом-то деле жду господина черта, так и хочется уделать его, увидеть в глазах восхищение, а главное, ощутить вкус его поражения. Только хвостатый комиссар что-то не торопится за своим заказом. Неужели не придет? Странно, все-таки ребенку торт заказал. Видимо, папаша из него не лучше. Все мужики одинаковые, хоть с рогами, хоть без. Ничего им не надо, ничего им не важно. Вон, мой бывший — яркий тому пример, хоть бы раз про дочь вспомнил, хоть бы раз. Но нет, как ушел, так с концами. А Настя первое время его ждала, плакала. Сволочь он!

До закрытия портала остается всего-то полтора часа...

— Блеск, — смотрю с сожалением на одиноко стоящий шоколадный торт за стеклом. — Не повезло тебе, никому ты оказался не нужен, — и глаза начинает щипать от слез. Столько я в него души вложила, так старалась, а что в итоге?

И в момент, когда слезы уже ползут по щекам, дверь открывается.

— Черт, — шепчу чуть слышно и скорее вытираю слезы.

— Он самый, — раздается слева.

На пороге стоит Гаспарович собственной персоной, но не один, за его ногой прячется ребенок, только вижу, как хвостик извивается на полу.

— Думала, уже не придете, — сразу направляюсь к холодильнику, но останавливаюсь. — Это ведь для тебя торт? — обращаюсь к маленькому чертенку.

— Да, — выглядывает тот.

— Тогда иди сюда, ты его должен увидеть первым.

И не проходит секунды, как черноволосый мальчик с рожками и на удивление волосатыми ушками уже стоит около холодильника.

— Это он? — округляются его и без того большие глаза.

— Угу. Нравится? — открываю дверцу.

— Я таких никогда не видел.

— Значит, ты у нас Отис. Верно? — достаю торт, ставлю на столик на колесиках. Не в руках же

такую тяжесть тащить.

— Верно, — обращает он взор на меня. — А ты?

— Отис! — гремит господин сердитый. — Поуважительней!

— Ничего, — смотрю на мальчика. — Я Кейна, — и протягиваю ему руку.

— Вы пахнете, — принюхивается к пальцам.

— Чем же?

— Шоколадом, — снова принюхивается, — и карамелью.

— Верно, сегодня было много тортов с карамельной глазурью.

— Вкусные, наверное.

— Думаю, да; но твой, — склоняюсь к нему, — скажу тебе по секрету, самый вкусный.

И вижу смущение, щеки мальчика розовеют. Моя Настя тоже частенько краснеет. Стеснительность — хороший признак.

Комиссар Рекс тем временем проходит в зал, осматривается. Такое ощущение, будто сейчас начнет отпечатки пальцев снимать.

— Не желаете присесть? — указываю ему на деревянную лавку. — Пока я буду упаковывать торт.

Он молча садится, доска под ним нещадно скрипит. До чего же здоровый чертище.

— Кейна? — Отис уже еле сдерживается, так и вертится вокруг торта. — А можно мне его попробовать?

— Так, дома попробуешь. Вы же будете праздновать, задуть свечи.

— А мы и здесь можем! — переминается с ноги на ногу.

— Ну, не знаю. Как твой папа скажет. Он ведь твой папа? — шепчу.

— Да, да... Пап? — подбегает к Гаспаровичу. — Можно?

А черт так странно смотрит то на меня, то на своего сына:

— Если госпожа Кейна не против.

Ох как, я уже госпожой стала. Надо же, надо же, мои акции растут.

— Я не против, — честно говоря, разочаровывать его сына не хочется совсем. Эти горящие восторгом глаза мне хорошо знакомы. Только вот что случилось с комиссаром? Сидит хмурый, думу думает, будто сейчас важное что придумает. — Тогда мне понадобится твоя помощь, — указываю чертенку на стеллаж, — там есть пластиковые тарелочки и приборы. Неси.

Затем лезу под прилавок, имеется у меня тут кое-что. От прежних заказчиков осталось. Пять праздничных колпаков и три свистульки. Уж не знаю, есть ли такое в смежном мире.

Отис притом уже стоит рядом с тарелками и приборами в руках, а его хвост мотается из стороны в сторону.

— Расставляй, а я воткну свечи в торт. И вот, держи, — надеваю ему на голову колпак, — а этот для твоего папани, — даю второй.

— Спасибо, — чертенок торопится к отцу. — На, — сует ему в руки.

Господин Черт нехотя, но натягивает колпак.

— Вам идет, — усмехаюсь. До чего приятно лицезреть его недовольный вид.

В это время распределяю свечи, зажигаю, затем надеваю колпак на себя, беру свистульку.

— Отис, — даю ему встать рядом, — загадывай желание.

— Зачем? — смотрит на меня растерянно.

— Ну как же. Если загадать желание и задуть свечи, оно обязательно исполнится. Только нельзя

никому рассказывать о том, что загадал.

— Точно исполнится?

— Точно, точно.

— Ладно, — поворачивается к торт, с минуту размышляет, параллельно дергая ушами. — Загадал! — выдает с улыбкой от уха до уха.

— Отлично. Теперь задувай и смотри, надо разом все. Господин комиссар, — возвращаю Адам Гаспарыча на землю, — не желаете примкнуть к празднующим?

— А, да, — поднимается, подходит к нам, но смотрит почему-то на меня. И взгляд такой, от которого по спине мороз.

— Задувай, Отис, — опускаю взгляд на мальчика.

Адам

Я глазам своим не верю. Таким сына не видел, пожалуй, никогда. Он робеет! И, силы нечистые, не хамит! А еще смотрит на рыжую бестию с небывалым восторгом, ходит хвостом за ней по мастерской. Думал, придется всячески краснеть и белеть за его поведение, но нет. Более того, Отис вообще забыл обо мне, скорей сунул этот несчастный колпак в руки и опять к ней поближе.

А ведьма! Тоже удивила. Конечно, бросает на меня свои зловредные взгляды, но на Отиса смотрит с добротой. Даже вон, решила устроить ему праздник прямо здесь. Жаль, времени маловато, все-таки мы задержались, попали в такую адскую пробку, думал, вообще опоздаем.

— Давай, Отис, — подаю-таки голос, — задувай.

И он набирает в грудь побольше воздуха. Задувает все свечи, после чего раздается жуткий звук, от которого у меня уши чуть ли не в трубочку сворачиваются.

— Это что еще такое? — смотрю, как ведьма дует в какую-то странную штуку.

— Это свисток, праздничный, — обдает меня убийственным взглядом. Ой, как страшно...

Но происходящее дальше меня вконец выводит из состояния равновесия. Кейна накрывает прилавок скатертью, после идет к чайнику, включает. Скоро на прилавке уже дымятся кружки с чаем. И ведьма приступает к торт, вернее, помогает Отису отрезать куски и раскладывает их по тарелкам. Но почему-то только два куска, себе не берет.

— А ты? — Сын первым делом хватается за третью тарелку.

— Это же твой торт, Отис, — вижу, как теряется.

— Но ты же на моем дне рождения, — чешет за ухом. — А значит, должна съесть торт.

— Ладно, тогда угощай.

Ей Отис отрезает сам, сам вонзает в кусок вилку, сам подает.

— Спасибо.

Что сказать, торт выше всех похвал. Шоколадный мусс и мягкие коржи тают во рту. Кейна действительно творит чудеса кулинарии. Недаром к ней такая очередь, я все-таки понаблюдал, поставил патрульную машину напротив переулка. Народ к ведьме идет и идет, кидают свои заказы в ящик. Но сейчас важнее другое — реакция Отиса на нее. Мой сын ведет себя как ребенок, а не как загнанный в угол зверек. Ему все интересно, ему все радостно, ему хорошо. Недаром говорят, что дети чувствуют тех, кто внутри несет добро. Да что там, я сам весьма странно реагирую на эту женщину. словно какое-то шестое чувство срабатывает каждый раз, неспроста же хвост встает в стойку смиренно. Опять вон рвется, но я держусь. И не смотреть на ведьму не могу, приковывает к себе. Видимо, она все-таки многое взяла от матери, о которой я тоже узнал. Потомственная ведьма, довольно сильная, но после первого неудачного брака с варлоком ушла в мир людей, где и осталась.

— С днем рождения, Отис! — Кейна ерошит ему волосы, после чего снова лезет под прилавок и достает оттуда пеструю плоскую коробку. — Держи, — протягивает сыну, — подарок от меня.

— Ой, а что это?

— Дома узнаешь, — смотрит на часы.

И я понимаю, что пора нам и честь знать. Тем более что скоро рассвет.

— Благодарю, — склоняю перед ней голову. — За все.

— На здоровье, — улыбается краешками губ. А глаза снова вспыхивают. Вот ведь... ведьма.

Пока она старательно упаковывает торт, я продолжаю наблюдать за ней. В каждом движении уверенность, ловкость. Но все-таки замечаю спешку и некую обеспокоенность. Видимо, мы ей доставили неудобства. В конце концов, я ведь ничего не знаю о ней самой. Чем живет, как, с кем? Невольно поворачиваюсь к входной двери, что ведет в ее мир. Там еще темно, но машины мелькают все чаще. Никогда не бывал в мире людей, впрочем, как и Кейна не бывала в нашем. Она родилась среди людей, ее мать не стала оформлять межмировой паспорт, что тоже странно. Вероятно, решила с концами порвать с родиной. Но коль в Кейне есть магия, то и право проживать на родине своих предков у нее тоже есть. Его только правильно оформить нужно. И почему я об этом вообще думаю?

— Отис, нам пора, — беру короб.

Сын хоть и неохотно, но послушно идет за мной, однако все время оборачивается. А Кейна следует за нами.

Перед закрытием ловлю ее взгляд. Так мы и смотрим друг на друга, пока портал медленно смыкается.

— Идем, — подталкиваю своего чертенка к машине.

А тот миглом впадает в привычное состояние: насупливается, плечи опускает, по подарок держит крепко.

Тебе понравилось? Может, стоило дома отпраздновать? — Пусть хоть что-нибудь скажет, поделится впечатлениями.

— Давай закажем еще торт, — сразу оживляется он, — как-нибудь. У тебя ведь тоже день рождения скоро.

— О, вспомнил, — усмехаюсь. — Может быть. Только вряд ли госпожа Кейна захочет нас видеть снова.

— Это еще почему? — вскакивает со своего места, а чтобы не свалиться, цепляется за сидение хвостом.

— Ну, у меня с ней как-то не заладилось.

— С тобой, может, и нет, а со мной заладилось. Она добрая и красивая. И не жадная, вот, — трясет коробкой, — даже подарок подарила.

— Хорошо, я подумаю.

Домой возвращаемся под утро. Отис сразу поднимается к себе, а я остаюсь внизу и укладываюсь на диване. На сон осталось всего-то пара часов, потом в комиссариат. Мэр знатно накрутил нам хвосты. И когда уже почти задремываю, меня осеняет. Вот и ответ! Вот и решение! Я предложу ведьме работу! Няней. Предложу достойную оплату, уж точно не меньше того, сколько она зарабатывает на тортах. Да, да, да. В итоге быстро привожу себя в порядок, наведываюсь к сыну. А он лежит в кровати, подарок рядом. Кейна будет здесь, и они поладят с Отисом. Но прежде мне нужно больше информации о ней, к тому же необходимы документы. Ну, их я обеспечу без проблем. Главное, чтобы ведьма согласилась. Однако что-то мне подсказывает, переговоры будут не из легких.

Дорога занимает чуть больше часа.

Уже в своем кабинете вызываю помощника:

— Корсак, — сбрасываю куртку, — мне нужна информация. Срочно.

— Какого рода?

— Ведьма Кейна Артемовна Денисова.

— Кейна? Та самая Кейна? — Вижу, как его глаза лезут на лоб. — Вы все-таки обратились к ней?

— Да, она. Да, обратился. Но сейчас не об этом.

— Что-то не так? У Кейны проблемы?

— Нет у нее проблем, — бросаю на него злобный взгляд.

— Понял. Есть у меня знакомые на той стороне, помогут.

— И еще, оформи запрос на получение вида на жительство на ее имя и отправь в посольство. К запросу приложи данные о родителях.

— Будет сделано.

А дальше дела насущные. Совещания за совещаниями, два выезда на места преступлений. Ограбили высокопоставленных членов городского совета, как тут не поехать и не засвидетельствовать свое почтение. Раньше я презирал их всех, считал жалкими бюрократами, оторванными от реалий жизни, впрочем, мнения своего не изменил, но в силу занимаемой должности теперь вынужден нет-нет, да расшаркиваться перед этими толстосумами. Все-таки от них зависит бюджет управления, а это зарплаты моих коллег, оснащение и прочее, прочее, прочее.

До вечера так и катаюсь по городу, параллельно позваниваю Отису и каждый раз на вопрос: «Как дела?» — слышу: «Норм». Откуда только он взял это жуткое словцо? Что это вообще такое «норм»? И уже собираюсь ехать домой, как получаю сообщение от помощника: «Я все достал». Тогда мчусь обратно в комиссариат.

— Господин Герон, — в кабинет заходит довольный Корсак с пухлой папкой в руке. — Вы просили информацию по ведьме.

— Уже? — резко опускаюсь в кресло.

— Да. Она добропорядочная и законопослушная гражданка, информация о ней в общем доступе, даже напрягаться не пришлось.

— Давай сюда.

Наконец-то я узнаю, кто такая эта Кейна. И скорей выпроваживаю Корсака, ибо на сей раз сдержать свой хвост не в силах. Как только за помощником закрывается дверь, хвост становится трубой. Но мне уже плевать, на все плевать, кроме того, что содержится в папке.

Итак...

Карина Артемовна Денисова, двадцать пять лет. По образованию бухгалтер-экономист, два года как индивидуальный предприниматель. Семейное положение. О! В разводе, имеет пятилетнюю дочь. Вот это новости.

Встаю и начинаю наматывать круги по кабинету. У нее тоже ребенок, и тоже воспитывает одна. С этим сложнее. С другой стороны, что ей терять? А дом у меня большой, все поместятся. И Отису будет веселее.

Кейна (Карина)

Мне срочно нужен выходной. Хотя бы один малюсенький выходной.

Кое-как разлепляю глаза. И понимаю, что сил встать просто нет. Ноги до сих пор гудят, поясница отваливается, голову точно стальным обручем стянуло. Но надо, надо встать, забрать от соседки Настю, проводить в детский сад и опять ехать на работу. Видимо, я слишком много на себя взяла. Чтобы делать столько тортов, нужно больше людей, больше площади, больше оборудования. Тетя Маша и Валентина Ивановна стараются, очень, но стоит признать, сил в них уже не так много, возраст как-никак. Да и я не всесильная, несмотря на то что владею магией, пусть и самой примитивной.

Ох, еще ж обещала этому Артему встречу. Как не вовремя. И так дочь не вижу, моя малышка то в садике, то у Лены. В общем, схожу сегодня с ним в кафе и расставлю все точки над «ё». Мужчинам в моей жизни пока нет места. Да и желания нет, если честно. На свидания надо ходить с легким сердцем, легкими мыслями, а у меня везде засада. Упущу свой звездный час, уже не наверстаю. Сейчас важнее дочь и работа.

Поначалу мне думалось, что в семье главным должен быть мужчина. Его задача обеспечивать, решать серьезные вопросы, а моя — быть хорошей женой и матерью, поддержкой мужу, вести хозяйство. Только все это оказалось мечтами насадки-идеалистки. Муженек довольно скоро начал упрекать, потом ужимать в расходах, хотя тратила я всегда с умом. Дошло до того, что он стал пересчитывать памперсы и ругать меня, мол, я слишком часто их меняю трехмесячному ребенку. И в какой-то момент супруг решил, что с него хватит. Хватит тратить время и деньги на тех, кто не дает ему полноценно радоваться жизни.

— Привет, зайчонок, — обнимаю дочку, передаю Лене коробку с пищей.

— Ты в порядке, Карин? — соседка как-то подозрительно на меня смотрит.

— А что такое?

— Глаза у тебя огненно-красные. Ты бы взяла себе денек-другой на передышку, нельзя же так. Сломаешься.

— Да, надо бы.

И когда провожаю Настю в детский сад, на душе становится так погано. Мой ребенок постоянно с кем-то, я упахиваюсь на работе, а должна еще идти с холеным красавчиком на свидание. Чего ради? Что мне с этого свидания? Что мне с этого красавчика?

В мастерскую еду с явным желанием отказать господину красивому. Кофе попить и дома могу. А он уже тут как тут, ждет У дверей.

— Доброе утро, — улыбается как всегда сахарно, однако улыбка довольно быстро сходит с губ. — Вы себя хорошо чувствуете?

— Доброе. Да, хорошо.

— Не хотите никуда идти, верно?

Он что, ясновидящий? Или по моему лицу настолько все очевидно?

— Вчера был тяжелый день. Спала всего два часа.

— Тогда вам определенно нужно отвлечься, — вдруг берет он меня под руку. — Уверю, надолго не задержу.

Ну ладно. Сейчас мне чашка кофе и правда будет нелишней, но потом я отважу Артемона, есть у меня годами отработанная схема.

— Хорошо, только предупрежу своих помощниц, — и я ныряю в мастерскую. — Теть Маш, я отбегу на полчаса.

— О-о-о, милая, можешь и на часик, и на два отбежать, — смотрит она на меня с сочувствием. — Ты сегодня вообще спала?

— Вроде бы...

— Понятно. Иди, иди, мы пока тут сами. Благо, знаем, что делать.

Что ж, вперед.

— Я готова, — возвращаюсь к Артему.

— К чему? — усмехается.

— К кофе.

В кофейне напротив уютно, мы сюда часто с дочкой заглядываем. У них в обеденное время шикарные ланчи.

Артем подводит меня к столику у окна, помогает снять пальто, выдвигает стул, задвигает стул уже вместе со мной. Галантен, однако. Затем снимает пальто с себя. Фигурист, весьма. Но до комиссара Рекса ему все же далеко, тот здоровенный, брутал-бруталище, одна ручища, как две Артемовы. А взгляд до чего проникновенный. Так, что-то не том я думаю. Всякие черти в голову лезут.

— Чего желаете? — подает мне меню кавалер.

— Латте с карамельным сиропом.

— И все?

— Да.

Себе Артем заказал двойной эспрессо.

Кофе нам принесли быстро. И вот мы остались один на один, теперь как бы разговоры разговаривать надо. Но Артем не торопится. Видимо, испугался или понял, что ему такого «счастья» не надо. И правильно, мне тоже не надо. Вот сейчас посидим, попьем кофею, перекинемся парой фра;! о погоде и разойдемся. Даже тяжелую артиллерию привлекать не придется.

— Вы меня простите, — наконец-то поднимает он взгляд, — но мне искренне вас жаль.

— И почему? — вдруг резко просыпаюсь.

— Вы замучены. И это в корне неправильно. Молодая красивая девушка не должна так вкалывать.

— У меня есть причина так вкалывать, — решаю выложить все карты.

— Ребенок? — вдруг огорошивает он; ну точно ясновидящий.

— Да.

— Карина, — подается вперед Артем, — давайте перейдем на «ты».

— Давайте.

— Хорошо. Ты мне нравишься, очень. И понравилась давно.

— Давно?

— Да, просто ты меня не замечала, а я держался в стороне, не решался подойти. Практически каждый день ты садишься в тридцать шестой автобус в восемь двадцать, едешь сюда, но возвращаешься уже не автобусом.

— Следил за мной, выходит? — Меня аж как-то передергивает от его откровений.

— Я всего лишь раз сел в автобус, когда у меня сломалась машина, в тот день и встретил тебя. Теперь вот даже привык ездить общественным транспортом. С выделенными линиями так и вовсе получается быстрее, чем на машине. Не подумай только, я не псих и не преследую тебя. Просто боялся получить отказ, потому и медлил.

— Зря медлил, я все равно откажу, потому что у меня нет времени на свидания, на отношения.

— Понимаю, прекрасно понимаю. И хочу помочь.

— Помочь? — расплываюсь в широкой улыбке. — Как же ты хочешь мне помочь?

— Да как угодно. Если я тебе не нравлюсь, то ладно, приму и оставлю тебя в покое. Но если все-таки хоть чуть-чуть есть симпатия, то я был бы счастлив с тобой встретиться снова, потом еще и еще. Был бы рад помочь с работой, я занимаюсь подбором персонала для крупных компаний, провожу тренинги, у меня много знакомых.

О как! Сразу расписал целый план действий. Он уже не ясновидящий, он супермен какой-то.

— Мне надо подумать над твоими словами, но прости, ничего обещать не буду.

— Хорошо, я согласен.

— Спасибо за кофе, — допиваю до конца.

— Я наберу на следующей неделе?

Согласно киваю. В какой-то степени его разумность и поступательность подкупают. Правда, смущает тот факт, что товарищ из-за меня привык кататься на автобусе. Интересно, как долго длится эта слежка? Но спрашивать не хочу.

Артем провожает меня до мастерской, после чего садится в джип цвета мокрого асфальта, который припаркован в пяти метрах в кармане.

Чего им всем от меня надо? Ну ладно, первому торт понадобился для сына, здесь все прозрачно чисто, к тому же он представитель закона. А этот кто есть такой? И главное, как мастерски

окучивает. Видит, я на всех чертей похожа после трудовой ночки, так сразу про помощь запел. Кадры-то он мне найдет, и тренинг, наверное, проведет. А еще что сделает? И да, я злая! Сегодня особенно. Так бы и превратила кого-нибудь в жабу, если бы могла.

Весь день пролетает за работой.

Хорошо хоть сегодня приду домой вовремя, заберу дочку из сада. Но проверить почту все-таки надо.

И только открываю портал, как в дверь вваливается Черт Гаспарович. Опять, что ли, караулил? Я от неожиданности аж ключ роняю на пол.

— Напугал? — смотрит он на меня с высоты своего исполинского роста, пока я заглядываю под стеллажи в поисках ключа. — Прошу прощения, не хотел.

— Чего вам от меня надо, господин комиссар? — Ага, вон он, родимый. Достаяю ключ. А когда хочу подняться, натыкаюсь на огромную ручищу черта.

— Позвольте, — хватает он меня без всякого на то согласия и ставит на ноги. — Я хочу с вами поговорить по очень важному делу.

— С тортом что-то не так? — Только не это. Ну за что?

— Нет-нет, с тортом все прекрасно. Сын его почти доел.

— Как вы можете разрешать ребенку есть столько сладкого? — прячу ключ под китель.

— В общем, — явно торопится он, — мы могли бы присесть?

— Да, прошу, — указываю в сторону зала.

Адам Гаспарыч сбрасывает с себя куртку, являя взору идеальную фигуру, а форма ему однозначно идет, затем садится на высокий стул, на котором обычно заседаю я, мне же остается облокотиться на прилавок, если я сяду, то буду смотреть на него, аки блоха на королевского дога.

— Я вас слушаю, — кладу ладони на столешницу.

— У меня к вам предложение, — выпячивает грудь вперед, — деловое.

— И? — начинаю тихонько барабанить пальцами.

— Мне нужна няня для сына.

— Вам няню посоветовать? Но разве в смежном мире...

— Нет-нет, — перебивает, — я хочу вам предложить работу няни. Вы очень понравились Отису. Так уж вышло, что ему сложновато найти общий язык с окружающими, а вы...

— Так, стоп, — уже перебиваю я. — Я никогда не работала и не планирую работать няней. Я кондитер, — проговариваю слова как для умственно отсталого, потому что именно на такого сейчас и тянет господин комиссар. — Пеку торты и пирожные. — Нет, ну подумать только.

— Я в курсе, — кривится, — не дурак, успел заметить.

— Тогда как, позвольте спросить, вам такое вообще в голову взбрело? У вас что, нет агентств по подбору подобного персонала?

— Агентства есть, но нужного мне специалиста нет.

— Боюсь, я ничем не смогу помочь, господин Герон. Это вы совсем не по адресу.

— А если я предложу оплату, которая превысит ваш нынешний доход в полтора раза?

— Но вы не знаете моего дохода. К тому же, помнится, вы были крайне огорчены стоимостью торта, даже обвинили меня в шкурничестве, а теперь готовы на такие финансовые жертвы? Не пойму логики.

— Был огорчен, да, но потом понял свою неправоту. Извинился, между прочим, — подается вперед, и я чувствую его одеколон. Такой сладковатый, чуточку пряный, довольно приятный, я бы сказала, вкусный.

— Нет. Вынуждена отказать. Я живу в мире людей, здесь мой дом, моя работа, моя... — Нет, про дочку ему знать необязательно.

— Ваша дочь, — заканчивает он за меня. Вот жучило! Все узнал.

— Да, — складываю руки на груди, — моя дочь.

— Так, я не против.

— Не против чего, простите?

— Того, что вы вместе с дочкой будете жить и работать у меня. Ну, работать будете вы, не дочь, естественно. Уверяю, условия у меня более чем комфортные.

— Охотно верю, но, господин комиссар, — поднимаюсь, желая поскорее прекратить этот странный и бессмысленный разговор, — нет. Это мое последнее слово. Нужен будет торт, милости прошу, а с этим вопросом не ко мне.

Я, конечно, детей люблю. И с Ленкиной детворой порою тоже сижу, но няней идти — нет уж. Тем более к черту в смежный мир, где я никогда не была. Чур меня, чур.

— Уверены? — резко меняется он в лице.

На все сто.

— Ладно, — поднимается. — Но я не прощаюсь, — и покидает мастерскую.

Господи, как с цепи сорвались. Один помогать рвется, точно Красный Крест, второй в няньки заывает. Вот оно мне надо было? Мама как-то рассказывала, что черти жутко прилипчивые, и настоятельно советовала избегать с ними тесных контактов. Что ж, она была права. А этот еще и шишка местная — целый комиссар округа. Все, пора домой, пока мой мозг окончательно не вспух.

Адам

Уверена она на сто процентов! За тортиком милости прошу...

В комиссариат возвращаюсь несолоно хлебавши. Как знал, как знал, что разговор приблизительно так и закончится, но думал — соблазнится на деньги. Какой там, бизнес-ведьма, е-мое! Надо искать другой способ. Только, боюсь, законными методами тут не обойтись.

— Господин комиссар, — в кабинет заходит Корсак, — пришел ответ из посольства. Они согласны дать вид на жительство, но требуют личного присутствия госпожи Денисовой или как минимум ее подписи в анкете.

— А разве моей недостаточно?

— Правила изменились. Месяц назад комиссар восточного округа погорел на торговле рабочими визами.

— Ах, да-да... помню. Ладно. Есть какие-нибудь новости по душителю?

— Пока нет, работаем.

Теперь главный вопрос, где взять подпись ведьмы. Хотя... И снова мой путь лежит в Отдел контроля межмировой торговли, на сей раз с официальным запросом, как положено.

Иного выхода у меня нет, Отису нужна забота, а я не могу быть везде и сразу, физически не могу.

Через полчаса гoblin выдает весь пакет документов госпожи Денисовой. Здесь, на мое счастье, есть подписанные ею бланки. Дальше еду к знакомой ведьме, за небольшую плату она частенько помогает мне. В свое время спас Ришу от тюрьмы, она по дурости связалась с некромантом-аферистом, с которым они решили подзаработать на торговле дохлыми кошками, вернее, временно оживленными, выдавали их за уникальную породу. Некроманта отправили за решетку, ведьма же отделалась штрафом.

А Риша хорошо устроилась, купила домик, как и мечтала, близ кладбища. Чудно, чудно, но мрачновато.

Ставлю машину около невысокого заборчика, дальше иду по узенькой тропинке. Гляди ты, садик себе развела, живоглотов с птицедами насажала.

Вот и она! Как раз ковыряется в клумбе.

— Адам, — поднимается с колен худенькая Риша. Кажется, с годами она становится все бледнее и бледнее, неудивительно, отец некромант все-таки. — Как я рада тебя видеть, — отряхивается от земли, собирает горшки с рассадой. — Как жизнь?

— Ничего.

— О, силы нечистые, что за синие круги под глазами? Работа или сын?

— Все вместе. Ты как?

— Чудесно. Наконец-то нашла себя. Развожу этих красавцев, — и гладит по бутону живоглота, а тот и рад, ластится, извивается. Жуть какая. — Потом продаю. Ты знал, что живоглоты однолюбы? Они невероятно преданные, быстро привыкают к хозяину, поэтому их лучше всего пристраивать слепыми ростками. Эти уже большие, — чешет ему лепестки, — они мои. Ты ведь мой? — достает из баночки опарыша и трясет над зубастой пастью, — мой? Ну-ка, кто у нас проголодался? — а тот аж трясется от нетерпения, слюной какает.

— Риша, у меня к тебе дело есть, — отхожу подальше от ее славного питомца. Знаю я этих тварей, если оказаться на их территории, обглодают до костей.

— Мм, — закусывает губу, — опять мухлюешь с законом?

— А у тебя есть лицензия на разведение птицеводов? — усмехаюсь.

— Ладно, ладно. Кто не без греха, верно? Идем, — манит за собой.

Дома у нее очень даже уютно, Риша девушка хозяйственная, опрятная.

— Присаживайся, — указывает на диван, — чаю? — и, не дожидаясь ответа, наливает. — Ты говори, говори, я тебя слушаю.

— Подпись нужна на документе.

— Угу... и все? — подает чай.

— Все.

— Хм... даже не потребуешь с тебя ничего взамен за такую просьбу-то, — расплывается улыбкой. — Покажи.

Тогда даю ей бланк с подписью. Риша смотрит как-то слишком долго.

— Легкая рука у этой ведьмы. — Губы искривляются в ухмылке. — Зачем она тебе?

— Для дела, Риш, для дела.

— Сугубо личного?

— Типа того. Так что? Поможешь или мне напомнить про лицензию?

— Да помогу, помогу. Давай сюда руку, — опять же без спроса хватая за руку. — Эш-ш-ш мосса, эш-ш-ш Кейна, нунлад ди Адам, — и тонкая струйка зеленой магии перетекает с подписи на бланке на мою руку, проникает внутрь. — Все.

— Спасибо, — в знак приличия, а главное, доверия выпиваю чай. — Мята многовато.

— Зато своя, с огорода. Удачи, господин комиссар. Она тебе понадобится.

И сдается мне, неспроста ведьма так долго разглядывала подпись, что-то уже узнала. Но чему меня всегда учил отец — это не лезть к ведьме с расспросами. Да и что такое она могла узнать о Кейне? Что та мать-одиночка? Это я и без нее знаю.

— Спасибо. Ты, кстати, подумай о лицензии. Тебе же спокойнее будет.

— Я всегда спокойна, Адам, я живу на кладбище, мой папаша был некромантом. Спокойствие у меня в крови.

— Ну, смотри. И еще: будь осторожнее.

Мы выходим из дома, а вокруг уже темно, с кладбища ползет туман, обволакивает питомцев Риши, отчего те закрывают бутоны.

— Из-за душителя?

— Да.

— Я слышала. Жертвой стала молоденькая ведьма.

— Боюсь, что она будет не последней. Поэтому постарайся не ходить одна после заката, особенно через лес.

— Ты его поймаешь, я в этом уверена. — Риша провожает меня до калитки.

— До встречи, береги себя.

— Да-да, до встречи, мой комиссар.

Ведьма улыбается так загадочно, что мне делается не по себе. Что же она такого узнала? Или просто в свойственной ей манере решила сбить с толку? Ладно, не до ее ухищрений мне сейчас. Пора домой, а завтра утром первым делом отправлюсь в консульство.

Уже скоро Отис будет под присмотром. А Кейна смирится, никуда не денется, потому что деваться ей на самом деле будет некуда. К счастью для меня, она не знает законов нашего мира; вернее, знает далеко не все, что нужно.

Два дня спустя...

Кейна (Карина)

— А почему бы и нет, Карин? — Лена разлила чай по кружкам, достала мои плюшки. — Ты вот-вот и в больничку сляжешь с такой сумасшедшей нагрузкой.

— Думаешь, чужим ребенком заниматься — меньше нагрузки? Да это сумасшедшая ответственность.

Я ей рассказала о предложении Черта Гаспаровича, само собой, утаив информацию о том, откуда господин черт и что он, собственно, черт.

— Я же сижу с Настей, и ты с моими сидишь. Ничего, справляемся.

— Это другое.

— Как по мне, так то же самое. И раз он согласен, чтобы ты была с Настькой, то вообще супер. Будешь и при работе, и с дочкой. Сейчас ты на разрыв, посмотри на себя, кожа да кости уже, взгляд шальной.

— Но я люблю свое дело.

Да и согласиться можно было бы, если предложение поступило бы из моего мира, а не из смежного. Тот мир для меня чужой. К тому же я столько сил вложила в мастерскую, чтобы иметь то, что имею сейчас. Я верю, однажды она начнет работать на меня, я найму людей, арендую большую площадь, возьму в лизинг оборудование, организую доставку и буду просто контролировать процесс. Надо лишь набраться терпения.

— Знаешь, я тоже люблю свою работу. Честно. Но, блин, если бы могла не работать, не работала бы, а занималась мелкими. Олег получает недостаточно, а вместе у нас хоть что-то путевое выходит. Да и радуется, что после четырех я уже свободна.

— Олег у тебя молодчина. Старается, как может.

— А что у тебя с этим, как его... Артемом?

— Да ничего. Позванивает, мягко настаивает на встрече, я мягко отнекиваюсь.

— Может, зря отнекиваешься? Раз его не пугает, что у тебя дочь, не пугает твой, прости заранее, замученный вид, то...

— Нет у меня времени, Лен, нету.

— Нашлось бы время. Могли бы, например, все вместе сходить в парк, зоопарк, да хоть на площадке детской посидеть на лавке. Просто ты на себе заранее крест поставила. А когда очнешься, уже

поздно будет. Кстати, а этот товарищ, что тебя в няни звал, он как? Ничего? Или женат?

Насчет жены не знаю. Но даже если жены нет, ни за что и никогда. Свят, свят. Самовлюбленный черт.

— Все они черти порой.

— Этот самый натуральный, — усмехаюсь.

— Ну, все, все, навешала ярлыков. Один черт самовлюбленный, другой — Красный Крест. Злая ты...

— Не я такая, жизнь такая.

Сегодня снова на работу, слава богу, к трем. Мария Федоровна раздаст готовые заказы, примет, надеюсь, новые, мне останется подготовиться к завтрашнему дню. Поеду с дочкой. Ей нравится смотреть, как я работаю, иногда помогает, но чаще просто играет. А мне нравится смотреть на нее за игрой.

— Мам, я готова, — стоит мой куклениш в сером пальто-шинели, белых колготах и длинных сапожках. И такая же рыжая, как я.

— А берет не забыла? — спрашиваю, бросая в сумку телефон, записную книжку, куда обычно переписываю заказы с данными клиентов.

— Не забыла, — натягивает на голову серый берет с помпоном. Прямо маленькая Мэри Поппинс. — А мы потом зайдем в кафе?

— Обязательно.

Ей всего пять, а наряжается так, как я никогда не наряжалась. Все по цвету, все по моде.

— Ой, Валерку забыла.

— Тогда беги скорей.

Через пару минут возвращается мое чудо с вязаным зайцем в руках.

А погодка шепчет. Солнце вовсю сияет, легкий ветерок колышет кроны деревьев, отчего на землю падает листва. Теплая в этом году осень, но мне все равно прохладно. К счастью, автобуса долго ждать не приходится. И едем мы с комфортом, народа почти нет.

Тут чувствую, как вибрирует телефон. Н-да. Опять Красный Крест на связи. Хотя, Лена права, злая я. Артем ничего плохого мне не сделал, только вот проблема в том, что и хорошего мне от него особо не надо. Не знаю, то ли дело в моем тотальном разочаровании в мужчинах, то ли конкретно в Артеме, но не ухает сердце в груди.

«Можно я подъеду сегодня?»

Подъедет он. А толку? Как бы отказать помягче?

«Боюсь, сегодня я совсем недолго пробуду в мастерской, потом у меня дела».

Вот так вроде ничего. Даже не обманула. После работы мы с Настей будем гулять.

«Понял», — прилетает через несколько секунд.

Понял, и хорошо.

Но каково же мое удивление, когда у дверей мастерской обнаруживаю Артема с букетом багровых астр в руках.

— Привет, — скромно улыбается он, — чудесно выглядишь, — затем опускает взгляд на Настю. — И тебе привет, кажется, мы еще не знакомы. Артем, — протягивает ей руку.

— Здравствуйте. — Дочка смотрит на меня, ждет разрешения, на что я киваю, тогда она жмет ему руку: — Настя.

— Очень приятно, Настя, — говорит он, после чего достает из кармана плитку шоколада: — Цветы, уж прости, для мамы, а тебе вот.

— Спасибо.

Ребенок у меня очень стеснительный, что касается чужих. Со своими Настя всегда смелая, веселая,

открытая, а с незнакомыми сразу тушуетя и не доверяет. Честно говоря, я этому рада, поскольку уверена, что моя девочка не пойдет абы за кем.

— Насть, иди к тете Маше, — открываю дверь, а когда дочка скрывается в мастерской, поворачиваюсь к Артему: — Что ты здесь делаешь?

— К тебе приехал, как видишь, с цветами. Возьмешь?

— Спасибо, — все-таки принимаю букет. Можно было бы заартачиться, обидеть, но обижать людей не люблю.

— Дочка очень похожа на тебя.

— Ну да, мы обе рыжие.

— Не этим, вернее, не только этим, у вас глаза одинаковые и взгляд один на двоих. Может, я все-таки не помешаю? Помогу с делами.

Опять он со своей помощью.

— Ладно, идем. — Ну, я точно сумасшедшая, совсем ку-ку. Приглашаю его войти. — Раздевайся, — указываю на напольную вешалку, что скромно стоит в узенькой нише. — Может, чаю? Или кофе.

— Чаю, — с небывалой прытью сбрасываете себя пальто. Дорвался, что называется.

Я же усаживаю дочь на высокий стул, где не так давно сживал Адам Гаспарыч. Интересно, нашел он себе няньку? А то ушел опять весь обиженный, мухами обсиженный, обещал вернуться.

— Мам, — шепчет Настена едва слышно, — а это кто? — и кивает в сторону господина красивого.

— Это мой знакомый, — отвечаю так же тихо, — вернул мне потерянный зонт.

— А-а-а, — кивает многозначительно, — ты ведь ему дашь? — И у меня аж сердце в пятки уходит, заодно замечаю, как прыскает Артем. Вот ведь, уши растопырил.

— Чего дам? — готовлюсь уже к самому плохому. Все-таки запрещаю смотреть ютуб.

— Своих заварных пирожных.

— Ах, — отвечаю на выдохе, — дам, дам.

Но дальше все развернулось совсем не по плану.

За время, пока Артем с Настей сидели за чаем и заварными пирожными, а также рассуждениями о жизни зайца Валеры, который буквально вчера поругался с медведем Гришей, я успела распределить заказы, оформить несколько заготовок на завтра и составить список рекомендаций для тети Маши. Однако за полчаса до выхода в мастерскую пожаловала пара будущих супругов. Им нужен был торт, и все бы ничего, но торт не простой, а весьма и весьма сложный в оформлении.

— Видите ли, — замялась невеста, — мы обошли не одну мастерскую, но нам либо сразу отказывали, либо называли неприступные цены с учетом наших пожеланий.

— Не просто неприступные, — вступил жених, — а неадекватные, — и тут же словил недовольный взгляд возлюбленной.

— Так, чего же вы хотите?

— У нас планируется тематическая свадьба. По мотивам сказки «Золушка». Бал, соответствующие наряды. Потому и торт хочется такой необычный, понимаете?

— Пока слабо, — достаю лист формата А4, карандаш и протягиваю девушке: — Прошу, набросайте эскиз.

В этот момент замечаю на себе взгляд Артема, он сосредоточен, вдумчив, будто у нас тут не обычные посиделки, а собрание акционеров, на котором принимается судьбоносное решение.

— Ну, что-то вроде того, — возвращает невеста мне бумагу через пять минут.

Ого! Ого-го! Это она тут нескромно развернулась! Пятирусный торт на подставке, а на вершине импровизированная подушечка, на которой лежит, так полагаю, хрустальная туфелька. Но это еще ничего, по периметру торта змейкой от нижнего яруса к верхнему поднимается лестница. Я, конечно, себя считаю хорошим кондитером, умелым, но тут им не кондитер нужен, а скульптор с архитектором вместе. Понятно, почему все предыдущие мастера задрали цены.

— И какой вес вас интересует?

— Нам нужно на семьдесят гостей. Это где-то четырнадцать килограмм.

— Да, верно. А вот это? — указываю на лестницу с туфель.

— Из прозрачной карамели. Покрытие торта — мастика. Начинка у каждого яруса своя, чтобы всем угодить. Вы ведь возьметесь? — и смотрит на меня чуть не со слезами на глазах. — Мы заплатим. Хоть прямо сейчас.

Тут жених начинает хмуриться, кукситься, но, словив очередной уже обиженный взгляд невесты, кивает.

— Когда нужен торт?

— Через неделю.

Ну, уже ничего. Неделя — это хорошо.

— Я бы, может, и взялась, но и вы поймите, такой торт не будет стоить дешево.

— Сколько?

— Сейчас посчитаем, — беру калькулятор.

Коржи, начинки, мастика... даже если взять по минимуму... угу... ага... но еще и весьма экспериментальная работа с прозрачной карамелью, из которой надо смастерить это чудо.

— Тридцать шесть тысяч.

— Согласны! — выпаливает жених.

Вот черт! Кажется, я продешевила. Ну что ж, назвалась груздем, придется лезть в кузов. Да и как-то уже жалко несчастную невесту. Мечтает побыть Золушкой на балу. Пусть побудет.

Когда будущие супруги уходят, понимаю, что запланированное гуляние накрылось медным тазом — за окнами уже темно и моросит дождь. Прекрасно...

— И я снова под впечатлением, — смотрит на меня Артем восторженным взглядом. — У тебя большое будущее впереди.

— Скажешь тоже.

— Честно, я впервые встречаю девушку настолько трудолюбивую, настолько увлеченную и при этом открытую. Ты могла бы послать их с такими-то запросами, но нет.

— Послать?

— Да. Сейчас никто не хочет стараться, все хотят получать максимум денег за минимум действий. Но не ты.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь и перехваливаешь. Ой, а где Настя? — не вижу дочь.

— Она у меня! — слышится из кухни голос Марии Федоровны. — Все под контролем!

— Нет, не преувеличиваю и точно не перехваливаю. Ты очень много работаешь, и тебе важны не только деньги, но и твой результат. Говорю же, редкое сочетание. А повидал я много кого по долгу своей профессии. Есть с кем сравнить. — Он смотрит на часы. Красивые у него часы, старинные на широком ремешке. — Это был чудесный день, Карин. Спасибо. И я с радостью отвезу вас домой.

— Нет, я еще задержусь. Остались кое-какие важные нерешенные вопросы.

Нужно проверить почту, коль я засиделась до вечера.

— Хорошо, настаивать не буду. Я еще напишу? Очень-хотел бы повторить.

— Напиши, — пожимаю плечами. В общем-то, его присутствие меня не смущало, не напрягало, а значит, вдруг и есть смысл... повторить.

Еще через полчаса в мастерской остаемся только мы с Настей. Мой зайчик всю зевает. Н-да, хороша мать, устроила ребенку «веселый» вечер.

— Прости, — прижимаю ее к себе.

— А мне понравилось. Дядя Артем научил меня рисовать военный вертолет. А еще рассказал, как помирить Валеру с Гришей.

— И как же?

— Они должны пожать друг другу лапы.

— И правда, все оказывается просто.

— Ага.

— Так, я сейчас запишу себе все-все-все в блокнот, а потом поедем домой.

— Хорошо. А можно мне немножко поиграть на кухне? Там тетя Маша для Валеры оставила тесто.

— Иди, зай, поиграй. Только ножи не трогай.

— А их тетя Маша убрала, — и скачет в кухню.

Я же только опускаюсь на стул, как снова возникает мандраж, липким холодом расходится по телу, вызывает приступ тревоги. Что же это? А кожа покрывается мурашками, сердце заходится.

— Настя?! Насть? — Нет, ну это мне совсем не нравится. — Зайка?

Скорей иду в кухню и чуть на месте не падаю. Моя девочка выходит в открытый портал.

— Настя! Стой! — Но она даже не оборачивается, будто не слышит.

А спустя мгновение портал начинает смыкаться.

— Нет! Нет! Нет! — подскакиваю и бросаюсь следом.

Едва успеваю перемахнуть через порог, как дверь исчезает.

— Настя! — хватаю дочь за рукав. — Ты что творишь!? — разворачиваю ее к себе.

Она же хлопает ресницами и явно не понимает, почему я вся трясусь.

— Мама, я только посмотреть хотела.

— На что? — никак не могу успокоиться, да и как тут вообще можно успокоиться? Дьявол, мы в смежном мире! Только сейчас начинаю осознавать, что случилось. Мы в мире нечисти, а портал закрылся, у меня же ключ действует только в одну сторону. Черт, черт, черт!

— На огоньки...

— Какие огоньки?

— Вон те, — указывает мне за спину.

А когда оборачиваюсь, теряю дар речи...

В переулке стоит патрульная машина, слепит фарами, проблесковые маячки переливаются оранжево-зеленым. Через пару минут двери открываются, из авто выходят двое в форме. Лиц не видно из-за яркого света фар. Насколько мне известно, здесь с нелегалами борются активно и эффективно. У меня же при себе ничего, все в сумке осталось, а та под прилавком.

— Мама!.. — Настя прижимается к ноге.

— Тише, тише, все будет хорошо. Ты, главное, не отходи от меня, — крепко держу ее за руку.

— Доброго вечера, госпожа! — подходит ко мне здоровяк, склоняет голову так по-военному. — Можно ваши документы?

— Доброго вечера... Понимаете, у меня при себе нет документов, но мне нужна ваша помощь, — начинаю откровенно тараторить, — я не отсюда, мы сюда попали случайно. Но у меня ключ, — хочу достать, показать, — только он в одну сторону...

— Вы из другого мира? — сразу хмурится. — Вместе с девочкой?

— Да, да, из другого. Я торгую здесь, все разрешения у меня есть, можете запросить в Торговой палате.

— Однако разрешения на пересечение границы у вас нет, верно?

— Нет, но я же и говорю, все произошло случайно.

— Вам придется проехать с нами. Пройдемте в машину.

Адам

Жду! С нетерпением жду патрульную машину. У ребят должно было получиться. Я знал, что Кейна будет в мастерской с дочерью, успел изучить график ее работы. Оперативники проинструктированы, как и при каких обстоятельствах себя вести, все документы готовы. Благодаря Рише моя подпись в анкете получилась идентичной подписи Кейны, отдел консульского контроля ничего не заподозрил, когда сверился с данными Палаты межмировой торговли. Теперь у меня на руках вид на жительство; правда, необходим еще паспорт, но его можно получить только при личном присутствии.

И хорошо, что Отис уже спит, а то нервы на пределе.

Машина появляется минут через сорок, медленно сворачивает с трассы и поднимается по дороге, что ведет к дому. Надеюсь, ведьма проявит благоразумие. Заранее открываю ворота. Здорово жить на возвышении, обзор идеальный. А мысли меж тем путаются в голове, хвост успел обстучать все косяки и перила, но боли не чувствую, кажется, вообще ничего не чувствую из физического.

Когда авто въезжает во двор, скорее спускаюсь с крыльца.

— Все хорошо? — подхожу к оперативнику.

— Да, господин комиссар.

И вот показывается она, а за ней следом из машины выглядывает такая же рыжая девочка. Кейна как видит меня, так замирает, теряется.

— Что происходит? — бормочет с трудом. — Я ничего не нарушила, объясните своим, — косится на ребят, — людям.

— Сейчас во всем разберемся, идемте, — указываю на дверь.

— Но, — всматривается в дом, — это ведь не комиссариат. Куда нас привезли?

— Вас привезли ко мне, госпожа Кейна. Или вам было бы лучше сидеть всю ночь в камере?

— В камере? За что? — растерянно хлопает ресницами.

— До выяснения обстоятельств задержанных помещают в камеру. Такие правила.

На что она кивает, а еще замечаю, как ее трясет, зато девочка держится молодцом.

И пока они поднимаются на крыльцо, провожаю патрульных:

— В журнал данных не вносить, поняли?

— Да, — кивают синхронно.

— Всё, свободны.

Стараюсь выглядеть спокойным, но получается с трудом, внутри все сжимается. А когда поднимаюсь на крыльцо, когда смотрю в зеленые глаза Кейны, полные то ли удивления, то ли страха, понимаю, что поступил правильно. И добился своего. Теперь бы как-то ей потактичнее объяснить происходящее.

— Прошу, — открываю дверь.

А дома хорошо, тепло, я даже попытался прибраться, чтобы не шокировать гостей сразу с порога. По крайней мере, диваны с кофейным столиком освободил.

— Может, чаю? — провожаю их в гостиную.

— Господин Герон, что вообще происходит? — спрашивает Кейна уже не так робко. — Мне срочно нужно вернуться. Я ничего не нарушила, портал открылся сам. И да, моя дочь по глупости вышла,

пришлось выбежать за ней. Но она же ребенок. Прошу, помогите нам вернуться.

— Кейна Артемовна, — опускаюсь на высокий подлокотник, — боюсь, вернуться не получится.

— Как так? Почему? — прижимает к себе дочь.

— Потому что вы здесь по моей воле.

— В смысле? — В этот момент она, кажется, все понимает. И взгляд ее наполняется совсем другим: яростью. — Ах ты, сволочь рогатая! — подскакивает с места. — И еще комиссар, называется! Самый настоящий бандит! Я требую, верни нас домой! Или...

— Или что? — тоже поднимаюсь, подхожу к ней. — Ну что? Пойдешь доказывать, что уважаемый всеми комиссар выкрал тебя с дочерью и посадил под замок? Тебя сочтут сумасшедшей, это все, чего ты добьешься. У тебя нет ни паспорта, ни вида на жительство, никаких документов, подтверждающих право не то что жить, даже находиться здесь. Так что или пойдешь на сделку со мной, или пройдешь все круги бюрократического ада, а закончишь свое славное путешествие за решеткой! И уж поверь, я мешать этому не буду.

— Готов пойти на такое? Серьезно? У меня маленькая дочь, тварь ты бездушная.

— Скажи спасибо, что я сейчас не при исполнении, — нависаю над ней. — И да, я совершенно серьезно готов пойти на такое. Если умеришь пыл и включишь голову, то довольно быстро поймешь, что все может быть не так-то и плохо. Работа на всем готовом, а главное, за достойную оплату. Я свое слово держу.

— Ты хоть понимаешь, что творишь? — резко меняет она гнев на попытку меня образумить, что совершенно бессмысленно. — У меня там дом, работа, вся жизнь. Зачем ты так поступаешь? За что?

— Я так поступаю ради своего сына. Ему нужна помощь, нужна забота и присмотр. И он к тебе проникся.

— Мам? — слышу голос девочки. — А мы скоро поедем домой?

— А ты, — опускаюсь перед ней на корточки, — уже дома, Настя. Теперь этот милый дом ваш, он очень большой, в нем много тайных комнат, есть чердак с домовыми. И завтра ты познакомишься с моим сыном, его зовут Отис. У верен, вы подружитесь. Кстати, меня зовут Адам, и я черт.

— Черт? — округляет глаза. — Чертей не бывает.

— Настя не знает, — вступает Кейна.

— Что ж, — кошусь на нее, — значит, пришло время узнать, — и снова смотрю на девочку: — Бывают, зуб даю. Посмотри-ка, — являю взору рога и хвост, — ну как?

— Ого, — расплывается в улыбке, — а можно потрогать?

— Конечно.

И рыжеволосая копия матери тычет пальчиком мне в рог.

— Жесткий. — Затем дергает за кисточку на хвосте: — Ух ты.

— Теперь веришь?

— Верю, — снова цветет улыбкой.

— Сейчас уже поздно, — поднимаюсь, — я вас провожу в комнату, а завтра утром поговорим о нашем дальнейшем сосуществовании в рамках твоей новой профессии, — и скорее прячу хвост с рогами.

— Никакой ты не блюстителю порядка, — качает головой рыжая бестия, — ты преступник и самая натуральная нечисть.

— С последним отчасти согласен. Во мне от нечисти чуть больше, чем в тебе. Идемте наверх.

— Настя не ужинала.

— Я принесу вам что-нибудь перекусить.

Пока поднимаемся, смотрю ведьме в спину. Какое интересное на ней платье — вязаное, с вырезами. Неужели на свидание собиралась? Для чего еще так наряжаться? Не для лучшей вентиляции же, в самом деле? А кожа у нее с персиковым оттенком и небольшой россыпью веснушек. Пахнет Кейна

как всегда вкусно, слишком вкусно. Еще ведьма очень стройная, до сего момента видел ее только в форме, здесь же совсем другой вид. И скорей отвожу взгляд, иначе созерцание закончится чем-нибудь очень позорным. Надо позвонить той официантке. Надеюсь, телефон не потерял.

Тем временем подходим к четвертой двери на этаже. Именно эту комнату я определил для Кейны, потому что она смежная с другой, поменьше. Как раз для двоих. К тому же тут есть своя ванная и просторный балкон с видом на холмы и леса. Правда, пыли многовато, но ничего, с пылью она потом сама как-нибудь разберется. Включаю свет. М-да, лампочки в люстре тоже под замену, одна светит из шести и то еле-еле. Все-таки стоило получше подготовиться. Но, увы, было не до этого. На работе аврал, плюс беготня с документами для Кейны. Безусловно, я ей соврал, однако это вынужденная ложь, потом-то отдам все бумаги, помогу оформить паспорт, а сейчас пусть так, пока что ее незнание этого мира, ее растерянность и страх мне на руку.

— Надеюсь, здесь вам будет удобно. В шкафу найдете чистое постельное белье, полотенца. Что любит твоя дочь? Из еды?

— Если можно, хотя бы булку и чай.

Булка и чай у меня есть... Вчера с вечера все купил. Все-таки нормально я подготовился.

Кейна (Карина)

Я стою как дура посреди комнаты и ничего не могу сделать. Ничего! Меня с дочерью похитили. И кто похитил? Комиссар полиции! Что уж говорить об остальных в этом мире, если глава правопорядка самый отпетый из негодяев.

А Настя всю трет глаза, зевает. Ладно, завтра подумаю о насущном на свежую голову, сейчас метаться нет ни смысла, ни сил. Медленно осматриваю комнату. Видимо, здесь и не жил никто до нас. Пылища везде, большая часть мебели укрыта чехлами, к гардинам вообще боюсь прикасаться, только тронь, как с них лавина сойдет все той же пыли.

— Мам? — Настя открывает одну из дверей. — Это будет моя комната?

— Твоя комната? — захожу за ней следом, включаю свет.

И правда, здесь еще одна спальня, но раза в полтора меньше. Боже мой, такое ощущение, будто мы попали в какой-то киношный дом с призраками. Отделка вроде и не совсем жуткая, но такая... на грани. Бордовые обои в цветок, лепнина на потолке, паркет, ужас какой, елочкой. Резная темная мебель. А гардины из бархата. Шабашки проводить здесь самое то, но не жить. Что сказать, чертов дом.

Потом находим ванную. Забавно, здесь тоже деревянные полы и обои на стенах, местами вон грибок уже пробивается. Фу! Надо изыскивать любой способ и бежать отсюда.

Тут слышится скрип двери. Вернулся оборотень в погонах, что б его.

— Осмотрелись? — ставит на небольшой круглый столик поднос, на котором чайник, чашки и горка самых разных булок на тарелке.

— Хуже дома я еще не видела, — складываю руки на груди, говорю при этом спокойным ровным голосом.

— И чем это мой дом тебе не угодил? — А глаза черта точно вспыхивают. Ага, вот и больная мозоль.

— Заскорюзлые казематы это, а не дом.

На что верзила фыркает и молча удаляется. Ничего, ничего, ты еще сам от меня откажешься. Если меня достать, я могу в такую мегеру превратиться, мало не покажется. Изведу. Правда, подобного еще не случилось, но сейчас все, что есть во мне от ведьмы, уже клокочет и переворачивается.

После нехитрого ужина мы с Настей перестелили постель, а заодно начихались от души. Спать будем вместе, так и мне, и дочке спокойнее. И через пять минут моя измученная малышка уже спит крепким сном, а я боюсь закрыть глаза. Понимаю, что черт притащил нас сюда не чтобы съесть под покровом ночи или принести в жертву, но все-таки на душе неспокойно, тревожно и горько. Я жила своей размеренной жизнью, все держала под контролем, и вдруг в один момент все рухнуло. И работа! Завтра Мария Федоровна придет в мастерскую, меня же нет, вещи на прилавке, что она подумает, как вообще быть?

Вопросе на тридцатом все-таки уснула. Вернее, просто отключилась.

А очнулась, словно по приказу.

В комнате царил полумрак, разве что несколько тонких струек света пробились в дырки на гардинах и тонкими иголками вонзились в замшелый ковер на полу. И мне снова стало тошно. Так, пора найти этого мерзавца. Пообещал же утром поговорить. Благо, дочка спит. Она у меня вообще соня.

Черта при полном параде нахожу в кухне. Сидит чинно-блинно за столом, пьет кофе, любуется пейзажем за окном. Ирод недобитый!

— Садись, — кивает на стул, не глядя в мою сторону, — у нас есть полчаса, чтобы все обсудить и договориться.

Ох ты ж, полчаса он мне дал! Щедрый какой, огреть бы тебя вон той чугунной сковородой. Но так и быть, опускаюсь на стул.

— Итак, — разворачивается к пейзажу задом, — мои условия. Ты заботишься о моем сыне, занимаешься его социализацией, а я плачу тебе в месяц, если перевести на рубли, шестьдесят тысяч, притом питание, проживание за мой счет.

— У меня работа, господин черт. Заказы расписаны на две недели вперед. Один очень крупный, и я взяла за него стопроцентную предоплату.

— Про ту работу и в целом ту жизнь можешь пока забыть.

— Что значит «пока забыть»?

— Это значит, что спустя некоторое время ты, может быть, сможешь вернуться обратно. Когда мой сын полностью адаптируется в обществе, станет посещать школу.

— Так не пойдет, — уверенно качаю головой. — Если, как ты говоришь, я забуду о той своей жизни, то, когда придет время вернуться, мне некуда и не к чему будет возвращаться. Я останусь ни с чем. И никакие твои шестьдесят тысяч в месяц мне не помогут.

— Что ж, тогда останешься здесь насовсем, — пожимает плечами этот мерзавец.

— Нет. Или ты, так и быть, позволишь мне уладить вопросы с работой, квартирой, детским садиком, поликлиникой, или можешь везти в комиссариат. Пальцем о палец не ударю. Мне нужно срочно предупредить помощницу, что-то решить с заказами. Это вот прямо немедленно. Думаешь, один ты работаешь и обеспечиваешь сына? Одному тебе надо беспокоиться о своем весьма недобром имени? Представь, мне тоже. Хочешь сделку — будет сделка, но если обе стороны получают свое.

— Кейна! — раздается звонкий голос за спиной.

Вот и его сын проснулся. А я и рада бы искренне улыбнуться чертенку, все же он ребенок и не виноват, что его папаша сволочь, но получается у меня вымученно.

— Здравствуй, Отис. Как поживаешь?

— Хорошо. Ты приехала к нам в гости? Надолго? — подбегает к столу. — Ты ведь останешься? А торт? Ты испечешь нам торт?

А у меня резко ком подступает к горлу, еще чуть-чуть и разревусь. Благо, Герон это понимает.

— Отис, госпожа Кейна приехала к нам надолго. И приехала не одна, а со своей дочерью. Ее зовут Настя, но она пока спит. А сейчас, прошу тебя, дай нам с госпожой договорить. И вообще, ты умывался? — всматривается в его заспанное лицо.

— Настя?! — дергает чертенок ушами, хвостом. — Спит? Понял, — и его как ветром сдувает.

— Ладно. — Герон поднимается, одергивает китель. — Я подумаю, что можно сделать.

— Я не знаю, как долго ты собрался думать, но мне нужно...

— Срочно. Я услышал.

— И?

— И я буду вечером. А вы осваивайтесь. Если что, Отис все покажет.

— Адам! — вскакиваю следом.

Но он и не думает останавливаться, уходит, закрывает за собой дверь, садится в машину и был таков. Подонок! Гад! Сволочь! Подумает, видите ли. В итоге сажусь обратно на стул, обхватываю голову руками. Видимо, это наказание свыше, а то я все жаловалась, все мне было не так, дел слишком много, времени мало. Теперь, пожалуйста, получите и распишитесь. Враз ничего не стало, за что боролась годами.

И тут до ушей доносится то ли визг, то ли смех, то ли плач. В итоге срываюсь с места и несусь на второй этаж.

— Настя! — влетаю в спальню и вижу картину маслом. Настя вместе с чертенком трясут в банке огромного паука.

— Он ядовитый? — подбегаю к ним.

— Нет, — улыбается Отис, — это черный тарантул, он не кусается даже. У нас в саду таких много живет.

— Боже, — сажусь на край кровати.

Адам

Этого я и боялся. Кейна слишком упертая. Но в чем-то она, конечно, права. И мне сейчас надо добиться ее покладистости, а значит, пойти навстречу. Что ж, действовать придется по обстоятельствам. Портальный ключ у меня есть, да и время еще совсем раннее, можно успеть в мастерскую до прибытия помощниц.

Через полтора часа сворачиваю в Кривой переулок. Мозг меж тем активно перебирает варианты начала разговора. И что-то все эти варианты так себе.

В мастерской первым делом прислушиваюсь к звукам. Вроде тихо, только холодильники тихонько гудят.

Так, и где тут ее вещи? Угу, вот пальто, как Кейны, так и девочки, шапка, шарф. Сую в пакет, который так удачно подвернулся под руку. Но важнее другое, важнее ее записная книжка и ключи, которые нахожу на прилавке. Лежат прямо на видном месте. И только собираюсь забрать, как раздается звон ключей со стороны входной двери, а спустя минуту в зал входит полная пожилая женщина. При виде меня сразу столбенеет, даже чуточку бледнеет.

— Вы кто и что тут делаете? — довольно быстро справляется со ступором.

Угу, что я тут делаю, это понятно, а вот кто я? Вдруг ответ вырывается сам собой:

— Муж. Бывший.

— Ах, вот ты какой... муж бывший, — качает головой, — красивый, молодой, холеный и такую пичужку бросил с ребенком на руках. Ни стыда, ни совести.

— Виноват.

Военный что ли? — надевает очки, всматривается в форму.

— Так точно.

— Н-да, и такие еще нас защищают! — Засим следует очередной полный презрения взгляд: — А ты чего здесь забыл? Откуда ключи?

— Так, мы с Кей... Кариной помирились, — засовываю ее записную книжку в один карман, в другой отправляю ключи. — Я осознал свои ошибки. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Верно? В общем, я решил забрать жену с дочерью с собой. Нам нужно время на воссоединение. Однако она очень волнуется за мастерскую и не хочет ее оставлять на произвол судьбы, поэтому предлагает вам пока что присмотреть за ней. Само собой, за достойный оклад. Вы сейчас сколько получаете?

— Что-то ты мне зубы заговариваешь, — выкатывает женщина вперед себя сумку на колесиках. — Может, мне полицию вызвать, а?

— Можете вызывать, — опускаюсь на высокий стул. — Вместе иждемся.

— А почему Карина сама не приехала?

— Занята сборами, с дочкой носится. Меня вот сюда отправила, чтобы, так сказать, своими глазами увидел, чего она добилась. Так что? Обсудим ситуацию, Мария Федоровна?

— Мне было бы куда спокойнее, если бы я своими глазами увидела Карину. За свои-то немалые годы разучилась верить людям вот так с первого взгляда.

— Она заедет, — киваю как можно убедительнее, — перед самым отъездом. А пока давайте все же обсудим положение дел.

— Хорошо, — ставит сумку у двери, затем снимает куртку. — Давай обсудим. Как зовут?

Зовут? Так, дочка у Кейны записана как Анастасия Денисовна.

— Денис Григорьевич. Приятно познакомиться.

— Угу. Что ж... Денис Григорьевич Предательский, получаю я пятнадцать тысяч в месяц. Иногда побольше, если задерживаюсь допоздна. Сейчас вот привлекла в помощь свою знакомую.

— Валентину Ивановну, знаю, знаю.

— Да, ее самую. Она пока без оклада, получает по факту за отработанные часы. Там уж по-разному. То три тысячи выходит, то две. Мы обе на пенсии, так что официально не оформлены. Но в Карине уверены, как в себе, она девочка честная, порядочная.

— Я понял. А как вы смотрите на то, чтобы получать тридцать тысяч в месяц? Что до Валентины Ивановны, ей мы с Кариной можем предложить двадцать тысяч в месяц.

— Предложение-то щедрое. Если Карина сама придет и подтвердит твои слова, то мы согласны. У нас сейчас много заказов, надо с ними что-то делать. Я несколько могу взять на себя, но не все. В общем, без нее тут не решишь.

— Да, я это вижу. Что ж, завтра Карина приедет. А сегодня постарайтесь не брать новые заказы.

— Хорошо.

Хорошо-то хорошо, да не очень-то. Теперь мне надо каким-то образом уйти отсюда и уйти незамеченным. А мадам, вооруженная сумкой, сурово бдит.

— Не верю я тебе, вот не верю, — берет форму с полки.

— Ну, наверное, потому что Карина меня вспоминала не лучшими словами.

— Да она особо тебя и не вспоминала. Разве что в дни рождения дочки. Ни разу ведь не проявил себя. И как вы так можете? Ушел, дверь закрыл и забыл.

Действительно, вот ублюдок ее бывший. Впрочем, не только мужики на такое способны, не только.

— Поругались, наговорили друг другу всякого. В общем, сложно все... было.

— Наговорить можно много, да, но чтобы вычеркнуть из жизни ребенка на столько лет...

— Может, покажется, что я оправдываюсь, но Карина сама не хотела меня видеть, не хотела моего участия. — А что еще я могу сказать?

К счастью, градус недоверия Марии Федоровны пошел на понижение, и она удалилась переодеваться.

— Всего доброго! — хватаю сумку Кейны.

— Угу, и вам! — раздается из-за ширмы, а я иду в сторону кладовой.

Вдруг замечаю белого зайца на краю стола в кухне. Наверное, игрушка Настина, вероятно, любимая. А значит... и его отправляю в пакет к вещам.

Ну, хотя бы так. Теперь в комиссариат, дел еще выше крыши.

Интересно, чем сейчас занята ведьма? Надеюсь, не разбирает дом по кирпичику. Н-да, теперь она меня еще больше будет ненавидеть, как бывшего мужа военного, который трусливо сбежал после ссоры. Аж самому смешно от этой легенды. Но что поделать, пришлось импровизировать.

А в комиссариате меня буквально с порога выхватывает Корсак.

— Господин комиссар! Доброе утро!

— Доброе. В чем дело?

— Вас в кабинете дожидается Арон Гедель, говорит, прибыл по просьбе мэра.

— Гедель?

— Так точно.

— Угу, — и поднимаюсь на третий этаж, захожу в свой кабинет.

Что сказать, некромант со времен моей следовательской бытности почти не изменился, так же строен, не по годам молод и нос по-прежнему держит по ветру. Хорошо хоть длинные косы остриг, теперь на мужика стал похож.

— Арон, — подаю ему руку.

— Адам, — крепко ее жмет. — Давно не виделись. Новая должность тебе к лицу, глянь, как раздобрел, порозовел. Всем чертям черт.

— Зато ты не изменился. Хотя нет, чего-то явно не хватает. Точно! Косы-то где оставил? Жена повыдерживала?

— Я развелся, — еще выше задрал он нос. — Меня к тебе мэр прислал, догадываешься, почему?

— Еще бы не догадаться.

— Я могу помочь. У нас на кафедре разработали новый метод дознания мертвых.

— Ох, как я это не люблю.

— Никто не любит, Адам. Но душителя надо найти, а главное, не допустить новых жертв. Сколько их насчитывалось год назад? Пятнадцать, если мне не изменяет память? Конкретно на твоем участке было пять жертв.

— И мы его почти взяли...

— В этот раз надо прибегнуть ко всем имеющимся средствам. Я со своей командой собираюсь в морг. Составишь компанию?

— Само собой.

Гедель хоть и зазнайка по жизни, но профессионал высокого класса. Он развил свои способности до такой степени, что стал одним из лучших судмедэкспертов в городе. Страсть к мертвечине у него в крови. В университете, где Арон заведует кафедрой прикладной некромантии в криминалистике, он прямо-таки светило науки. Интересно посмотреть, что же за метод они разработали. Если получится выудить хоть какую-то информацию из жертвы душителя, это будет успех, ибо проклятый выродок по-прежнему не оставляет следов.

В морг спускаемся быстро. Я велю патологоанатому достать тело, подготовить рабочее место, после чего в помещение заходит вся делегация некромантов во главе с Ароном.

— Совсем юная. — Гедель осматривает девушку. — Жаль, очень жаль. Надеюсь, — касается ее головы, — твоя смерть будет ненапрасной.

А его коллеги тем временем раскладывают на столе какие-то склянки с непонятными жидкостями, достают из саквояжа шприцы. Выглядит это все, с одной стороны, привычно, с другой — жутковато. Некромантия в целом наука весьма специфическая. Раньше некромантов вообще называли могильщиками или мертвячниками, но, к счастью, власти проявили должное уважение к их дару и теперь некромантия преподается даже в школах, чисто для расширения кругозора детей, а для детей некромантов на базе школ созданы полноценные лаборатории, где ученики оживляют хомяков с лягушками.

Ну-с, посмотрим на великого и ужасного Геделя в действии.

Некромант берет несколько склянок, вбирает их содержимое шприцем, затем произносит заклинание и вкалывает этот светящийся коктейль убитой в мозг. Дальше подключается команда Арона, они кладут руки на тело девушки перекрестом, после чего следует череда заклинаний. И вот ведь — несчастная открывает глаза, начинает хаотично осматриваться, пытается подняться, но не выходит. Тело ее не слушается.

— Тише, тише, — пытается успокоить ее Гедель, — прости, милая, что потревожили. Прости.

— Что? Где я? — произносит та сиплым голосом. — Мне нужно домой.

— Детка, посмотри на меня, — некромант помогает ей повернуть голову, — ты помнишь, что с тобой случилось, когда ты возвращалась домой через Болотный лес?

— Я... я... — затихает на пару минут, видимо, вспоминает. — Я очень торопилась. Вдруг услышала шаги, начала осматриваться, но никого не увидела, а через мгновение оказалась у Зеленого моста.

— Тебя туда перенесли силой магии?

— Наверное. Не знаю. А потом ощутила за спиной его. От него так странно пахло...

— Чем, девочка? — Арон заметил, как она все чаще моргает, сила заклинания слабеет. — Чем пахло? Говори.

— Цветами. Настоящими, живыми цветами. Дальше наступила темнота. Я умерла, да? — и глаза ее дрогнули, наверное, она хотела заплакать, только слез уже нет.

— Да, дитя.

— Передайте маме с отцом, что я люблю их. И всегда буду...

— Хорошо. Спасибо, Севина, за помощь. Спи спокойно.

И девушка закрыла глаза.

— Н-да, — Арон отошел от стола. — Ну, запах цветов не новость. Ее ведь и нашли с цветком за ухом. Странно, что он даже жертве не показал своего лица.

— Но кое-что мы все-таки узнали. — Я подхожу ближе, смотрю, как некроманты собирают инвентарь. — Перемещение. Значит, убил он ее вовсе не там, где встретил. А что еще важнее, он владеет силой магии. Носителями магии у нас являются варлоки, некроманты и феи. И коль он был настолько острожен, то либо в курсе ваших методов, либо просто совпадение. Но в случае с душителем в совпадения я не верю.

— А я не верю, что он может быть феей. Феи от природы лишены агрессии, они проповедуют жизнь, а не смерть. Вот варлок или некромант — версии вполне рабочие. Что до запаха цветов, то это либо желание пустить по ложному следу, либо его своеобразный автограф. Но тут уж вы сами разбирайтесь.

— Спасибо, Арон.

— Особо не за что. Я надеялся на большее. Как сын?

— Растет.

— Как жена?

— Все еще в бегах.

— Ясно. Ну, удачи. Если что, знаешь, где меня искать. Господа, — кивает своим, — мы закончили.

Как только выпроваживаю некромантскую шатию, сразу созываю оперов и следователей. Новые данные помогут хотя бы сузить круг возможных подозреваемых. Но тут случается очередное чудо: к нам присоединяется Бельмонт Лосинский, наш лучший химик-криминалист, а по сути феи. И присоединяется не просто так.

— Господа, — поправляет он закрученный ус, — у меня есть для вас весьма интересные новости. Я подверг найденный у жертвы цветок нескольким стадиям распада. И обнаружил частицы, — поправляет второй ус, — внимание: не из нашего мира!

Тем временем в мире людей...

Мария Федоровна уже было собралась закрыть мастерскую, ибо сидеть допоздна смысла не было никакого. Заказов, как и попросил скользкий тип а-ля бывший муж, принимать не стала, а два готовых торта забрали еще утром.

Но едва женщина достала ключи, как ее окликнули.

— Добрый день, — прозвучал знакомый голос.

— Ой, — вздрогнула она от неожиданности, — что ж вы так пугаете.

— Прошу прощения, Мария Федоровна, не хотел. А Карина здесь?

— Нет, Артем. Карины сегодня не было.

— Просто мы договаривались встретиться, но дозвониться ей я не смог. — Взгляд мужчины был напряженный, хотя говорить он старался спокойным голосом. — Может, вы в курсе, где она? Не случилось ли чего?

— Так она к мужу решила вернуться.

От услышанного Артем аж дернулся:

— То есть как к мужу? Она вам сама сказала?

— Нет, это мне как раз муж сказал. Приходил сегодня. Они вроде как помирились и собираются уехать на некоторое время.

— Ничего не понимаю.

— Я сама ничего толком не поняла. Но она завтра должна приехать. В котором часу — не знаю, конечно, но должна.

— Благодарю. Хорошего дня, Мария Федоровна.

— И тебе, — кивнула она с неким сочувствием во взгляде.

После такой новости Артем вернулся в машину, глянул на букет темно-красных астр, и лицо его исказила гримаса злости.

Муж? Какой к черту муж? Благоверный Карины давно как вне зоны доступа, свинтил на север, нашел сожительницу и живет, в ус не дует. С чего бы ему вдруг возвращаться? Кто же тогда приходил? И почему представился именно мужем? Что-то тут нечисто. Но это хорошо, если она сама завтра приедет.

И вставил ключ в замок зажигания. Через полчаса был уже дома.

Артем быстро снял пальто, прошел в кабинет, где немедленно сел за стол и включил ноутбук. Скоро на экране появилась заставка — рыжая девушка, стоящая на автобусной остановке.

— Куда же ты делась? — коснулся пальцем экрана. — Куда, Карина?

После чего открыл папку с фотографиями. Вот она с дочкой в кофейне, вот ведет ее в детский сад, а вот сидит в автобусе у окна. Карина любит смотреть в окно, тогда как остальные днюют и ночуют в телефонах. И на душе стало чуть легче. Глядя на нее, всегда становится легче. Совершенно неожиданно девчонка превратилась в лекарство. Трудлюбивая, неунывающая, любящая свою дочь. Ну, не могла она снова впустить в свою жизнь бывшего мужа, просто не могла. Не стала бы. Карина девушка умная, честолюбивая.

Хотелось верить, что завтра она все-таки приедет в мастерскую. Дома-то ее нет. Соседка только развела руками, когда Артем приехал узнать, все ли в порядке. Карина вдруг перестала отвечать на звонки и эсэмэс, чего прежде не случалось. Даже если она не хотела встречаться, тем не менее всегда так или иначе откликалась. А в силу ее рода деятельности могло произойти все, что угодно. Потому и не верится совершенно в версию с бывшим мужем.

Кейна (Карина)

— И вы так живете? — Впору хвататься за голову.

Этот огромный дом наполовину пуст, а наполовину откровенно загажен. Пыль, паутина, грибок и адский бардак, в спальне Отиса курице клюнуть негде, в кухне и того хуже. Вот правда: черт ногу сломит.

— Да, а что? — Отис подводит нас к двери, ведущей в подвал. — А туда ходить нельзя.

— Почему? — смотрю, как он усиленно соображает.

- Там демоны живут. Варятся в большом котле. И всех любопытных в этот котел затаскивают.
- Угу. — В принципе, догадываюсь, о каком котле идет речь. Понятное дело, сюда малолетнему ребенку и правда лучше не соваться, тем более одному, а как я успела узнать, Отис практически все время один. Бедный ребенок.
- Спасибо тебе за экскурсию, — и хотела было погладить его по голове, как он вдруг отпрыгнул в сторону, уши прижал.
- Не трогайте мои рога! — тотчас ошетинился. — И уши не трогайте!
- С чего ты решил, что я хотела трогать твои рога и уши?
- Потому что все только и лезут их потрогать.
- Нет, Отис, я их трогать не собиралась, — прижимаю к себе Настю.
- А чего собирались?
- Ну, поблагодарить за экскурсию вот так, — и глажу по голове дочь.
- Не надо меня гладить, не маленький.
- Ладно, — пожимаю плечами, — как знаешь. Но все равно спасибо. Кстати, раз ты большой, может, поможешь нам?
- В чем? — сразу расслабляется он.
- Пора готовить обед, а, честно говоря, готовить его негде. Надо бы убраться. Как на это смотришь?
- Убо-о-о-орка...
- Угу. И если ты нам поможешь, у меня останется время на приготовление кексов.
- Шоколадных?
- Ну, можно и шоколадных.
- Что делать надо? — мгновенно выпрямляется чертенок, а хвостик забавно встает торчком.
- Идемте, — беру его и Настю за руки. — Предстоит столько всего, что мне уже хочется пообломать кое-что кое-кому.
- Хотите пообломать рога моему отцу? — прыскает Отис от смеха.
- Мм... — Какой догадливый, ты посмотри. Только бы не проболтался своему отвратительному родителю. — Не совсем. Ладно, не будем о плохом, будем об ужасном, — и мы втроем заходим в кухню. Нет, ну не могу я на такое смотреть, это ж какой свиньей надо быть, чтобы довести свой «лучший дом в округе» до такого состояния.

Но ничего не поделаешь, придется потрудиться. Быстренько раздаю детворе указания, чтобы потихоньку освобождали все рабочие поверхности. Сама же «велю» посуде мыться, параллельно выметаю полы; господа, даже дохлую мышь выуживаю из-под стола. Вот ее бы и подать Адам Гаспарычу на ужин. Хотя обойдется. Больно жирно целую мышь, кое-чего другого бы ему на лопате. Вместо того, чтобы нормальных людей кошмарить и похищать, лучше бы нанял кого дом в порядок привести. Тут же антисанитария. Бедный, бедный Отис... Неудивительно, что он такой дикий и дерзкий. Ни матери, ни нормального отца рядом, ни должных условий. А питание! Ребенок целыми днями на печенье, хлопьях и фастфуде, который привозит его доблестный панаша. Фу! Тридцать раз фу!

Почти три часа ушло на разбор завалов. И когда Отис с Настей очередной раз вернулись за порцией вещей, то не поверили своим глазам. Кухня стала похожа на кухню, а не на свалку.

— Ого! — Отис забрался на стул, хотел было на стол, но я его шугнула, нечего топтаться по столу. — Круто!

А Настя тем временем села на диванчик, который так удачно обнаружился под горой хлама.

— Отис, а можно я возьму твой планшет?

— Нет! Он мой! — скрестил тот руки на груди.

— Мам, — перевела Настя на меня обиженный взгляд, — он жадный какой-то. Давай вернемся

домой.

— Я не жадный! — В мгновение ока спрыгнул со стула и куда-то убежал, а вернулся спустя минуту с планшетом в руках: — Просто там нет девчачьих игр. На, — и сунул гаджет дочке.

— А зачем вам вообще планшет? — лезу в холодильник. Угу, а комиссар Рекс неплохо так подготовился, накупил всякого разного. — Давайте лучше готовить обед. Ты что любишь, Отис?

Вдруг он замялся, даже растерялся. И все-таки поубиваю я этого черта старшего! Вот как есть поубиваю! Довел дитя!

— Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Минут через пять наступила тишина, сопровождаемая звуками скворчащего мяса на сковороде, бурлящего супа в кастрюле и пиликающего планшета. Настя с Отисом вместе устроились на диване и самозабвенно играли в игры, правда, дочка нет-нет, да отмахивалась от назойливого хвоста чертенка, ибо тот так и норовил забраться ей за шиворот, полагаю, ненамеренно. Такое ощущение, будто эти хвосты у них своей собственной жизнью живут. Ну, а я занималась тем, что умею лучше всего: готовкой. На первое запланировала куриный суп, на второе бефстроганов с картофельным пюре, а на десерт кексы.

Скоро дети забросили игры и начали активно мешаться у меня под ногами. Пришлось усадить каждого с персональным заданием — обоим выдала по куску теста и горке изюма, чтобы лепили свои пирожки.

— А я умею пельмени лепить! — Настя с гордым видом раскатала кусочек теста, вырезала из него стопкой кружочек, затем положила в серединку изюм и скрепила краешки теста. — А ты нет, — посмотрела на грубоватые комки чертенка.

— Я и не должен уметь. — Отис с досадой слепил один большой ком. — Я черт!

— Разве черти не готовят? — посмотрела я на него: во дает, уже весь в муке.

— Черти только едят. Готовить должны другие.

— Хм... а если бы твой папа занемог? Ты разве не приготовил бы ему поесть?

— Он никогда не занемогает. А то, что я ему давал, он не ел. Брал и выбрасывал.

Идиот! Это все, что хочется сказать про великовозрастного Гаспаровича, желательно в лицо.

— А вот если бы ты научился что-нибудь особенное готовить, думаю, твой отец съел бы и еще добавки попросил.

— Например?

— Например, кексы. Хочешь, я тебя научу?

— Да! — и чуть со стула не свалился, вовремя уцепился за спинку хвостом.

С каким же воодушевлением он раскладывал тесто по формочкам — старинным чугунным, которые мы откопали в недрах кухонного шкафа. А в какой-то момент я заметила, что хвост Отиса крепко держится за пояс моего фартука. Все-таки удивительные они создания. Мама мне раньше рассказывала, что чертята очень ласковые, пока маленькие, и хвосты у них как своего рода связь с теми, к кому они привязаны.

Еще через полтора часа все было готово. А главное, все были сыты. Настя с Отисом ели наперегонки и смолотили все, что я им положила, как и потом первую партию кексов. После такого плотного обеда Отис потянул нас на улицу.

И все бы ничего, но я с тревогой ждала возвращения товарища похитителя. Он не имеет права держать меня с ребенком здесь взаперти.

— А вон там мои качели, — схватил меня за руку чертенок и потащил за собой. И до чего же он сильный, с ума сойти! Как взрослый!

Отис подвел нас к широченному раскидистому дубу.

— Ничего себе! — Я аж рот открыла от удивления.

Вот он какой, смежный мир. С одной стороны от нас мерцал вечерними огнями город Ксантипп, который мне и рассмотреть-то толком не удалось через затонированные стекла патрульной

машины. С другой — пестрели багрово-рыжие леса, холмы простирались на сотни метров, некоторые цвели красными цветами, другие зеленели, будто на дворе разгар лета. Слабый ветер нес ароматы трав, ерошил листву дуба, отчего пожелтевшие листья то и дело срывались с веток и неслись вниз по склону. Но что еще удивительнее, в небе нет-нет да пролетали ведьмы на метлах. Вот это да! Наверное, если бы мой отец был истинным варлоком, я бы сейчас так же рассекала на какой-нибудь крутой метле. Но увы, мне это не грозит.

Я повернулась к дому. Что ж, он действительно смотрится величественно, добротнo, однако команда уборщиков вместе с отделочниками ему прямо-таки необходима. Как сказал Отис, переехали они сюда всего-то три месяца назад, за это время вполне можно было и порядок навести, и устранить этот мерзкий грибок в ваннных комнатах. Зарос грязью господин комиссар южного округа, конкретно зарос. И неужели он серьезно думает, что я буду сидеть в его хоромах подобно рабыне Изауре? Не на ту напал!

Адам

Еду домой что-то без особого воодушевления. Хотя откуда бы ему взяться? Там меня ждет разъяренная ведьма. Как хорошо, что она все-таки полукровка. С ведьмами вообще лучше не связываться. Если они в гневе, то усмирить их крайне сложно. Но хочется верить, что Кейна женщина здравомыслящая, человечная и будет держать себя в руках. Тем более я везу ее вещи... тем более в доме дети.

Но разговор предстоит все равно тяжелый, оттого и чувство преследует скверное. Ведь я готов пойти ей на уступки, готов отпустить на некоторое время, чтобы решила все срочные дела — правда, при одном условии, которое ей однозначно не понравится. Но и я рисковать не могу.

При подъезде к мосту смотрю на дом, что высится вдалеке. Ну, хорошо хоть стоит, а не полыхает адским пламенем.

Вообще день сегодня выдался нелегкий, к вечеру я вызвал родителей покойной Севины, чтобы передать им последние слова дочери. Увы, за столько лет службы так и не научился воспринимать чужую беду с должным цинизмом, до сих пор становится тошно на душе, когда вижу убитых горем родственников. Они потеряли ребенка, единственного. А мы по сей день не можем сдвинуться с места в поисках.

В этот момент останавливаюсь у въезда в гараж.

Вдруг вижу Отиса, он с выпученными глазами выбегает из дверей и мчится ко мне. У меня, честное слово, при виде него сердце опускается в пятки.

— В чем дело?! — выскакиваю из машины. — Что-то случилось?! — осматриваю его, но вроде все в порядке.

— Они ведь не уйдут?! — вцепляется он мне в руку. — Не уйдут же, правда?! Они должны остаться! У нас много места! Всем хватит! — и чуть ли не скачет на одном месте.

— Демоны всесильные! — У меня аж лоб испариной покрылся, точно раньше времени дуба дам. — Они останутся, Отис, останутся.

— Уверен? А то Кейна пообещала тебе рога пообломать, как только приедешь.

— Серьезно?

Рога она мне пообломает, ага, как же!

— Да.

— Ну ладно... Идем, — захватив пакет, беру сына за руку.

А в доме сталкиваюсь с тем, о чем успел давно забыть. Тут пахнет едой, и пахнет умопомрачительно. Но на этом сюрпризы не заканчиваются. Войдя, я не узнаю своей кухни! Идеально чисто, все лежит на своих местах, на столе стоит блюдо с кексами. Однако тут же сталкиваюсь глазами с рыжей фурией. Она сидит в торце стола, взгляд хищный, губы поджаты, волосы собраны в высокий хвост. Такое ощущение, что сейчас бросится на меня и как минимум глаза выклюет.

— Здравствуй, — ставлю пакет на стул. — Я принес кое-какие твои вещи. Которые были в мастерской.

Кейна в свою очередь поднимается, выпроваживает детей в гостиную, отчего мне уже делается подозрительно нехорошо, после закрывает дверь в кухню.

— Надеюсь, ты не планируешь закатывать концерт? — решаю действовать на опережение. — Я готов поговорить вполне спокойно.

— О, мы поговорим, мы сейчас так поговорим, — без страха подходит ко мне ведьма, вытягивается в струнку. А у меня дух перехватывает. Силы нечистые, как же она пахнет, будто ее саму полили карамельным сиропом, сверху присыпали ванильной пудрой и немного подрумянили в духовке.

— В таком случае, может, присядем?

Кейна молча опускается на стул. Только к чему все эти разговоры? Мне сейчас хочется совсем другого. Взгляд так и спотыкается на блюде с кексами. Вдруг доносится звук падения. Бесов хвост! Опять. Ну не получается его контролировать, хоть тресни. Однако, чтобы избежать неловкого момента, сажусь на стул, а ногой наступаю на кончик хвоста. И до чего, дьявол меня задери, это больно.

— Итак, — произношу на выдохе, — я сегодня был в мастерской и говорил с твоей помощницей. Марией Федоровной. Попросил на сегодня не брать новые заказы.

— То есть просто так заявились и попросили ее не брать заказы?

— Нет, конечно. Я представился, как полагается.

— Да что вы?

— Мария Федоровна теперь знает меня как твоего бывшего мужа военного, с которым ты решила сойтись.

— Чего? — выпучивает глаза.

— Мне эта версия показалась вполне рабочей. И главное, твоя помощница поверила.

— Ну, — складывает руки на груди, — неудивительно. Вы и вправду кое в чем очень схожи с моим бывшим.

— И?

— Вы такая же беспросветная и беспринципная сволочь с раздутым самомнением. В остальном мой бывший даже лучше. Он, по крайней мере, избавил нас от своего присутствия.

— Благодарю за искренность. — М-да, как я и думал, будет непросто. — Поверь, я от тебя тоже не в восторге, но, — предвосхищаю ее очередной выпад, — в восторге Отис.

— Не смей шантажировать меня своим ребенком, — переходит она на шипение и, что забавно, на «ты». — Тоже мне папаша. Да тебя следует родительских прав лишить.

— А ну-ка поясни. — Вот это поворот!

— Твой сын живет в ужасных условиях! Питание отвратительное, режима никакого, он все время один! Я уж молчу про то, что ребенок не посещает школу. Думаешь, сбавив его на меня, решишь разом все свои проблемы? Ничего подобного! Ты безответственный папаша-пофигист!

— Не смей! — вскакиваю со стула. Вот ведь, нашла больную мозоль и давай на нее давить. — Я люблю своего сына! И делаю для него все, что могу! Но у меня работа!

— А у меня ее нет, по-твоему?!

И вижу, как ее глаза ходят туда-сюда вслед за моим хвостом, а тот знай себе мотается, остатки пыли разгоняет.

— Ты решил за мой счет выехать! Не выйдет! Ты должен сам заниматься своим ребенком! — снова переключает внимание на меня. — Мы с дочерью живем в мире людей, наше место там, а не здесь!

Ишь как распетушилась!

— Все! — резко бью кулаком по столу, отчего блюдо с кексами подпрыгивает, а следом и ведьма на стуле. — Этот разговор совершенно не продуктивен! Или мы сейчас обсуждаем варианты сотрудничества, или ты знаешь, что будет. А коль я беспринципная сволочь, то вопросами нравственности и морали задаваться точно не буду.

В ней же все кипит и бурлит, ох, как она хочет обложить меня чем-нибудь похуже просто сволочи. Но держится. А в гневе она особенно хороша. Хотя она хороша в любом состоянии.

— Ладно, — выдает вместе с тем паром, что в ней скопился. — Давай свои варианты.

— Я готов позволить тебе закрыть все заказы, решить все срочные вопросы. И да, Мария Федоровна ждет тебя завтра в кондитерской. К тому же ты можешь не закрывать свою мастерскую.

— И за счет чего она будет существовать, позволю спросить?

— Передай бразды правления помощницам.

— Да неужели? На какие шиши, интересно?

— На мои. Я согласен платить им фиксированный оклад.

— Да ты, смотрю, олигарх. И мне зарплату, и моим помощницам, и полный пансион. Сдается, лапшу вы мне на уши вешаете, господин комиссар.

— Считаешь, я неплатежеспособен?! — Да как она смеет вообще?

— Именно так! Твой дом покрыт грибком, в нем царит редкостный срач, как-то не сочетается с положением комиссара округа.

— Рыжая хамка! — подаюсь к ней, и в этот момент раздается скрип двери.

На пороге стоят перепуганные Отис с Настей.

— Мам, — девочка подбегает к Кейне, хватая ее за руку, — давай уйдем, мам. Здесь страшно, и они злые, — кивает на меня с Отисом.

— Мы не злые, детка, — мигом успокаиваюсь я, — совсем не злые. Вот я просто устал, работы было много, а Отис тебе и твоей маме очень даже рад. Ведь так? — перевожу взгляд на сына, а тот стоит хмурый, на меня глядит, точно живоглот на опарыша.

— Так, — выдает сын сквозь зубы. — Вечно ты все портишь! — не сдерживает слез. — Всегда! От тебя все уходят!

— Ты что себе позволяешь, поганец?! — Всё, мое терпение лопнуло. — Не ты ли довел до нервного срыва своих последних учительниц?! Не тебя ли выдворили из двух школ?!

— Мне не нужны учительницы! И ты мне не нужен! — выкрикивает Отис и убегает.

— Молодец, — так мерзко снисходительно качает головой ведьма. — Вот молодец. Всех довел. Если ты так обращаешься со своим ребенком, ничего удивительного. Он в силу возраста копирует тебя же. Идем, Насть, — поднимается со стула, — дадим господину черту подумать над своим поведением. — Затем берет пакет. — Ой, смотри, твой Валерка, — достает зайца, — надо показать его Отису. Жаль, Гриши нет.

— А Гришу я бы Отису подарила.

— Да, было бы здорово, — и они закрывают за собой дверь.

Странные чувства... Вроде и злость берет, а вроде и стыд, а вроде и все вместе. Неужели Отис на самом деле винит меня в том, что Нарли ушла? Я жену любил или думал, что люблю, не знаю. Но в любом случае я старался для семьи, всегда. Чтобы каждый день они были сыты, чтобы в доме было тепло. Да, зарабатывал в разы меньше, чем сейчас, а работал больше. Но разве нужно любить друг друга, только когда все хорошо? Нарли, видимо, так и считала. И не моя вина в том, что она устала от мужа и ребенка, потому что один батрачил как проклятый, а второй требовал внимания матери.

Еще и эта рыжая подливает масла в огонь. Видите ли, родительских прав меня надо лишить! Стерва! И чего она там вообще квакала про мой дом? Какой еще грибок?

Кейна

Хмырь в погонах! Отрастил самомнение, понимаешь ли! Зарплату он всем платить будет! Угу, будет, как же. Один раз раскошелится, а потом хвост-то подожмет и брови свои вразлет на нос опустит. Не будь у него сына, прямо не знаю, что бы с ним сделала. Как минимум огрела чем-нибудь потяжелее.

Забил бы его формой для кексов, как гвоздь в пол. Только для начала пришлось бы на стол встать. Высоченный детина!

— Отис?

— О-о-отис! — зовем чертенка вместе с Настей.

— Может, он в подвал убежал? — крутит головой дочка.

— Не думаю, ты ведь помнишь, там жуткие демоны живут.

— А, ну да. Значит, в своей комнате.

— Может быть. Пойдем посмотрим.

Действительно, Отис был у себя, точнее, забрался под одеяло, а хвостик остался снаружи. Настя подбежала первая и, не думая, подергала за хвост:

— Эй, ты тут?

И в секунду хвост спрятался туда же — под одеяло.

— Отис, — сажусь у него в ногах. — Почему ты убежал?

— Потому, — слышится из глубин.

— Ну, это не ответ. Расскажи... мы с Настей хотим послушать.

— Да-да, — забирается на кровать мое деловое чудо, — а то мы уйдем. Да, мам?

На что грожу ей пальцем.

— Ну и уходите. Все уходите.

В этот момент чувствую нечто странное, оказывается, его хвост опять выбрался и схватился за мой пояс на платье. Честно говоря, сердце сжимается наблюдать происходящее. У ребенка с его тупоголовым родителем никакого согласия, а мальчишке нужно внимание, жизненно необходимо, а главное, нужна любовь.

— Отис, мы не собираемся уходить, — говорю, и самой плакать хочется. Черт треклятый, свалился на мою голову. — Вылезай, Настя тебе хочет показать своего лучшего друга.

И через минуту он показывается. Глаза красные, нос опухший, уши прижаты к голове. Ну все, сейчас разревусь.

— Какой друг? — переводит взгляд на дочку.

— Вот, — Настя протягивает ему зайца. — Это Валера. Но у него еще есть друг Гриша, только он дома остался. Хочешь посмотреть?

— А вы точно останетесь? — Отис берет в руки игрушку, принимает к ней.

— Мы очень постараемся, — киваю я. — Вы тут поиграйте, а я схожу вниз. Ладно?

На что детвора кивает, я же с тяжелым сердцем отправляюсь на поиски этого волкодава в погонах. Как же руки чешутся засадить ему промеж рогов. И надо же, нахожу Гаспаровича за поеданием моих кексов. Бедолага при виде меня чуть не давится. Я-то думала, сидит тут, со стыда сгорает, а нет, жрет он тут. Так-то мне не жалко, нет, но каков говнюк!

— Приятного аппетита, — снова сажусь за стол.

Он в свою очередь медленно возвращает надкушенный кекс на блюдо, смахивает крошки с аккуратной бороды, отчего те сыплются на стол, и вот ведь, этот гад сметает их на пол.

— Как я завтра смогу попасть в мастерскую?

— Отвезу тебя. Но при условии. Твоя дочь останется здесь, сама понимаешь, рисковать я не хочу.

— А где гарантии, что мой ребенок будет здесь без меня в безопасности? Более того, где гарантия, что ты ее не...

— Не что? Я детей не похищаю. Мне всего-то нужна нянька. Так уж вышло, что лучше тебя никого нет.

— У меня есть сложный заказ, я за него взяла стопроцентную предоплату и не могу от него отказаться. На изготовление нужно время. Впрочем, другие заказы тоже зависли.

— Пеки свои торты здесь, — и опять смотрит на кексы.

— Здесь?! У тебя ни холодильных камер, ни нормального духового шкафа. С этим раритетом, — указываю на его технику, — только в котелке кашу варить.

— Я подумаю, что можно сделать.

— Отпусти меня домой с дочерью, я закончу с делами и вернусь.

— Думаешь, я совсем идиот?

— Ну, ты на самом деле идиот, а еще негодяй. Но я даю слово, что вернусь, когда разберусь с делами. Моя работа ничем не хуже твоей. Ты заботишься о спокойствии граждан, я дарю им радость. А главное, я взяла деньги.

— Но ты их можешь вернуть, — складывает руки на груди.

— Тогда пострадает мое честное имя. Я два года работала на репутацию, чтобы в конце концов она начала работать на меня. Однажды ты найдешь себе няньку лучше, а я останусь у разбитого корыта. Хотя кому я объясняю. Черту, который готов меня за решетку отправить, наверное, прямо с ребенком. А ведь сам отец... Да только дерьмовый, как и комиссар, раз чужая жизнь для тебя пустой звук.

Вдруг он вскакивает с места, подлетает ко мне, хватает, как котенка, и усаживает на стол. Глаза при этом горят огнем, на лбу рога появляются, а из носа чуть ли не пар валит. Ну, посмотрим, чем ответит. Думает, застрадал? Угу, как же!

— Еще раз, — нависает надо мной, да так, что я чувствую запах своих кексиков. Ванили многовато, определенно, — скажешь нечто подобное...

— И что? — не знаю, наверное, надо бы испугаться и уже замолчать, но не могу, не могу и все.

В этот момент чувствую, как он сжимает мою талию, того и гляди переломит напополам, а еще тянет меня на себя, только бы занозу не получить в мягкое место, стол-то потрепан временем. И вот я оказываюсь на самом краю, а этот верзила у меня, ужас какой, между ног. Неожиданно в голове проносится шальная мысль. А если? Если ему нужна не только нянька? Слишком уж хищно смотрит, хищно дышит, сжимает тоже плотоядно, словно в когтях дикого зверя оказалась. Сердце тотчас замирает, хоть бы только не...

Адам

Дьявол меня задери! Что же такое происходит? Еще чуть-чуть, и взвалю ее на плечо, а там будь что будет. Но ведь нельзя. Наверху дети, да и заноза она в заднице просто жуткая, считает меня самым последним уродом. Но как пахнет, как смотрит, как дрожит мелкой дрожью в руках, хоть и хорохорится. Подол платья задрался и едва прикрывает самое сокровенное, капроновые колготы местами пустили стрелки. В итоге не справляюсь с собой, даю свободу хвосту, который мгновенно обвивается вокруг ее ноги, отчего я чувствую тепло ведьмы. Но дальше нет... дальше не имею права. Она мне нужна совершенно для другого. Вернее, она нужна не мне, а Отису. Нельзя путать личное и работу. Всегда следовал этому правилу, вот и дальше буду следовать.

Главное, сейчас предстоит решить, что делать дальше. Позволить ей уйти? Однако, ясное дело, не вернется. Только почувствует свободу, как сделает ноги. Ни за что не вернется. А значит, необходимо каким-то образом заставить ее вернуться, лишить выбора. И, кажется, я знаю, кто мне в этом поможет.

— Сейчас, — произношу с большим трудом, ибо мысли продолжают атаковать совсем не те, что надо, — мы кое-куда съездим. Ненадолго.

— К-куда?

Ох, держите меня семеро, как же это тяжело. Зачем она так дышит? Зачем так смотрит? Зачем я ее вообще трогаю? А руки точно приклеились.

— К одной моей знакомой. Она поможет нам заключить безопасную сделку.

— Что ты еще задумал? — Она выгибается в попытке высвободиться, и это уже невыносимо; тогда отпускаю ее, убираю руки от греха подальше.

— Я же сказал: заключить сделку по правилам моего мира.

— Знаешь, — откровенно жарит меня взглядом, в котором беснуется колдовское пламя, — у тебя хороший сын, ему просто нужно внимание, время, а вот ты... ты мерзкий, отвратительный, наглый и страшный черт.

— Через пять минут выезжаем, — чуть ли не скриплю зубами. Как же она меня бесит! Как же я хочу уложить ее на этот стол и... Лучше бы просто бесила, честное слово.

И какого это беса я страшный и мерзкий? Среди чертей я очень даже! В форме и вовсе. А для этой мерзавки вдруг страшный! Дом, видите ли, не такой, сам я крокодил, теперь понимаю ее бывшего мужа. Да он просто сбежал, не выдержал, бедолага, каждодневных попреков.

Надо все-таки не забыть, набрать той официантке из гномьей забегаловки. Иначе для Кейны все может закончиться очень плохо, как и для меня, и для Отиса. Я слишком долго без женщины, так любой скопытится, вот и я уже на грани.

Кейна тем временем спрыгивает со стола, поправляет платье, очередной раз обдает меня убийственным взглядом. Ох, не надо так делать, твой взгляд меня не злит, нет, он меня заводит.

— Я бы попросила, — и смотрит на хвост, который все еще держит ее за ногу.

— Да, конечно.

— Господин комиссар, — вдруг щеки ее вспыхивают, глаза округляются, — ваша метелка забралась мне под подол, немедленно отзовите свой хвост!

Да я бы и рад, блин. Но эта сволочь даже не собирается отпускать. Приходится вручную чуть ли не отдирать его от ноги ведьмы. Какой позор!

— Спасибо, — и устремляется в сторону двери, а на бедре краснеет след. Силы нечистые, мне срочно нужно в душ.

Из дома выходим все-таки через полчаса, загружаемся в машину. Джип у меня просторный, так что дети с комфортом размещаются на заднем сидении, а ведьму я целенаправленно усаживаю спереди. И лучше не спрашивать почему... Хочу! Хочу, чтобы она была рядом. Ее запах так и стоит в носу, мой хвост так и ощущает ее тепло. И это неправильно, неуместно. Кейна здесь для другого, моя первостепенная задача заставить ведьму остаться, причем склонить к этому добровольно. А если испугаю своей озабоченностью, пиши пропало.

— Можно узнать, куда все-таки мы едем? — произносит она спустя минут десять.

— К Рише Савьерри. Она тоже ведьма, только настоящая, — усмехаюсь в ответ.

— Хам, — отворачивается она.

Может, и хам, но злить ее — одно удовольствие.

До Риши рукой подать, если ехать через Ведьмин лес. Посему минут через сорок мы уже на месте. Дом ведьмы утопает в вечернем тумане, как и ее кровожадный сад. Но в окнах горит свет, что радует.

— Идемте, — открываю перед Кейной и детьми калитку. — Только проходите строго по тропинке.

— Почему? — с недоверием осматривается рыжая. — Жутко здесь. Я-то думала, у тебя ужасно, а нет, тут еще хуже.

— Почему? — ехидно ухмыляюсь. — А вот почему, — следом достаю из кармана давно завалившийся сухарик и бросаю в туман, из которого тотчас же высовывается зубастый живоглот и на лету ловит лакомство, после чего жадно чавкает, а когда расправляется с добычей, снова скрывается в плотном сизом облаке.

А Кейна мгновенно бледнеет, затем сереет, ее правый глаз начинает дергаться.

— Дети! — хватает их за руки. — Стойте рядом, ни шагу в сторону!

— И кто, позвольте спросить, кормит моих деток вредной гадостью? — возникает за моей спиной хозяйка дома, отчего я вздрагиваю. Вот ведь ведьмы. — Комиссар, — расплывается в улыбке Риша, — второй раз за неделю, надо же... — После смотрит на Кейну: — Добрый вечер, — улыбается

еще шире. — Кейна, верно?

— Да, добрый вечер, — кивает в ответ.

— Занятненько, забавненько, — поправляет свою пижаму в скелетик. — Что ж, милости прошу, — и устремляется к дому. — А то разбудите малышей птицеведов. Я им и так около часа колыбельные пела.

— Хоть бы взял ребенка на руки, — бурчит Кейна, когда мы идем по тропе.

— Отис у меня не из пугливых, верно? — но все-таки беру его за руку.

— Угу, — сопит он, озираясь по сторонам.

А вот Кейна несет свою дочь на руках, тогда как та жметя к матери, боится. Ну, ничего, скоро попривыкнут. Этот мир немногим отличается от людского, и, если знать основные правила здешней жизни, в нем не пропадешь.

Меж тем Риша приглашает нас в дом, провожает в гостиную.

— Присаживайтесь, дорогие гости, — сама же опускается в кресло-мешок, напоминающее огромную тыкву. — И что вас привело ко мне? Да еще и всем семейством, — ухмыляется.

— Безопасная сделка, Риш. Мне нужно, чтобы ты наложила заклинание связи.

— Вот как! — во все глаза разглядывает Кейну ведьма. — Этот черт обманом заманил тебя в наш мир, так ведь?

На что та кивает.

— Адам Гаспарович, — снова смотрит на меня белокурая ехидна, — вы ступили на путь беззакония, как это мило. Эмоции толкают нас на крайне неблагоприятные поступки. Как знакомо.

— Слушай, — пора бы ей рот закрыть, а то еще ляпнет чего не нужно, — твои услуги я оплачу, давай-ка ближе к делу.

— К делу так к делу, — пожимает плечами. — Заклинание связи, говоришь... надо подумать. А каковы пространственно-временные условия?

— Я буду здесь, она — в мире людей. Сколько тебе нужно времени, чтобы уладить все вопросы? — обращаюсь к Кейне.

— Неделя как минимум, — продолжает она путешествовать взглядом по гостиной Риши.

— Это слишком долго. Три дня.

— Неделя, господин черт! — Кейна резко переводит взор на меня.

— Ладно, — выдавливаю кое-как.

— Неделя, — протягивает Риша. — Ты украл меня, ты любил меня, — начинает напевать под нос, — и дал всего лишь пять дней, а потом ты вернул меня, ты забыл меня. Дайте ваши руки, — протягивает нам свои.

Я даю руку сразу, а вот Кейна медлит, сомневается, не хочет. Риша тем временем все изучает ее, пристально, с неким восторгом в глазах, и главное, не торопит. Спустя пару минут рыжая все-таки решается — подает руку.

— Лея аман тра, луна де трайя, де Кейна лурр ди Адам, — и глаза ведьмы загораются зеленым светом, из рук ее выступает магия, проходит сквозь нас, замыкается в круг.

Вдруг ощущаю бешеный вихрь эмоций: страх, злость, горечь, отчаяние. Это точно не мои чувства. Во мне сейчас бушует одно единственное, от которого даже после душа не удалось избавиться. Значит, этот коктейль — ее? Неужели Кейне настолько плохо? Злость я бы еще понял, как и страх неизведанного, но откуда столько горечи и отчаяния? Можно подумать, ее кто-то в подземелье бросил и цепями к полу приковал. Не поймешь этих женщин. То они хотят, чтобы мужик решил все их проблемы, упростил им жизнь, то цепляются за свою независимость, даже если та вынуждает их пахать и днем, и ночью до последнего издыхания. Все разы, что я приходил к Кейне в мастерскую, она была вымотана. И если учесть, что трудится девчонка именно в таком режиме, чем же хуже работа на меня? Никуда не надо торопиться, не надо думать о хлебе насущном, дочь все время рядом, чем плохо?

— Вот и все! — Риша хитро смотрит то на меня, то на Кейну. Опять что-то вызнала проныра? Или просто издевается? — Ребята, — резко забывает про нас и идет к детям, — хотите моего фирменного печенья? С клюквой.

— Да! — подскакивает Отис, а следом за ним и Настя.

— Тогда бегом на кухню. А еще у меня есть малыши живоглоты, ты когда-нибудь видела их? — обращается она к девочке.

— Нет. А кто это?

— Сейчас покажу. Они еще совсем крохи, даже зубов нет.

И когда Риша с детьми удаляются, в гостиной повисает молчание. Кейна сидит насупленная, пальцами барабанит по подлокотнику дивана.

— В чем суть этого заклинания? — наконец-то подает голос.

— В том, что я буду знать, где ты находишься. И всегда смогу тебя найти.

— Будь ты более внимателен к своему ребенку, я бы вообще не понадобилась.

— Послушай, я бы и рад, поверь. Но не могу, потому что постоянно на работе, иногда сутками пропадаю. Кстати, не думаешь, что у тебя с дочерью такая же ситуация?

— С чего это? — сразу ошетинивается.

— Да с того. Ты точно так же все время в своей мастерской, дочь или в детском саду, или у подруги. Я узнавал. Да, Настя у тебя послушная, не то что мой сорванец, но ты не видишь ее, как и я его.

— Это не твое дело. Это моя жизнь, куда ты не имел права лезть со своими проблемами. Не имел!

— Имел, не имел, но факт есть факт: я влез, прими и смирись. И ты теперь здесь, ты теперь нянька.

А через минут пятнадцать вернулась Риша с довольной детворой. Оба держали в руках по маленькому аквариуму, в котором зеленел какой-то росток. И что-то мне подсказывало, это не майская роза.

— Только не говори, что ты дала детям этих... — начал было я, но ведьма перебила:

— Не дрейфь, Адам. Эти милахи будут отличными домашними питомцами, когда подрастут. Вы, детки, — посмотрела она на Отиса с Настей, — главное кормите их три раза в день червячками, мухами или пауками, в общем, кого поймаете, тем и кормите, а когда у них появятся первые зубки, переходите на мышей. Живоглоты очень их любят. Прямо в аквариум запускайте, пусть охотятся. Потом я вам расскажу, что с ними делать дальше. Поняли?

— Угу, — кивнули хором.

Домой мы вернулись после полуночи. Кейна за время пути и слова не произнесла, а когда поднялись на крыльцо, я заметил ее слезы. Тогда же возникло дикое желание обнять рыжую бестию, сказать, чтобы она не боялась, что я не такой, каким она меня видит, но нельзя. В ее глазах я тону каждый раз, к ее дыханию прислушиваюсь, как к каким-то сакральным звукам, а уж что творится с хвостом — не передать. Такое ощущение, что он вообще не опускается, благо, большую часть времени скрыт.

— Так, а сейчас водные процедуры и спать, — отправляет Кейна детей наверх. — Я сейчас вам помогу. — Затем поворачивается ко мне. Да что б тебя, перестань, перестань на меня так смотреть. Прощу тебя, хватит. — Завтра в шесть утра мне нужно быть в мастерской.

— Хорошо, будешь, — обещаю я и прячу руки за спину, чтобы не схватить ее, не прижать к себе.

На что следует кивок, и рыжая бестия идет к лестнице. А я про себя умоляю ее не оборачиваться.

Кейна

Кожей спины чувствую его взгляд. Ох, что же творится... Жила себе тихо, мирно, никого не трогала, налоги платила своевременно, и тут на тебе, свалился этот бес мне на голову. А что вытворял в кухне? Вернее, вытворял его хвост. Это ж надо, еще чуть-чуть, и в трусы бы залез. Фи, какая

гадость. Озабоченный комиссар, блин. А если решит, что ему не только нянька нужна, что тогда? Он ведь шкаф два на два, я против него жалкая козявка! Досадно, что знаю так мало ритуалов. Надо будет поискать какое-нибудь заклинание в мамином гримуаре. Разрушить бы эту связь к чертовой бабушке. Отиса безумно жалко, ему действительно нужно внимание, нужен кто-то близкий рядом, но... как все сложно...

Вдруг понимаю, что уже не иду, а бегу в направлении своей комнаты. Детей нахожу на кровати, они лежат на животах и рассматривают эти жуткие ростки в аквариумах.

— Как ты назовешь своего? — спрашивает дочка. — Я вот хочу назвать Васей.

— Какое глупое имя, — мотает головой Отис. — Я своего назову Демон.

— Это даже не имя, — косится на него Настена.

— Зато он будет наводить на всех ужас, а твой что? Вась-Вась-Вась... — смеется.

— А мой хороший будет, добрый.

— Живоглоты не добрые, они свирепые охотники.

— Так, — встречаю в их весьма вялый спор, — кажется, всем пора на боковую. Ставьте своих Васек на тумбу и бегом в ванную мыться и чистить зубы.

— А зачем мне мыться? — Отис с искренним удивлением смотрит на меня. — Я три дня назад мылся.

— Отис, — беру его за руку, — мыться нужно каждый день, — веду в ванную, — тогда и спать будешь лучше, и блошки тебя не закусуют. А еще грязнуль очень любит дед Гурвич.

— Это кто? — усмехается.

— Дед Гурвич, — помогаю ему раздеться, — обожает кусать за пятки грязных детей.

— Меня ни разу не кусал, — а ушами уже дергает.

— Он ждет, когда слой грязи вырастет, тогда и придет. Но если ты будешь мыться каждый день, Гурвич и на километр не подойдет. Дед терпеть не может хорошо пахнущих детей. Вот вонючек — самое то.

— Я не вонючка! — подскакивает на месте чертенок.

— Пока не вонючка, но скоро...

— Да ты просто меня пугаешь, — сияет улыбкой. — Вот Настя верит, наверное, а я уже большой, меня не проведешь.

— Ну, ладно, — пожимаю плечами. — Тогда иди ложись спать. И посмотрим, как пройдет ночь.

На что чертенок хмурится, какое-то время думает, после чего забирается-таки в ванну.

— Так и быть, помоюсь, — заявляет гордо, — но вовсе не из-за деда Гурвича.

— Ладно.

После душа Отис становится совсем вялым — трет глаза, зевает. Что ж, спать будет без задних ног. А мне еще Настю купать, потом самой бы... а то и ко мне Гурвич заглянет. Хотя о чем я, скорее Черт Гаспарыч займется и будет свой хвост распускать. В следующий раз надо отдавить его, чтобы неповадно было.

Настю из ванной выношу уже на руках, она совсем вымотана и засыпает за считанные секунды. Я же кое-как привожу себя в порядок и заползаю в постель. Но, несмотря на жуткую усталость, сразу уснуть не выходит, перед глазами возникает эта странная Риша. Больно бледная она для ведьмы, может, вовсе не чистокровная, а смешанная. Что-то есть в ней от некромантов. Но взгляд настоящий ведьминский. Интересно, Гаспарыч к ней только ли за помощью захаживает? Уж больно она жадно смотрела на черта. Хотя какая мне вообще разница? Да пусть что угодно они там делают, плевать! У меня заказы горят, земля стремительно уходит из-под ног, мечты рушатся. Тут слышу, как моя девочка вздыхает. И сердце больно екает. Ведь в чем-то черт прав, я ее практически не вижу, а она растет, и быстро растет. Даже Ленка про мою дочь больше знает, чем я.

Кажется, пришло время мне хорошенько все обдумать... Вот дома и обдумаю.

А ночь пролетает слишком быстро. И когда открываю глаза, за окнами еще темно, но мне нора вставать. Прежде чем ехать, надо наготовить Отису еды на пару дней. На его папашу все равно надежды никакой. Охламон двухметровый.

Быстро встаю, одеваюсь, заглядываю в ванную, после чего спускаюсь вниз. Благо, там пока никого. И кухня в моем распоряжении.

За готовкой время летит незаметно, а параллельно в голову летят мысли одна за другой. Я однозначно стала заложницей своей работы. И как бы ни стремилась все держать под контролем, что-то все-таки вышло из-под одного — и это моя личная жизнь, мой ребенок. Возможно, стоит просто пересмотреть свой график, брать меньше заказов, не пытаться прыгнуть выше головы. Но тогда и денег нормальных не будет. А жизнь в столице дорогая, причем дорожать продолжает с каждым годом. Зато у паразита Гаспаровича все просто. Хочешь потом возвращайся, хочешь — здесь оставайся. Эгоист проклятый. Неудивительно, что от него жена сбежала. Хотя я ее ни в коем случае не оправдываю, негодяйка бросила ребенка. Что б у нее копыта выросли!

Тем временем на столе уже исходит паром кастрюля с гречневой кашей, на блюде лежат румяные оладьи, а на плите доваривается суп и дожаривается курица.

Адам

Никогда такого не видел... Я стою как идиот за дверью и подсматриваю в щелку за ведьмой. А она порхает по кухне, точно елейский призрак. [Призрак юной танцовщицы из Елейского театра Ксантиппа.] Точнее, она левитирует. И так забавно стучит пяткой о пятку, чтобы то взлететь, то опуститься. Вот бы на ней были традиционные ведьминские чулки в черно-белую полоску. Но сейчас во мне и намек нет на возбуждение, сейчас мне просто нравится смотреть за тем, как Кейна хозяйничает на моей кухне. В этом она великолепна. Настоящая хозяйка, настоящая мать, какой у Отиса не было. Нарли оказалась чертовкой крайне неряшливой. Помнится, я приходил с работы и наблюдал одну и ту же картину: раковина, полная грязной посуды, пригоревшее нечто на плите и вечно орущий Отис в перепачканных пеленках. Тогда я все списывал на ее стресс, постоянное переутомление из-за маленького ребенка. И только когда она сбежала, понял, что дело-то было совсем в другом: она ненавидела свой дом, свою семью. Ненавидела настолько, что сбежала рано утром, оставив Отиса в кровати, даже бутылку воды ему не дала.

Да, из меня тоже отец не самый лучший, но я за Отиса готов жизнь отдать, тогда как Нарли пеклась только о своей шкуре.

А Кейна... Подарю-ка ей шляпу, когда вернется. Вроде как жест примирения и моей благодарности. У каждой ведьмы должна быть остроконечная шляпа. И пусть Кейна наполовину человек, но магия в ней все равно есть, а значит, и шляпа полагается. Насте тоже. Точно! Хороший будет подарок. Следом в голову влетает малоприятная мысль: теперь ведь надо как-то Отису объяснить недельное отсутствие ведьмы с дочерью. Поймет ли он? Или снова устроит бунт на корабле? Все-таки целая неделя.

— Здрасьте, — слышу голос, и в то же мгновение дверь распахивается. — Подсматриваем, значит.

— Я не подсматривал, — захожу в кухню.

— Ну-ну. Итак, для Отиса я приготовила поесть, думаю, дня на два будет достаточно. Но еду необходимо держать в холодильнике.

— Можно подумать, я не знаю.

И так тоскливо становится. При ней как-то не будешь лазать по тарелкам, а оладьи смотрятся мучительно аппетитно. Хоть бы один предложила, ехидна эдакая! Хоть бы один!

— Смее утверждать, представления у тебя о порядке и в целом о бытовых вопросах весьма скудные. Ты зарос в грязи. И грибок, черт возьми! — резко разворачивается ко мне.

— Никогда так не говори при чертях, — складываю руки на груди.

— Как?

— Все эти ваши людские «черт возьми», «черт побери», «черт ногу сломит» и так далее в этом мире считаются высшей степенью неуважения к нам, чертям.

— Пардон, — задирает голову, а я опять тону в зеленых омутах. Нет, надо продолжать думать о

блинах. О вкусных, румяных, очаровательных, рыжеволосых, зеленоглазых, своенравных. Дьявол! — Вернемся к грибку.

— Да что тебе дался этот несчастный грибок?! Ну, есть он и есть, никому не мешает.

На что Кейна хлопает себя по лбу и обреченно мотает головой:

— Если человек дурак, то это надолго, — бубнит себе под нос. — Он опасен для здоровья. Его надо немедленно вывести.

— А Отиса я куда, по-твоему, дену, когда буду выводить твой грибок?

— Во-первых, он не мой, а твой, — кривится она. — Напрягись, значит. А то как женщин с детьми воровать, так горазд, а как порядок навести в своем же жилище, так сразу сто причин находишь этого не делать. Если тебе плевать на здоровье своего сына, то мне нет. И если я буду жить здесь с дочерью, то будь добр, создай должные условия.

— Ладно.

Вдруг она берет тарелку, вилку и перетаскивает с общего блюда штук десять оладий, затем ставит на стол.

— Прошу, — нарочито кланяется, — жрать подано, Ваше Чертейшество.

— А Ваше Ведьмейшество завтракать не собирается? — опускаюсь на стул. Хочется мне, чтобы она села рядом, чтобы разделила со мной это раннее утро.

И что-то мне подсказывает, ведьма сейчас на все готова, лишь бы я ее отвез в мастерскую. В итоге берет пару блинчиков себе, заваривает чай и усаживается за стол, но как можно дальше от меня. Вот ведь негодяйка! Шарахается, будто я сам в этом треклятом грибке с ног до головы.

— Расскажи о своем бывшем муже, — ну, хоть о чем-то говорить надо, не сидеть же молча.

— С чего бы?

— Просто интересно.

— В таком случае, ты первый. Расскажи, где мать Отиса?

— Она его бросила. — Напросился, что называется, лучше бы сидели молча.

— Давно?

— Когда ему было три года. Однажды я вернулся домой, а ее нет.

— И где она?

— Где-то в вашем мире.

— Не пытался найти? Вернуть?

— Зачем? — смотрю на нее с искренним удивлением.

— Ну, может, она не просто так сбежала, может, кто-то ее довел до ручки, какой-нибудь двухметровый черт с отвратительным характером.

— Да что ты, — усмехаюсь. — Думаешь, я ее довел до такой степени, что она даже про сына не вспомнила, когда убежала?

— Прошу прощения, не хотела.

— А твой муж?

— Мой муж объелся груш. А если точнее, устал тратиться на меня с ребенком. Насте нужны были памперсы, смеси, лекарства, одежда, а супруг решил, что это уж слишком.

— Выходит, истории у нас в чем-то похожи. Нас обоих предали.

— Ничего особенного, не мы первые, не мы последние.

— Ты любила его?

— Странный вопрос. Думаю, я к нему чувствовала то же самое, что и ты к своей жене, когда вам

обоим казалось, что впереди ждет море счастья. — Она поворачивается к чайнику? — Иштаар нуара, — после чего тот плавно поднимается в воздух, летит к ведьме, затем сам доликает кипятка в чашку. — Подлить? — обращает взор на меня.

— Угу, только подлить, а не окатить кипятком, пожалуйста.

— Попробую сдержаться, — и следует едва заметный жест пальцами, а чайник устремляется ко мне. Хоть бы не ошпарила, и инстинктивно кладу ногу на ногу. К счастью, чайник останавливается аккуратно над моей кружкой и заполняет ту доверху кипятком.

— Эватис, — слышится очередное заклинание, а чайник возвращается на плиту.

— Благодарю.

Надо же, казалось бы, какой-то простейший ритуал, но в исполнении Кейны он кажется особенным. Ей однозначно нужны шляпа и полосатые чулки.

— Пора ехать! — Ведьма быстро запихивает последний оладушек в рот, поднимается.

— Что мне сказать Отису? — встаю следом, и так уж выходит, что сталкиваюсь с ней у мойки.

А Кейна сразу тушует, краснеет, отчего во мне снова все закипает.

— Я сама с ним поговорю, — отвечает, не поднимая глаз.

— Он очень хочет, чтобы ты осталась. Ты первая, к кому он искренне проникся.

— Хватит на меня давить.

— Я не давлю, так оно и есть. У меня чертенок с характером, но он добрый мальчишка.

— Жаль, отец у него совсем не добрый, — и хочет отойти, но мой хвост в очередной раз поступает по-своему: обвивает ее за талию, а кончиком стремится, какой ужас, к груди ведьмы. Однако Кейна сейчас же перехватывает его и так больно впивается ногтями, что мне приходится задержать дыхание. Она-то наверняка не знает, насколько это у нас чувствительная часть тела. Или знает? — Еще раз полезешь ко мне своей метелкой, — переходит на шипение, — оциплю, как курицу!

После такого болезненного приема ей удастся очень легко высвободиться.

— Нахал! — задирает она голову и гордо удаляется, а мне остается пожалеть свой несчастный хвост. Как же больно-то! Прямо до крови вцепилась, поганка рыжая!

Кейна

Нет, ну вы подумайте! Опять облапал! Чертов черт! Сам, главное, стоит себе, как ни в чем не бывало, а хвост старается.

Но скоро мысли полностью меняют направление, и я останавливаюсь у двери в спальню Отиса. Как же ему сказать, чтобы не переживал? Бедный малыш... Надеюсь, будет умницей и все поймет правильно. Стержень в нем есть, это чувствуется. Самой бы только не разреветься, а то я могу.

Захожу как можно тише. И надо же, нахожу Отиса сидящим на подоконнике с банкой в руках, в которой перебирает лапками его садовый тарантул.

— Ты уже проснулся, оказывается, — встаю рядом. — Как спалось?

— Нормально, дед Гурвич не приходил, — грустно усмехается он. — И ты больше не придешь, — начинает сопеть, глаза краснеют.

— С чего ты так решил?

— Я все слышал. Вы уезжаете сегодня. Вам тут не нравится, тебе мой отец не нравится, и я не нравлюсь.

— А давай поговорим как взрослые, — облокачиваюсь на подоконник.

— Угу... — вот и носом зашмыгал.

— Во-первых, дом у вас хороший, но очень-очень грязный. Его надо отмыть, подремонтировать

местами и поддерживать в нем порядок, так положено, понимаешь? — Он кивает. — Теперь по поводу твоего отца. Он поступил скверно: украл меня с Настей, а воровать людей очень и очень плохо, воровать вообще плохо. Ну и, в-третьих, ты нам нравишься, Отис. Поэтому мы вернемся. Через неделю. Просто у меня в другом мире осталась работа, важная, которую я не могу просто взять и бросить. Я многим пообещала испечь торты. Представляешь, как им будет обидно, если в день рождения они останутся без сладкого. К тому же я слово дала, а слово надо держать. И когда я все сделаю, мы с Настей вернемся. А чтобы ты не думал плохого, пусть папа тебя привозит ко мне по вечерам, будешь помогать в мастерской. Согласен?

— Согласен, — а ушки сразу поднялись, как и хвостик. Какой же он забавный. Притом похож на отца. Интересно, комиссарице таким же прелестным ребенком был или уже сразу вылупился зловредным чертом?

— Значит, договорились. Но у меня к тебе будет ответственное задание.

— Какое?

— Ты должен прибираться в своей комнате, мыть за собой посуду и мыться сам перед сном. Каждый день. По рукам? — и протягиваю ему руку.

— По рукам, — сжимает в ответ. — Но вы точно тогда вернетесь? — глядит на меня с прищуром. — Точно-точно?

— Да, Отис, даю слово.

Да, даю. Мы вернемся. Видимо, пришло время перемен, и надо попробовать как-то иначе выстроить свою жизнь. Но пока я не представляю, как именно; надеюсь, скоро разберусь. Однако способ решения вопросов Гаспаровичем меня в корне не устраивает.

— Ты просто обязана вернуться, — вдруг выдает с прехитрой улыбкой.

— Да? И почему?

— Потому что скоро праздник Огненной тыквы. В эту ночь творятся чудеса. Например, утром я всегда нахожу котелок с конфетами. Его приносят маклаи.

— А кто это?

— Ну, такие призраки в черных плащах и с тыквами вместо головы.

— Жуть какая.

— Ага, но они, в общем-то, добрые. Маклаи рождаются на тыквенных полях.

— Значит, котелки с конфетами, как интересно.

— Насте они тоже принесут котелок. Большой.

Вот ведь, заманивает. Молодец, далеко пойдет. Что ж, а Гаспарович хотя бы в этом ведет себя правильно: дает ребенку возможность верить в чудо.

Через полчаса мы выходим из дома. И, честно говоря, я уже чувствую себя предательницей, потому что Отис стоит на крыльце и смотрит на нас такими глазами, что мне хочется провалиться сквозь землю. А виноват в этом негодяй в погонах.

Всю дорогу у меня сердце рвется на части. Ведь ребенок остался в доме один. Вот совсем один, за что хочется отлупить его нерадивого напашу, настучать по тыкве от души.

— Ты уверен, что с Отисом все будет в порядке? — смотрю на него максимально устрашающе.

— Да, уверен. Он привык, — не сводит он глаз с дороги.

— Можешь завозить его ко мне по вечерам в мастерскую.

— Если будет возможность, завезу.

Истукан! Чурбан бесчувственный!

— А бабушки или дедушки у Отиса есть?

— Как ты думаешь, если бы они были, я бы стал искать помощь на стороне? — Он все-таки переводит на меня взгляд. — Моих давно нет в живых, а родители Нарли проживают в другом городе, и внук им совершенно безразличен. Другой родни нет.

И вот мы въезжаем в Ксантипп. Город удивительной красоты, колорита, самобытности. Здесь нет правильных форм, нет упорядоченности, нет одинаковости. Все дома разной этажности, разной архитектуры, есть и современные, а есть и совсем старые, но заметно, что за ними хорошо следят. А главное, этот город действительно принадлежит нечисти. Чего только стоят эти купольные и конические крыши с красной, зеленой или темно-коричневой черепицей, с трубами, из которых тянутся струйки зеленоватого дыма. Или эти резные ставни на окнах. Пестрые вывески с названиями магазинов или организаций, нанесенными от руки. И метлы, везде метлы, помимо машин. Все тротуары выложены крупной брусчаткой, у каждого входа в здание лежит коврик с надписью «Добро пожаловать». Сказочный город, есть в нем и красота, и шарм, и нечто жутковатое.

— Мы на месте, — Гаспарович заруливает в переулок.

Да, на месте. Адрес этот прописан в моем торговом соглашении. Разве что сейчас не хватает дома номер семь.

Адам тем временем помогает нам выйти из машины, прямо сама галантность, подводит к дому номер девять, на углу которого висит почтовый ящик, переполненный письмами. Я аж ахаю. Меня не было всего сутки, и на тебе. Там уже доверху.

— Подожди, — подхожу к ящику, — мне нужно забрать заказы.

Вдруг ощущаю его спиной. Стоит, дышит мне в темя, отчего по телу бегут мурашки. Только бы хвост свой держал в узде.

— Я помогу, — снимает ящик целиком и вытряхивает его содержимое мне в пакет, затем возвращает на место. — Учти, я буду знать, где ты. Даже не думай бежать.

— Я обещала твоему сыну вернуться, — смотрю на него и вижу нечто новое: черт словно в замешательстве, глаза его блестят, он часто дышит, брови сошлись у переносицы. Нервничает. — Да и Риша твоя свое дело хорошо знает.

— Она не моя! — выпаливает единым духом. — Риша знакомая, которой я в свое время помог. Теперь у нас своего рода взаимовыгодные отношения на деловой основе.

— Угу, но мне-то какая разница, — пожимаю плечами. — Деловые не деловые, твоя не твоя.

А теперь замечаю, как он заводится. Бесить его чертовски приятно. Ой, кажется, я слышу скрежет его зубов, мм... этот звук ласкает слух. Он же вытаскивает из кармана ключ, касается им стены, и в ней появляется замочная скважина, а когда вставляет ключ и проворачивает три раза, происходит то, чего я никогда не видела: между двумя домами появляется третий с моей вывеской над дверью «Тортик. ру». Дом очень узкий, в каждую сторону от двери расстояние едва ли в метр.

— Я буду заходить по вечерам.

Он открывает для нас с дочкой дверь, и мы делаем шаг в темноту коридорчика.

Адам

Как погано-то... нереально погано. Зря я разрешил ей уйти, вот чую, зря. Но это был единственный способ удержать Кейну. Все-таки хочется верить, что она ведьма слова. Иначе я попал, ведь Отиса, получается, бросят второй раз. Да, он не запомнил тот день, когда ушла Нарли, но я ему все рассказал спустя три года. Рассказал, потому что был в ярости. На работе творился ад, от меня требовали все и сразу всё, времени не хватало ни на что, то был момент моей слабости. А Отис спрашивал и спрашивал, почему у всех есть матери, а у него нет. В итоге я ему все и выложил. Потом-то осознал, что зря, но слово не воробей. С другой стороны, лучше пусть знает.

В комиссариате тем временем спокойно, даже слишком. Не дело.

— Корсак! — набираю помощника. — Ко мне.

Тот появляется на пороге кабинета спустя минуту:

— Да, господин комиссар!

— Какого беса тут происходит? — сверлю его взглядом.

— Ничего не происходит.

— Вот именно! Ничего! Все должны работать, а не раскладывать пасьянс или гонять чай! У меня ручные псы мэра висят на хвосте, требуют результатов.

— Понял, — и мигом ретируется.

И только я погружаюсь в изучение треклятых отчетов, как мой сотовый начинает вибрировать под ворохом бумаг.

— Алло, — отвечаю не глядя. — Риша?! Что? Как?! С тобой все в порядке?! Так, оставайся на месте! Скоро буду.

Вот дьявол. Хоть бы только ей просто показалось. Но, боюсь, не показалось.

— Корсак! — вылавливаю его в коридоре. — Оперативную группу быстро!

— Что случилось?

— Душител. Предположительно.

— Снова жертва?

— Нет. Давай живо собирай группу! Если все так и есть, то наш маньяк первый раз не смог довести дело до конца.

Однако сейчас меня атаковали мысли не столько о душителе, сколько о Рише. Тараторила она очень сбивчиво, сквозь слезы, а потом и вовсе трубку бросила. Лишь бы с ней все было хорошо. Говорил ей, говорил, будь осторожна, не таскайся по лесу. Любительница неординарных ритуалов, блин!

Прибываем на место довольно быстро. И только я выхожу из авто, как Риша выскакивает из дома, а через минуту уже оказывается в моих объятиях. Притом дрожит мелкой дрожью. Ну, слава дьявольскому отроку, цела и невредима, хоть и безумно напугана.

— Давай-ка поговорим, — буквально отрываю ее от себя. — Что случилось, почему ты считаешь, что на тебя напал именно душитель, и где все произошло?

— Это было ранним утром, Адам, — поднимает на меня ведьма опухшие красные глаза. — Рядом с домом.

— Не в лесу?

— Нет, не совсем. В общем, идем, я тебе все расскажу. — Вдруг она замечает, как один из моих оперов подходит к саду, тогда резко разворачивается. — Стой! — орет так, что все резко врастают в землю. — Сад не трогать! Здесь живоглоты! Взрослые! К чужим они агрессивны, обглодают! — Затем хватает меня за руку и тащит в дом: — Это было ужасно, Адам, — закрывает дверь, после забирается с ногами в свое кресло-мешок.

— Теперь, — опускаюсь на диван, — давай по порядку.

— Сегодня я, как всегда, встала в пять утра, чтобы покормить своих малышей. А для этого я иду в конец огорода, там копаю червей, собираю личинок зимних жуков. В общем, — встряхивает белыми локонами, — не суть. Когда я поднялась, то увидела его. Весь в черном, на лице черная маска. Он просто стоял и смотрел на меня. Не знаю, как долго все это длилось, но вдруг случилось нечто. Я оказалась в лесу. В самой чаще, — и слезы полились по бледным щекам с новой силой. — Прости, Адам, прости. — Риша выудила из кармашка толстовки носовой платочек, в который смачно высморкалась.

— Его видела?

— Чувствовала. Он стоял у меня за спиной, а в какой-то момент схватил за плечи, я уж с жизнью попрощалась. Но этот бес не собирался меня убивать, ему нужно было другое.

— Что?

— Мои воспоминания, он рылся у меня в голове. Рылся там, дьявол меня задери, как в каком-то архиве.

— И что хотел узнать?

— Не знаю. Я отключилась. А очнулась снова у дома, на том же месте, где копала червей. И сразу же позвонила тебе.

— Что-нибудь еще? Запахи? Может, он что-то говорил? Дышал громко, не знаю...

— Ничего из перечисленного. С запахами у меня вообще проблема, мне же год назад нос сломали, с тех пор все время заложен. Говорить не говорил. Но кое-что я все-таки почувствовала: смерть. Рядом с ним сама смерть. И могу с полной уверенностью сказать, что он некромант. Мы рождаемся такими, мы проводники в загробный мир, потому дух Мораны всегда с нами.

— Значит, варлок и некромант в одном лице. Некроманты не владеют магией, способной перемещать живые тела.

— Что мне делать, Адам? Вдруг он вернется?

— Оставлю своих ребят, пусть покараулят. А вообще, я бы тебе советовал перебраться пока к родне.

— Не могу. Во-первых, мой сад. Я люблю этих зубастых обжор, без меня они погибнут. Во-вторых, после всей этой истории с кошками мой отец от меня отказался. Я теперь вроде позорного пятна на их честном имени. Так что, — вытирает слезы все тем же платочком, — оставляй своих парней. Я их буду кормить печеньками, — грустно усмехается.

— Главное, своим живоглотам не скорми.

— Что ты... если только они сами полезут на их территорию.

— Я рад, что с тобой все хорошо, Риш.

— Правда? — вот и привычная загадочная улыбка белокурой ведьмы.

— Правда.

Вдруг она поднялась, подошла ко мне, коснулась лица, что, откровенно говоря, напрягло. Надеюсь, лишнего Риша в моих словах не услышала.

— Радость твоя уж очень отдает тоской. По ней токуешь. Рыжая ведьмочка закралась глубоко, Адам, очень глубоко. Смотри, не упусти свой шанс.

— Кажется, мне пора. — Надо скорей уносить ноги, пока она меня не просканировала полностью.

— Иди, иди... И спасибо, что так быстро приехал. Приятно осознавать, что у меня есть друг комиссар, который всегда придет на помощь. Н-да, что-то я расчувствовалась, прости.

— Просто с этого момента будь очень и очень осторожна.

— Буду.

Кейна

— И ты действительно решила с ним сойтись? — смотрит на меня Мария Федоровна нахмутив брови. — Он же как есть отставной солдат.

— Да, он такой, — киваю. — Но... наверное, имеет смысл попробовать. Все-таки пришел, поклонился в ножки, пообещал полное моральное преображение, помощь, — говорю, еле сдерживая смех. Адам Гаспарыч — мой бывший, пришло же ему такое в голову. Но хорошо, что представился бывшим, а не настоящим.

— Мам, — подбегает ко мне Настя, — а мы скоро вернемся к Отису? У меня еще Вася остался некормленный.

— Это ты кого Отисом назвала? — переводит на нее взгляд тетя Маша. — Имя какое чудное.

— Да, — отмахиваюсь, — купили ей второго зайца, в — А-а-а...

И когда Мария Федоровна отворачивается, шикаю на дочь, чтобы лишнего не болтала.

— Ой, совсем забыла. Тебя же тут этот... как его, Артем искал. Ну, я и сказала ему, что ты к мужу вернулась. Видела бы ты его лицо, перекосило бедолагу. Все выпрашивал, когда ты будешь здесь.

— Угу. Ясно.

Еще мне Артема сейчас не хватает для полного счастья. Здесь с заказами поскорее бы разобраться, решить, как жить и работать дальше. Видимо, придется подтвердить ему слова Марии Федоровны, если появится. Я в одном-то мире еле справляюсь, что уж говорить о жизни на два мира.

Но все это потом. На первом месте заказы.

Для начала еду домой, где меня встречает разъяренная Лена. А когда узнает про якобы бывшего мужа, то едва сдерживается, чтобы не дать мне подзатыльник.

— Совсем рехнулась, мать?! — крутит у виска. — С этой сволочью?! Да как так можно? Ну... не знаю, — задыхается от негодования. — Я думала, ты умнее, — плюхается на стул от морального бессилия. — На те же грабли. Если мужик сбежал в первый раз, сбежит и во второй, вот помани мое слово. Он бросил вас, когда ты особенно нуждалась в нем, а теперь, когда ты встала на ноги, явился. Не верю я в его чистосердечное возвращение.

— Лен, ну я ведь не бросилась к нему в объятия. Посмотрим, что да как. По крайней мере, помощь от него будет нелишней. Мы условились: он активно помогает дочери. Ну и всячески заглаживает свою вину передо мной.

— Ага, а потом поймет, что Настьке больше двух колготок нужно, и снова испугается.

— Я понимаю твое недоверие, больше того, сама ему не верю. Но не ты ли мне недавно говорила, что я уже на всех чертей похожа с такой работой.

— Говорила, только даже думать не думала, что все обернется бывшим козлом.

— Ну, он сам приехал. И заметь, как вовремя появился. Видимо, это знак.

А ведь правда, Адам появился именно тогда, когда я перестала замечать реальность, когда все мои мысли были только о том, чтобы успеть. Успеть в детский сад, успеть на работу, успеть выполнить заказы, успеть домой, чтобы успеть побыть с дочкой. И так по кругу. Возможно, черт в моей жизни возник не просто так.

— Будь на чеку, Карин. Как следует приглядишься к нему. А то вдруг обнищал и решил пристроиться к тебе.

— Присмотрюсь, обещаю.

— А где он, кстати?

— Да уехал на неделю к себе, чтобы подготовить дом к нашему приезду. Там у него бардак, грибок завелся. В общем, дела есть.

На что Лена закатила глаза и тяжело выдохнула. Ох, как я ее понимаю. Сложись подобная ситуация с моим настоящим бывшим, я бы повела себя одним-единственным способом: сунула бы этому уроду средний палец в нос и послала туда, откуда не возвращаются.

К вечеру я более или менее разобралась со своими планами. Расписала все по очереди, после чего со спокойной душой занялась собой и дочкой. И когда готовила ужин, когда развешивала Настины вещи сушиться, из головы не шел маленький чертенок, который наверняка все еще один. Я бы и Отиса к себе взяла с радостью, но как быть с его хвостом, рогами и ушами, которые на виду? Однако на сердце от этого не легче. Факт остается фактом: ребенок один. И почему всегда так сложно? Хоть бы Адам привел его завтра, пусть на пару часов, но малыш побыл бы со мной.

Лечь спать решила пораньше, все-таки на завтра запланировано много дел.

Вдруг, перед тем как уснуть, ощутила нечто странное: сильное возбуждение, что для меня, в принципе, несвойственно. Увы, это еще одна моя боль, после бегства мужа к интиму я вообще охладела. Возможно, это связано с недоверием к мужчинам в целом, а может, еще с чем — не знаю. А тут... тут меня накрыло, прямо-таки скрючило.

— Да что ж такое, — сбросила с себя одеяло.

Желание тем временем все нарастало и нарастало, заставило сердце колотиться как бешеное, в легких стало не хватать воздуха, на лбу испарина выступила, что уж говорить об ощущениях в груди и ниже пояса. В итоге все закончилось быстро, но настолько ярко, настолько невероятно, отчего я еще с полчаса лежала звездочкой, не имея сил даже пошевелиться, не соображая ничего, зато ощущая отголоски удовольствия, которые накатывали слабеющими волнами. Очередная чертовщина.

Как уснула, не заметила. Видимо, отключилась, истерзанная молниеносным порывом страсти. А проснулась, что удивительно, как никогда бодрая и готовая к подвигам.

И началось. Сад, объяснения с заведующей, что скоро мы уезжаем, и поскольку точных сроков я назвать не смогла, то место за нами держать отказались. Затем побежала в поликлинику, где от меня требовали назвать точный адрес будущего места жительства, пришлось назвать адрес первой

маминой квартиры, а вот дочкину медкарту прихватизировать я все-таки смогла. В конце концов, ведьма я или где? Пока мадам регистратор вбивала в программу наши новые данные, мне удалось выцепить карту из картотеки и заставить ту перебраться в мою сумку.

А дальше по плану мастерская. Приехала туда и скорей принялась за горящие заказы. И снова странность, во мне словно сил прибавилось. Толком не поняла, как сделала пять тортов за каких-то три часа. Причем я так увлеклась, что не сразу заметила посетителя.

— Привет, — в кухню заглянул Артем, выглядел он очень уставшим, будто несколько ночей кряду не спал, да и не ел.

— Привет, — резко выпрямилась я.

— Нашлась, — печально усмехнулся красавчик. — Где пропадала?

— Карин, — тетя Маша забрала у меня из рук чашу с ягодами, — иди, я тут сама.

— Угу, — стянула с головы колпак, отряхнула фартук, руки.

Мы оба вышли в зал, где Артем сел на высокий стул, а я, как всегда, зашла за прилавок.

— Твоя помощница сказала, ты к мужу вернулась, — й снова вымученная улыбка.

— Верно, так и есть. — Да он и щетиной успел зарости, отчего стал казаться действительно старше.

— Но ведь он вас бросил, — произнес спокойно.

— Вернулся. У нас с ним общий ребенок, в общем, все сложно пока что. Но да, я решила дать ему шанс.

— Значит, уезжаешь.

— Да.

— А как же мастерская?

— Ну, перемены неизбежны, — пожимаю плечами. — Открою новую. На новом месте.

— И почему я тебе совсем-совсем не верю? У тебя точно все в порядке, Карин?

— Артем...

Но он мотает головой, после чего берет меня за руку и, подумать только, целует пальцы.

— Не говори, если не хочешь. Мне очень жаль, что все вышло так, что я не сумел стать тебе хоть чуточку ближе. Бывший муж возник очень и очень не вовремя, — улыбается уже искреннее. — Но в чем беда этих бывших: они имеют влияние в силу былых чувств.

А я стою и не знаю, что ему ответить. Вообще разговор какой-то малоприятный выходит, двусмысленный.

— Ты прав, мне не хочется ничего говорить. Просто бессмысленно. Я ведь не должна оправдываться.

— Нет, конечно, нет, — а руку так и не отпускает, большим пальцем гладит тыльную сторону ладони. — Я тут кое-что купил для Насти. Хотел в следующую нашу встречу подарить, но раз вы уезжаете, хотел бы все-таки занести. Позволишь? Ничего такого, просто мягкая игрушка. В пару к ее зайцу.

— Ну, ладно. Можешь завтра занести. Я буду в мастерской до вечера.

— Хорошо, договорились, — нехотя разжимает пальцы, отпускает меня. — Надеюсь, на сей раз бывший сделает все, чтобы ты была счастлива. Хотя вру. Лучше бы ты осознала ошибочность выбора и послала его куда подальше, — расплывается в улыбке.

— Поживем — увидим.

— Это точно. До завтра, Карин.

Сутки спустя

Адам

Весь день сижу как на иголках. Сначала проводил Кейну, потом происшествие с Ришей, которое до сих пор не укладывается в голове. Если это был душитель, то почему повел себя так нетипично, чего он хотел от Риши? Но главное, с ней все хорошо, мои ребята за ней приглядывают.

Периодически набираю Отиса, а он все ждет, когда я приеду за ним и отвезу к Кейне. Но сегодня не получится, увы. Вот завтра... завтра я очень постараюсь.

Откидываюсь на спинку кресла. Прошлой ночью меня не покидал образ рыжей бестии, как, впрочем, и этой ночью, пришлось выпустить пар оба раза, зато после засыпал сном младенца. Интересно, чем она там занимается? Заглянуть бы к ней перед отъездом, проконтролировать, так сказать. Да, определенно загляну.

С делами успеваю расправиться к шести, как раз остается времени, чтобы и Кейну проверить, и домой вернуться, как положено, а не как всегда. Но прежде, чем идти в мастерскую, заворачиваю в магазинчик под славным названием «Шабаш-сток», здесь есть все — от метел до сушеных голов каких-то странных существ. Но главное, здесь есть шляпы.

— Ох, господин комиссар, — встречает меня хозяйка магазина — пожилая ведьма. Ее длинные седые косы лежат на плечах, полностью закрытое черное платье в пол подчеркивает вполне приличную для женщины столь почтенного возраста фигуру, а из-под подола выглядывают мыски традиционных ведьминских чеботов. — Что привело самого Геропа в мою скромную обитель?

— Нужда, мадам Ключье.

— Заинтриговали, — складывает руки в замок.

— Мне шляпа нужна, лучше две. Одна взрослая, вторая детская, — рассматриваю стеллажи и витрины. Действительно, ведьма здесь найдет все, что нужно. В одном отделе в рядок стоят метлы от простейших до самых крутых, в другом — котлы для магического варева, в третьем — склянки с жутковатым содержимым. Здесь столько всего, что в глазах рябит от изобилия. А вон и отдел, мать моя чертовка, с чулками. Нет, туда лучше не смотреть, что-то сразу мысли в голову лезут не те.

— Ах, шляпы. Что ж, вы пришли куда надо. Шляп выбор богатый. Пройдемте, — берет трость, и, опираясь на нее, ведет меня в дальний отдел, где вся стена увешана шляпами самых разных фасонов.

Каких тут только нет, правда, все как одна черные, отличаются разве что цветом бэндов — лент вокруг тульи. Есть и котелки, и трилби, но в основном остроконечные с жесткой тульей, однако есть и с мягкой, регулируемой по высоте.

— Желаете купить кому-то в подарок? — смотрит на меня с прищуром ведьма. Вот откуда у них эта манера? Все что-то высматривают, выискивают.

— Да. Двум хорошим знакомым, — улыбаюсь как можно дружелюбнее.

— Какой фасон интересует?

— Остроконечная.

— Угу, а на какой бюджет рассчитываете? — Она вдруг щелкает пальцами, и все шляпы, кроме остроконечных, исчезают. — Чтобы не отвлекали, — поясняет мадам Ключье.

— Хорошие нужны, очень хорошие.

Засим следует очередной щелчок пальцами, и еще одна часть шляп испаряется. Остается штук двадцать на выбор.

— Все эти шляпы регулируются по высоте, также можно придать желаемую форму тулье. Есть из шерсти, твида, велюра.

— А что посоветуете вы?

— Если бы ваши знакомые пришли ко мне, я бы им подобрала идеальные шляпы. Но, увы, придется наугад. Опишите их.

— Ну, одной пять лет. Рыженькая, очень милая девчужка, добрая.

— А вторая?

— Вторая постарше будет, — усмехаюсь, все-таки задачку ведьма задала сложную. Вот как правильно описать, чтобы не сболтнуть лишнего? — Она молода, красива, тоже рыжая, огненная, а глаза зеленые.

Ведьма внимательно слушает, пальцами постукивает по трости.

— Продолжайте, господин комиссар. Мне нужно больше информации. Все ж ведьма без шляпы, равно что черт без хвоста, потому головной убор должен быть подобран максимально правильно, — улыбается, демонстрируя шикарные белые зубы, адресок бы ее дантиста взять.

— Она не слишком сильна, но невероятно трудолюбива. У нее большое сердце, светлая голова и нереальный взгляд, в нем можно утонуть, — смотрю на шляпу, которая, такое ощущение, будто смотрит на меня.

— Что ж, вот теперь я узнала достаточно, — довольно кивает хозяйка, после чего исчезают все шляпы кроме одной, той самой, на которую я и смотрю. — Ее вы сами выбрали, господин Герон, — многозначительно улыбается, — она идеальна. А для девочки, — поворачивается к стойке, где висят маленькие шляпки, — я советую вот эту, — берет черный котелок. — Шерсть высочайшего качества, как раз по погоде.

— А эта из чего? — беру в руки шляпу для Кейны.

— Стопроцентный велюр, прямиком с фабрики Броук де Кви. Семья де Кви уже несколько веков является поставщиком наших шляпников.

— Хорошо, заверните.

— Пройдемте, — указывает в сторону прилавка. — Надеюсь, — упаковывает покупки в большой короб, — ваши знакомые как-нибудь посетят мой магазин, — и перевязывает его черной атласной лентой. — Мало ли, вдруг котел пригодится или еще что.

— Зельями она не занимается, — вытаскиваю из кошелька монеты.

Котлы не только для варки зелий годятся, дорогой комиссар, — улыбается ведьма. — Они прекрасно подходят для плавки сахара, шоколада или приготовления карамели.

— Что ж, благодарю за совет. Я обязательно расскажу о вашем магазине.

— Поспешите, господин Герон. Вам лучше не опаздывать, — передает мне короб.

— До свидания, мадам Ключье.

Опять странные речи, опять двусмысленные взгляды. Прав был отец, с ведьмами лишний раз лучше не пересекаться. Копаются в чужой душе, как в своем комод. Хорошо хоть Кейна не такая. А хвост мой как-то подозрительно напряжен. Видимо, старая карга взбаламутила сознание своими «поспешите — не опоздайте». Но поспешить действительно стоит, еще же домой возвращаться, тогда оставляю короб с подарками в машине, его я вручу Кейне, когда они вернутся. Сейчас в мире людей шляпы им ни к чему.

И когда выхожу к Кривому переулку, дома номер семь не обнаруживаю. Оно и понятно, все ж не полночь, так что придется воспользоваться своим ключом, который предоставил мне в бессрочное пользование Отдел контроля межмировой торговли по официальному запросу. Честное слово, у этих гоблинов пунктик на официальных запросах.

Дверь появляется в считанные секунды, на часах тем временем значится семь. Надеюсь, не попадусь на глаза боевой помощнице. Вообще я рискую, причем очень, но увидеть рыжую бестию хочется до безумия, хоть одним глазком, хоть на пару мгновений.

Уже в кладовой прислушиваюсь. Из звуков вокруг все то же гудение холодильников, но скоро до ушей доносится хлопок двери, после чего раздается голос — мужской. Клиент?

Кладовку с основным залом разделяет кухня, куда я и попадаю. А здесь еще не убрано, зато в холодильных камерах красуются шедевры Кейны. Но меня куда больше интересуют голоса. Ведьма здесь, ее я тоже слышу. И что же я вижу, когда приоткрываю дверь, ведущую в зал?

Какой-то хмырь... даже не так: какая-то зализанная тварина вручает Кейне в руки белого пушистого зайца. Кажется, я ненавижу этого зайца, но сильнее всего я ненавижу эту тварину.

— Какого дьявола тут происходит?! — и распахиваю дверь.

Кейна

Тысяча чертей! Подскакиваю на месте от того страшного рева, что раздается со стороны кухни. Мать моя женщина, Адам! Да не просто Адам, а разъяренный Адам. Вот совсем злой, уж злее и представить себе сложно.

— Я спрашиваю еще раз, — идет поступью терминатора на Артема, — какого беса тут творится?!

Артем же, смекнув всю серьезность ситуации, машинально начинает пятиться к двери. А Гаспарыч прет на него тараном.

— Денис! — выкрикиваю и, удивительно прытко перемахнув через прилавок, подбегаю к двоим. — Успокойся! — хватаю своего псевдобывшего за рукав.

— Ты не говорила, что здесь будет твой муж, — косится на меня Артем.

— Ну... да...

И язык к небу прилипает. Сказать-то мне нечего. Вдруг Адам хватает Артема за грудки, поднимает точно пушинку в воздух и выносит за порог.

— И чтобы, — грозно рычит на него, — твоего духу тут больше не было! Увижу еще раз, на голову укорочу!

Господи, да что он творит такое? Какого черта вообще приперся? Но тут свирепый комиссар захлопывает дверь, запирает, после чего уже идет на меня.

— Я отпустил тебя, — переходит на тихое рычание, — чтобы ты здесь разобралась со своими делами, а не шашни крутила. Ты нарушила условие. Все, сегодня же мы вернемся ко мне домой! — нависает надо мной.

Ой, как страшно-то. Аж икать хочется. Может, икнуть пару раз? Глядишь, он и остынет. Но нет, икать не буду, а вот по башке его стукну.

— Изас де крис, — смотрю на свою скалку, которую впопыхах прихватила с собой, — мунради Адам, — и та летит в направлении чертовой головы, однако этот злыдень ловко уворачивается, хватая меня под мышки и усаживает на прилавок.

— Не на того напала, ведьма! — все еще бесится он.

— Ты какого лешего себе позволяешь, а?! — наконец-то мой мозг встает на место. — Ты вообще кто такой, чтобы решать, с кем мне разговаривать, а с кем нет?! Совсем на голову плохой?! Или проснулся сегодня и поверил, что я на самом деле твоя бывшая жена?! — чуть ли не визжу на него, а следом в черта летит все, что лежало на полках. Из кухни несется пакет с мукой, и вот от него-то этот гад не успевает увернуться, пакет врежется в его обнаглевшую физиономию. В итоге случается хлопок, и вокруг нас повисает белое облако.

Черт в муке! Вот теперь я все видела. А он стоит, хлопает ресницами, с которых мука сыплется. Впрочем, я выгляжу не лучше. Но главное, на злого Гаспаровича эта мучная граната подействовала вполне отрезвляюще.

— Ну, спасибо, — выдает он сквозь тяжелое сопение.

— На здоровье, — складываю руки на груди, а ногу забрасываю на ногу. — Почему один? Где Отис?

— Дома, — начинает стряхивать с себя муку, однако та только сильнее втирается в китель, оставляя белесые полосы. — Я его хотел завтра привезти. Но теперь вообще не вижу смысла.

— Это почему же? Потому что увидел меня со знакомым? И что вообще на тебя нашло, господин гроза южного округа? Испугался, что ценного работника уведут из-под носа? — усмехаюсь.

— Как я и сказал, — выдавливаю из себя, — сегодня же вы возвращаетесь.

— Нет, — ерошу себе волосы, чтобы стряхнуть муку, и та летит на китель черта вторым слоем. — Я работаю. И доведу работу до конца.

— Не шути со мной, — снова нависает сверху, да так, что с его волос мука сыплется на меня, отчего чихаю ему прямо в лицо.

— Пардоньте, — вытираю нос. — Как-то само вырвалось.

И тут происходит очередная бесовщина, внизу живота все огнем разгорается, как было последние две ночи. Только не сейчас! Только не с ним рядом! А Гаспарович подходит почти вплотную, прижимается к прилавку, притом дышит так, что мне становится страшно.

— Послушай меня внимательно, — упирается руками в столешницу, — если это недоразумение появится здесь еще раз... — и замолкает, поскольку лицом оказывается в паре сантиметров от моего.

— То что? — Господи, перестань на меня смотреть так плотоядно, я и так уже на грани какого-то безумия.

— То его внутренности станут наружностями, учти, Кейна. Ты будешь работать на меня, а это значит, никаких хмырей поблизости.

— А в монашенки мне не податься? Чтобы уж наверняка? — Теперь между нами считанные миллиметры, я чувствую его горячее дыхание на губах.

— В монашенки? — втягивает носом воздух, а следом появляется хвост, который обвивает мою шею, благо не сильно. — Такие крайности ни к чему. — Вот и руки его чувствую на талии, ой-ей. — Достаточно того, что ты просто откажешься от этих мирских глупостей в пользу Отиса.

— Правда? — прикрываю глаза, нет больше сил смотреть на него. — В таком случае... — кладу руку ему на затылок, тяну на себя, затем шепчу на ухо: — Пошел к черту, дорогой черт, — и, что б меня, трюсь носом о его щеку, отчего хвост Адама словно каменеет, только бы не придушил ирод. — Хочешь, чтобы я работала на тебя, тогда засунь свои претензии куда поглубже. Я девушка свободная во всех смыслах этого слова. А сейчас отпусти, мне пора домой к дочери.

— Наглая, дерзкая ведьма, — выдает черт с большим трудом и наконец-то отпускает.

— Кстати, я тут для Отиса кое-что припасла, — спрыгиваю с прилавка.

В кухню иду на ватных ногах, внизу живота по-прежнему все сводит, кожей все еще чувствую его хвост, бархатистый такой, горячий.

А когда открываю холодильник, слышу шаги: Адам заходит за мной следом и, хребтом чую, смотрит на меня.

— Что это? — кивает на коробку, которую достаю с верхней полки.

— Это шоколадные эклеры для твоего сына. А еще несколько домашних сэндвичей с курицей и грибами. В холоде они долго хранятся. И еще, — беру с полки пакетик, — здесь ему подарок от Насти. Надеюсь, передашь, — протягиваю вечно хмурому комиссару.

— Передам.

— Завтра привезешь его?

— Постараюсь.

— Хорошего вечера, господин Герон, — киваю ему на дверь в кладовку.

— Угу, — так и уходит этот насупленный филин.

После того, как за ним закрывается дверь, я еще минут десять нахожусь в ступоре. Что это все вообще было? Влетел как вихрь, застрашал бедного Артема, потом меня едва не поцеловал? Или все-таки не придушил? Что-то меня пугают его собственнические настроения. Я к нему в няньки иду, а не в наложницы. Это мне еще мама рассказывала. В истории смежного мира тоже много грязных пятен. Например, всего двести лет назад богатые черти, да и варлоки, любили похищать девушек из мира людей, утаскивали несчастных в свои гаремы. К счастью, потом вышел закон, который запретил под страхом смертной казни похищать людей для таких целей. Видимо, в Гаспаровиче гены предков-прелюбодеев взыграли, не иначе. Н-да, а с Артемом как-то совсем некрасиво вышло. Теперь бы извиниться надо. Или не надо?

Адам

Подумать только! Да как она вообще посмела? Стояла там, улыбалась во весь рот этому уроду!

Надеюсь, встречи со мной ему хватило, чтобы уяснить, где чья территория. Кейна моя... нянька. А к чужим нянькам лезть недозволительно! А что она вытворяла?! И прокручиваю в голове момент нашей близости, кожей чувствую ее дыхание, в ушах так и стоит ее шепот. Эта ведьма будет только в моем доме, только с моим сыном. И да, дьявол меня задери, я собственник. И да, никто рядом с моей ведьмой пастись не будет! Если же какой храбрец и рискнет, то узрит черта в его истинном воплощении.

Домой возвращаюсь в уже более или менее спокойном состоянии. Отис тут же выскакивает на крыльцо, несется ко мне.

— Мы поедем к Кейне?

— Может быть, завтра, — достаю с заднего сидения подарки для него. — Вот, это тебе. От Кейны и Насти.

— Ты к ней заходил? — смотрит на меня с обидой.

— Да, Отис.

Тогда он достает из пакета коричневого медведя с бантиком на шее, затем записку, где детским почерком выведено «это Гриша для Отиса».

— Ты ел? — беру сына за руку.

— Нет еще.

— Идем...

Пока мой чертенок уплетает сэндвичи вприкуску с эклерами, я сижу и смотрю в окно. А перед глазами так и вижу ее. Вся в муке, но гордая до чего. С мукой забавно вышло; стоит признать, Кейна уделала меня. Подобного я никак не ожидал. Ничего, осталось подождать всего пять дней, и она вернется.

Вдруг слышу звон посуды. Уму непостижимо, Отис моет за собой тарелку и кружку! Потом вытирает, ставит на стол.

— Я мыться, — и бежит на второй этаж.

Кейна всего сутки пробыла с нами, а уже такие перемены. Что же дальше-то будет? Неужели я доживу до того дня, когда мой сын пойдет в школу, где получит свою первую хотя бы тройку с плюсом? Кстати, что там ведьма наговаривала на мой дом? Надо посмотреть.

Сначала обследую ваннные комнаты, которых аж четыре на втором этаже, и везде позеленевшие стены с потолками. Теперь-то понятно, откуда этот мерзковатый запах болотной сырости. Н-да, пора навести порядок. Кейна права, я зарос грязью. И успеть бы до ее возвращения. Тогда набираю Ришу.

— Привет, — сажусь на край ванны, — как ты?

— Здравствуй, Адам, — слышу улыбку в голосе, — в порядке. Твои мальчики просто прелесть, кажется, я научила их кормить моих питомцев.

— Отлично, если уволю, им будет чем заняться: пойдут к тебе в садовники. А у меня опять будет просьба.

— Что-то с Кейной?

— Нет, что-то с моим домом. Он порос грибком.

— Ой, Адам, фу! Как же ты это допустил?

— Поможешь, нет? — Вот все бы им только отчитывать да поучать.

— Помогу. Мое зелье уничтожит эту дрянь за пару часов. Но тебе придется пригласить меня в гости.

— Да без проблем.

— Тогда завтра. И еще, ребенку нельзя будет находиться в доме, пока я работаю.

— Я его с собой возьму. Сможешь утром приехать? Мои ребята тебя привезут.

— Пошла готовить зелье.

Вот и славно. Риша в этом знает толк.

После ванн обхожу остальные помещения. Пять пустующих комнат на втором этаже, на первом, кроме гостиной, кухни, гостевого туалета, библиотеки и котельной с подвалом, есть еще просторный зимний сад с отдельным выходом на улицу. Вот здесь Кейне было бы, где развернуться. Раз уж она так хочет работать, пусть работает. Зато никаких подозрительных личностей рядом, дети под присмотром и вообще идеальный вариант. Надо ей предложить. Сразу после того, как подарю шляпу. И только сейчас до меня доходит, что я купил огромный дом, который, по сути, олицетворяет меня самого. Вроде большой, я бы даже сказал монументальный, но внутри требующий капитального ремонта и хозяйских рук.

Этой ночью мне как-то непривычно тоскливо и пусто на душе, а еще все раздражает. Тиканье будильника, скрежет веток о стекла, скрипы, бесконечное шуршание где-то в стенах. Мыши! Может, Риша и от мышей поможет избавиться? Или лучше кота завести? Хотя нет, терпеть не могу кошек. Я устал от одиночества, устал все время бояться за Отиса, не полезет ли он к плите или в котельную, не убежит ли, не поранится ли.

А утро начинается с приезда Риши.

И каково мое удивление, когда вижу ведьму в специальном костюме, высоких сапогах, респираторе и с металлическим агрегатом за спиной, на котором желтеет знак «Токсично».

— Это что такое? — тарашусь на нее во все глаза.

— А ты что думал? Я к тебе с волшебной палочкой приеду? Зелье надо распылить на стены, притом окна и двери должны быть плотно закрыты. Кстати, я там намешала всего больше. От грибка, клопов, вшей, клещей. В общем, будем проводить тотальную дезинфекцию.

— Думаешь, у меня все так плохо? — усмехаюсь.

— Думаю, да. Если уж ты грибок не замечал, то что говорить об остальном?

— Ладно, действуй, — указываю ей на дверь.

Риша поднимается в дом, осматривается.

— Слушай, Адам, — поворачивается ко мне, — здесь сколько квадратов-то будет?

— Шестьсот.

— Как ты в таком доме не теряешься? — растерянно усмехается.

— Не переживай, я заплачу.

— Я и не переживаю, еще как заплачу, — подмигивает. — И даже лицензию мне оформишь на птицеводов.

— Не наглей, Савьерри.

— Ну, все, все... попытка не пытка.

Что ж, Риша остается бороться с грибком, а мы с Отисом отправляемся в комиссариат. И пока едем, меня продолжают одолевать жутко пессимистичные настроения и тотальное на все раздражение, благо Отис это чувствует и не лезет с вопросами. Да что же такое? Настолько погано, будто лежу под многотонным камнем и прощаюсь с белым светом. Бесовщина, не иначе. И главное, причин-то нет. Но когда вижу на дороге убиенного енота, отчего глаза начинают застилать слезы, резко торможу. Ну, все... Срочно на воздух!

— Пап? — выбирается за мной Отис. — Ты чего?

— Ничего, — активно тру глаза. — В глаз что-то попало. Иди в машину.

Бесов енот! Вот надо было ему сдохнуть именно тут. Вдруг как осеняет: так это же не мои чувства! Не мои! Выходит, Кейне сейчас так плохо? И что тому причиной? Кто-то обидел? Что-то случилось? Может, этот петух ошипанный снова заявился?! Так, срочно в мастерскую, потом в комиссариат.

Качу в Ксантипп на всех парах и добираюсь до него за каких-то минут двадцать. Ну, если хмыря у Кейны застану, вгону в землю но самое темя. Изничтожу гада!

Так, где ключ?! Ага, вот он...

Спустя пять минут мы уже в мастерской, где едва не сталкиваемся с Марией Федоровной. К

счастью, она удаляется за ширму, где начинает шуршать пакетами, мы же успеваем выйти в зал.

— Адам?! Отис?! — подскакивает на месте Кейна.

А я не узнаю ее — бледная, глаза красные, на носу ровно три прыщика. Это что еще за дела? Неужели хворь какую подцепила?

Отис меж тем бросается к ней в желании обнять, ох как я его понимаю, но все же притормаживает, робеет.

— Привет, — Кейна улыбается ему. — Ой, я думала, тебя папа вечером завезет, — растерянно смотрит на его хвост, рога.

— С тобой все в порядке? — подхожу к своей ведьме. — Что с лицом? Что с кожей? Не жабью лихорадку случаем схватила?

— Чего? — машинально прикрывает прыщики на носу. Совсем страх потерял? Я ведь и второй пакет муки призвать могу.

— Как себя чувствуешь?

— Сносно.

— Почему не хорошо, не отлично? Что-то все-таки не так?

— Адам! — заводится. — Со мной все нормально!

— Ну, ладно. Я так, проверить зашел. А то еноты на дорогах валяются, думаю, мало ли...

— Какие еноты?

— Да не важно. Кстати, с Отисом не посидишь? У меня дома грибок травят.

— Надо же, — наконец-то улыбается. — Разорился на дезинфектора?

— Мне Риша вызвалась помочь.

— А-а-а, — как-то резко меняется в лице, — Риша. Смотри-ка, на все руки мастерица.

Тогда же идет к вешалке, снимает с нее кепку.

— Отис, подойди ко мне, — и когда мой чертенок подбегает, Кейна надевает ему кепку, которая идеально скрывает рога, да и уши. — А тебе идет, — все-таки прижимает его к себе, а я вижу нечто новое: хвост сына цепляется за ее руку. Как ни крути, а природу не обманешь. Наши хвосты тянутся к этой ведьме. И игнорировать это уже бесполезно. — Успей до полуночи, мне еще домой возвращаться, — смотрит на меня сквозь призму обиды. Что-то явно с ней не так.

— Хорошо, постараюсь пораньше. Сегодня у меня... — хотя какая ей разница, не жена ведь, чтобы делиться с ней столь нудной информацией. — До вечера, Кейна.

— До вечера, комиссар, — и сразу отворачивается к Отису: — Как бы теперь спрятать твой хвост?

Отлично! Просто прекрасно! Не успел войти, а уже в чем-то виноват. Женщины!

Уйти удастся так же незаметно. Итак... главное, Отис под присмотром, ведьма цела и невредима, хоть и покрылась прыщиками, которые смотрятся на ее носу очень мило. А мне пора браться за дела. Однако, когда прохожу мимо мусорных баков, замечаю трех котят, которые делят сосиску, и так эта картина за душу берет. Вот дьявол, опять! Какие к бесам котятка?

Кейна

Ой, мамочки, как живот-то болит. Как мне плохо. Как хочется накрыться простыней и ползти на кладбище, честное слово. И ведь совсем забыла, что красные дни вот-вот должны прийти. Это еще хорошо, что пришли здесь. Страшно подумать, случись такая оказия в доме черта. Я как проснулась сегодня утром, так еле сползла с кровати. Всю дорогу до мастерской просидела со слезами на глазах, то мамочка с очаровательным младенцем зашла в автобус, то молодой парень уступил место бабушке. Критические дни превращают меня в плаксивую нюню, что есть, то есть. И вот нужен мне был Гаспарович сегодня как собаке пятая нога. Но это совершенно не касается Отиса, ему я рада. Так рада, что еще чуть-чуть и разрежусь.

— Кейна? — дергает меня за рукав. — А почему ты плачешь?

— Что? Плачу? — Скорее вытираю слезы, успевшие скатиться по щекам. — Нет-нет, я не плачу. Соринка в глаз попала. Слушай, Отис, — веду его за прилавок, усаживаю на свой стул. — Давай договоримся, сейчас сюда придет моя помощница, ее зовут Мария Федоровна, ты ей, пожалуйста, не говори, откуда ты и кто есть такой. Ладно?

— А почему? Она чертей не любит?

— Ну, как тебе сказать. Просто она не знает, что вы существуете. В мире людей почти никто о вас не знает, как и о нас, ведьмах.

— Хорошо. А если она хвост увидит?

— Вот это незадача, — чешу голову. — Если увидит, так ведь и в обморок хлопнется. А ты его можешь спрятать? Как твой отец?

— Нет, — мотает головой. — У меня так не получается. Я много раз пытался, не вышло.

— Может, ты как-то не так пытался?

— Может, — пожимает плечами. — А как надо?

— Что б я знала, — теперь уже хватаюсь за голову. — Кажется, я придумала. Ну-ка, встань. Подними кофту.

Отис поднимается, задирает толстовку, а я беру его хвост и обматываю вокруг живота чертенка, а кончик просовываю в шлевку на джинсах.

— Не больно? — смотрю, как он хмурится.

— Щекотно.

— О, — опускаю кофту, — теперь ничего не видно.

В этот момент из кухни как раз выходит Мария Федоровна и тотчас расплывается в улыбке.

— У нас гости? — смотрит на Отиса.

— Да. Знакомая попросила посидеть с сыном.

— И как тебя зовут? — подходит к нам.

— Олешка его зовут, — выпаливаю быстрее чертенка.

— Ну, приятно познакомиться, Олешка. Перекусить не желаешь?

— Мне тоже приятно, госпожа Мари. А что есть?

— Ух ты, госпожой меня еще не называли. А есть вкусные булочки с корицей, в них можно засунуть сыр с колбасой. Ум отъешь.

— Можно две? — тут же подскакивает он.

— Да хоть три. Пойдем. Я тебе чаю наведу.

Ну, славно... За суетой мне даже полегчало. И, честно говоря, вдруг захотелось обратно, в этот огромный пыльный чертов дом. Возможно, тому причиной мое отвратное состояние, а возможно, я просто наконец-то открыла глаза. Когда я последний раз спокойно, не торопясь, ходила с дочкой гулять? Когда хоть что-то вообще делала, не торопясь?

В этот момент смотрю в окно и вижу его... Артема. Эх, начинается. Но объясниться с ним придется, хочу я того или нет. Тогда накидываю пальто и выхожу на улицу.

— Привет, — осторожно закрываю дверь, чтобы не скрипела.

— Здравствуй, — уверенным шагом подходит ко мне. — Карин, у меня к тебе будет один-единственный вопрос. Вот это вчерашнее нечто и есть твой бывший муж?

— Ну да, — а уверенности в моем голосе ни на грош. Слишком уж суров Артем.

— Угу... ясно. А я-то уж было подумал... — Он как-то резко успокаивается, расслабляется.

— О чем подумал?

— Да так, не важно. Что ж, до свидания.

— Прости меня за вчерашнее, все вышло так... скверно.

— Тебе не за что извиняться, — снова берет меня за руку. — Совершенно. А я, к своему стыду, не могу похвастаться столь внушительными габаритами, чтобы противостоять твоему бравому мужу. Сила в нем большая, природа как-никак. Не каждому суждено таким родиться.

— Да уж.

— Спасибо за все. Надеюсь, еще свидимся.

А мне остается только пожать плечами да скромно улыбнуться. Я бы, может, и присмотрелась к Артему получше, но Адам не позволит, да и у меня нет особого желания. Пусть все остается как есть.

Вдруг Артем разворачивается:

— Насте понравился подарок? — смотрит таким взглядом, что мне становится не по себе.

— Очень. Спасибо.

— Это главное, — кивает, после чего садится в джип.

Я же возвращаюсь в мастерскую. Так, пора браться за дела. Сегодня к вечеру мне как раз привезут все необходимое для сложного свадебного торта. Заодно попрактикуюсь в работе с прозрачной карамелью. Как минимум наделаю леденцов для детей, причем как для своих, так и для Ленкиных.

И все то время, что я занимаюсь тортами для смежного мира, которые предстоит раздать частично ночью, частично завтра, Отис крутится рядом. И не просто крутится — помогает, причем довольно умело. То наполнит мерный стакан сахарной пудрой до нужной отметки, то поднесет чашки, то, подумать только, приподнимет металлический стол, под который периодически закатываются ягоды или насадки от кондитерского рукава. Мама мне рассказывала, что черти невероятно сильные, но чтобы восьмилетний чертенок спокойно поднимал такой вес? Какая же сила тогда в его отце?

Заканчиваем мы только поздним вечером, и остается нам проводить тетю Машу, навести порядок в кухне, ну и дожидаться покупателей с грозным комиссаром. Надеюсь, он придет вовремя. Возвращаться домой с рассветом не хотелось бы.

Однако подходит полночь, а Гаспарыча все нет. Я открываю портал, начинаю раздавать торты. Бедняжка Отис тем временем уже вовсю зевает, утомился мальчишка. Но почему-то меня даже не удивляет отсутствие его нерадивого папаши. Я, конечно, понимаю, работа у него ответственная, только мне-то что делать? А до закрытия портала остается всего-навсего десять минут.

— И где носит твоего отца? — начинаю откровенно психовать.

На что Отис пожимает плечами, и на его лице я совершенно не наблюдаю расстройств.

Три, два, один! Отлично! Вот и портал закрылся. И что теперь? Как быть? Сидеть до утра в ожидании? Какой же он все-таки безответственный черт. В итоге сидим еще час, но без толку.

— Ладно, Отис. Поехали.

— Куда? — сразу оживает.

— Ко мне. А завтра напомни мне превратить твоего отца в таракана.

— Ой, а ты можешь?

— Ради такого очень постараюсь.

И когда мы выходим на улицу, Отис резко меняется в лице, хватается за меня.

— Я хочу обратно, — смотрит испуганно на машины, высоченные здания.

— Чего ты боишься? — приходится опуститься на корточки, взять его за руки.

— Здесь страшно.

— Но я ведь рядом с тобой, Отис. Неужели тебе неинтересно, как живут люди? Обычные люди, без

магии, без такой невероятной силы, как у тебя? Неужели не хочешь посмотреть, где мы с Настей живем?

— Хочу, — кивает.

— Тогда идем. А то времени уже очень много, всем давно пора спать.

— А Настя тоже дома одна? — все-таки набирается храбрости и уже смелее шагает за мной.

— Нет, она у моей хорошей знакомой.

И пока мы едем в такси, Отис с небывалым любопытством рассматривает дома, широкие проспекты, машины. В Ксантиппе нет таких пространств, он скорее напоминает один из европейских городов с узкими улочками, темными переулками, черепичными крышами домов. Правда, Ксантипп куда колоритнее, ярче, а главное, город пропитан магией.

Адам

Не успел... Как неудобно-то вышло.

Осторожно заглядываю в темный зал мастерской, а вот и записка на прилавке: *«Я забрала Отиса с собой. Учти, завтра я тебе все выскажу!»*

Тогда засовываю грозное послание в карман, после чего беру ее колпак, вдыхаю аромат духов, которыми тот пропитался. Кейна сногшибательно пахнет, аж скулы сводит от ее запаха, да и не только скулы. Что-то мне подсказывает, под одной крышей нам придется очень и очень нелегко. И да, стоит признать, я ее хочу. Каждая наша ссора, словно игра. Может, Кейна и вправду играет со мной, как было совсем недавно прямо на этом прилавке? В конце концов, я свободный мужчина, она свободная женщина. Что нам мешает... Так... куда-то меня не туда понесло в своих хотелках. Сейчас важнее Отис. Он впервые испытал чувство привязанности, и я не имею права все портить.

А вот за опоздание придется извиниться. Мэр вызвал к себе за час до конца рабочего дня, не поехать я не мог. На сей раз в его просторнейшем кабинете собрались лучшие из лучших — комиссары округов со своими следователями, Арон Гедель с командой и еще несколько криминалистов.

Де Брок «обрадовал» нас очередной своей гениальной идеей: сплотиться воедино, создать временный штаб и сообща дать отпор маньяку. А в силу того, что наш мэр в прошлом посол доброй воли, то и представления о работе правоохранительных органов у него весьма поверхностные. В итоге после общения с де Брокком мы собрали уже свое совещание, где было решено оставить все как есть, разве что согласовали более тесное взаимодействие и немедленный обмен данными по душителям, ну и дали зеленый свет Геделю. Теперь именно он стал главным судмедэкспертом в деле нашего маньяка.

И когда Гедель узнал, что жертвой чуть не стала моя знакомая ведьма, то резко возжелал с ней пообщаться. Кстати о Рише! Интересно, с чем я столкнусь, вернувшись домой?

Обратный путь занял не так уж много времени. Что ни говори, в три ночи машин на дорогах практически нет. А вот дома меня ждал сюрприз — спящая на диване ведьма.

— С возвращением, мой комиссар, — пробормотала спросонья белокурая бледная и такая странная Риша.

— А ты почему здесь?

— Я так умаялась отчищать твой огромный дом от грибка, что присела отдохнуть. И не заметила, как уснула. Ты уж не сердись.

— Я не сержусь, — бросаю куртку на спинку кресла, затем опускаюсь в него сам. — Все получилось?

— Да. Грибок повержен. Но ремонт придется делать. В таких условиях нельзя жить, тем более с детьми. А где Отис?

— Остался с Кейной.

— Мм, — чуть ли не мурчит, — уже доверил ей самое ценное. Тебе она нравится, Адам. Очень нравится.

— Кейна будет работать у меня няней.

— Ну, себя можешь убеждать в чем угодно, дорогой, а вот меня не надо. Я достаточно видела и смею утверждать, что не пройдет и недели, как тебе сорвет крышу. Вы, черти, очень несдержанные, тебе просто не хватит терпения.

— Ты это о чем?

— О том, что скоро няня Кейна будет ночевать в твоей постели.

— Этого не случится. Я ее нанял для сына. Что до меня, я умею держать себя в руках.

— Тогда найди себе женщину для приятного времяпрепровождения.

— Знаешь, это хорошо, что ты здесь, — срочно меняю тему разговора. — Завтра отвезу тебя в комиссариат.

— Прости, но нет! — Она сразу садится. — Туда я больше ни ногой. Да и потом, мне утром кровь из носу нужно быть дома. Сам знаешь, у меня много подопечных, нуждающихся в шестиразовом питании. А в чем, собственно, дело?

— Один мой знакомый хочет пообщаться с тобой. Арон Гедель. Слышала о нем?

На что она мотаает головой.

— Он наш лучший судмедэксперт, а еще некромант и хочет поговорить с тобой насчет душителя.

— Судмедэксперт? Интересно, зачем ему я? Я пока еще жива. И мне вполне хватает общения с тобой.

— Он знает различные практики, причем не только в некромантии. Вдруг смог бы восстановить тот момент в лесу. Нам бы это очень помогло.

— Ладно, могу и пообщаться. Но! Пусть сам приходит ко мне, в комиссариат я не поеду, как ни проси.

— Хорошо, Риш.

— Иди спать, Адам. Завтра тебе предстоит нелегкий разговор, — и довольно улыбается.

— А ты не желаешь занять одну из спален?

— О нет. Прости, конечно, но твой дом ужасен. Гостиная, пожалуй, единственное безопасное место, где я не рискую заработать астму. И, к слову, о зарплате: ты мне должен денег.

— Знаю, — и правда, пора мне на боковую. — Спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста, — снова укладывается на диване, накрывается пледом. — Приятных снов.

Хорошая она, хоть и с заскоками. Печально осознавать, что от нее отказалась семья. Ну, оступилась девчонка, с кем не бывает. Влюбилась, доверилась проходимцу. Ей на тот момент было всего-то семнадцать. И вот уже пять лет Савьерри живет одна на отшибе, никого особо к себе не подпускает, пытается делать вид, что она в порядке. Но чувствую, что-то у нее не ладится. Одиночество никому еще на пользу не пошло.

Утро началось с борьбы со скверным настроением. Только глаза открыл, как меня опять накрыло. Благо, я быстро взял себя в руки и пресек на корню это эмоциональное безобразие. И вообще, пора вставать, ехать за Отисом, да и Ришу забросить домой.

Однако, спустившись вниз, ведьмы я не нашел, зато обнаружил послание. В кухне над столом зависло маленькое зеркало. И стоило подойти ближе, как оно вспыхнуло зеленоватым светом, а спустя мгновение в нем появилось отражение Риши.

«Я не стала тебя будить, мой комиссар. Деньги завезешь потом. До скорой встречи».

В этом она вся.

В мастерскую еду в каком-то странном состоянии. Мне хочется не только Отиса забрать, но и Кейну с дочерью. Хочется войти и сказать: «Вещи в руки и на выход». Она нужна мне здесь. Нужна вся, чтобы ведьма не просто присматривала за сыном, а чтобы... Дьявол, Риша права, меня надолго не хватит. Слишком все очевидно. Хвост реагирует на нее вперед меня самого, ревность бушует адским пламенем, стоит только представить Кейну рядом с другим. И как тут быть? Как правильно

расставить приоритеты?

Вдруг раздается звонок сотового.

— Да, — вывожу разговор на громкую связь.

— Адам, привет. Ты поговорил со своей знакомой?

— Привет, Арон. Говорил. И она наотрез отказалась ехать в комиссариат.

— И как быть?

— Очень просто. Берешь свой зад и тащишь к ней домой. Она согласна на разговор, но только на своей территории.

— Где живет? — слышу недовольные нотки в голосе.

— Рядом с кладбищем «Забвение». Не заблудишься.

— Понял. Благодарю.

Утро сегодня тоже странное. Сизый туман окутал город, блеклый диск солнца едва просматривается в этой дымке, а еще дождем пахнет. Заворачиваю в переулок и, надо же, вижу порталный дом. Ох, и влетит мне сейчас. Но до чего хочется, чтобы влетело. До безумия.

И стоило войти в мастерскую, как до ушей тотчас донесся веселый детский щебет. Тогда медленно подхожу к двери в зал. Настя с Отисом сидят за прилавком, хихикают, пьют чай с пирожными, а Кейна с ними рядом что-то усердно записывает в свою книжку.

У меня дух перехватило от этой картины. Смотрел бы и смотрел. О каких там женщинах говорила Риша? Ни одна не сравнится с этой рыжей ведьмой. Ни одна. Кейна особенная, с ней тепло, мне так вообще жарко. А еще мой хвост никогда и ни с кем так себя не вел.

Но сейчас это нереальное создание будет рвать меня, как тузик грелку.

— Привет, — подаю-таки голос.

Кейна

Ну надо же! Явился не запылится бывший, что б его, муж.

— Утро доброе!

Черт тем временем протискивается в дверь и так бочком-бочком встает рядом с Отисом.

— Все хорошо? — смотрит на сына.

— Ага, — кивает тот. — А можно я еще побуду с вами? — переводит на меня жалостливый взгляд. Вот хитрюга. Да оно и понятно, почему хочет остаться, я бы оставила. Но с ними двумя здесь будет ой как непросто.

— Нет, Отис. Я и так очень виноват перед Кейной, — начинает этот еще более хитрозадый черт, — вчера случился форс-мажор: мэр вызвал к себе.

— О как, — складываю руки на груди. — Да ты и с мэром на короткой ноге? Вот так везение. Как думаешь, может, мне тоже посетить приемную мэра? Объяснить ему всю сложившуюся ситуацию.

— Кейна, — резко меняется в лице Адам, черные брови опускаются на нос.

— Пойдем-ка выйдем, — поднимаюсь. — В кухню.

— Слушай, я же извинился, — идет за мной этот громоотвод. — Да, виноват. Но у меня были неотложные дела. Если уж Отис тебя так напруг, прости.

— Он меня не напруг! — закрываю дверь в зал. — Не путай мух с котлетами! Ты просто... — Вдруг понимаю, что мне и сказать-то особо нечего. А он так смотрит, будто съесть хочет. Хвост уже аки перископ из-за спины выглядывает. Что-то зря я его позвала сюда, ой как зря. — В общем, в следующий раз постарайся хотя бы предупредить.

— А может, не надо следующего раза? — устремляется он ко мне. — Может, — хватает как котенка и усаживает на металлический стол, — вы сегодня уйдете с нами? Раздай деньги, оставь мастерскую на помощниц, — встает вплотную. Да он сумасшедший! И явно перевозбужден.

— Адам, — стараюсь в глаза не смотреть, — я тебе уже говорила: пострадает моя репутация. Осталось всего-то четыре дня. Прошу тебя, не нагнетай.

— Я не нагнетаю, — склоняется он ко мне.

Нет, это безобразие надо прекращать. Он уже взял в привычку хватать меня, тискать своим хвостом, который, между прочим, снова обвил ногу.

— Чего ты хочешь? — резко задираю голову. — Взять меня прямо здесь и сейчас?

В тот же миг он словно в себя приходит, сразу делает шаг назад.

— Ничего подобного, — мотает головой.

— Учти, Адам Гаспарович, я иду к тебе в дом няней для твоего сына, а не постельной ведьмой для его комиссарского благородия. У нас с тобой будут отношения строго официальные. А если вздумаешь распускать руки или хвосты, я не то что до вашего мэра доберусь, до самого верховного судьи дойду. Не думай, что я настолько неосведомленная.

— Угу. — Вижу, как он теряется, как не может с мыслями собраться. Вот ведь паразит. Видимо, действительно хотел из меня разнорабочую сделать. И за домом чтобы следила, и за Отисом, и ему кроватку грела по ночам. Вот такие они, черти. Наглые, дерзкие и похотливые засранцы. — Вообще-то я и не собирался, откуда такие выводы?

— Твой хвост все сказал за тебя, — и начинаю разматывать его, а тот напрягается, еще сильнее пытается сжать ногу, как удав, честное слово. — Может, поможешь? Или мне снова прибегнуть к ногтям?

— Без надобности, — берег меня за ногу и ловким движением стаскивает хвост. И вид при этом до чего же обиженный. Подумать только, какой нежный черт. — Спасибо, что присмотрела за Отисом.

— Твоему сыну я всегда рада.

— Я понял, Кейна.

— Удалось ли решить проблему с грибокком? — Что-то мне не по себе от его резко переменявшегося настроения, чувствую себя виноватой, хотя с какой бы это радости?

— Удалось, — и идет обратно в зал. — Отис, нам пора, — слышу металлический голос.

А что такого обидного я сказала? Что не хочу, чтобы меня использовали не по назначению? Что уважаю себя и требую должного обращения? Но на душе все равно погано. Может, слишком резко сказала? Наверное, надо было потактичнее, что ли. С другой стороны, зато теперь он знает, как со мной себя вести нельзя. А то повадился лапать. Черти, что с них взять. Ко мне его сородичи частенько захаживают за тортами. Женатые ли, старые ли, да хоть уже в инвалидном кресле, а туда же — глазки строят, на свидания зазывают, золотые горы обещают. Одним словом — бабники.

Ой, чуть не забыла. Я же напекла блинов чертенку и приготовила пюре с котлетами. Ловлю их уже у двери.

— Подожди! — хватаю Гаспаровича за рукав. — Здесь еда для Отиса.

Он же берет пакет, не глядя на меня.

— Благодарю.

— Когда завезешь его? — начинаю нервно перебирать кончик своего кителя.

— Наверное, завтра или послезавтра. Не могу сказать точно.

— Адам...

— До свидания.

— Пока, Отис, — беру его за руку, хотя бы он смотрит на меня по-доброму.

— Пока, — улыбается, но по глазам видно, не хочет уходить.

В зал возвращаюсь и наблюдаю картину: моя Настя вся в слезах.

- Зайчик, — скорее обнимаю ее, — с тобой-то что случилось?
- Почему Отис ушел? — хлюпает носом мое чадо.
- Ну, он ведь живет там, не здесь. Не переживай, скоро мы переедем к нему.
- Когда?
- Дня через три или четыре, — «или никогда», почему-то вертится в голове. Вдруг злого комиссара так задели мои слова, что он решит отказаться от столь своенравной няньки? Вот ведь негодяй, только душу разбередил. И без него настроение на нуле... — Классный заяц у тебя, — смотрю на белого мягкого зверька с черными бусинками-глазами и длинными-предлинными ушами, которого подарил Артем.
- Да, они с Валерой подружились. Валерка его печеньем угощал, поделился своим домиком.
- Здорово. Теперь у Валерки есть друг, раз Гришу ты отдала Отису. А как ты его назвала?
- Ромой.
- Хорошее имя, — беру зайца в руки. — Ему очень подходит.

Адам

Н-да... стою около машины в состоянии полнейшей прострации. Кейна одной своей фразой словно кислород перекрыла. «Твоему сыну я всегда рада»... Этим она ясно дала понять, что совершенно не рада мне. Конечно, знакомство у нас началось не совсем ладно, но потом-то вроде бы даже общий язык нашли, договорились. И с чего она взяла, что я хочу ее сделать постельной ведьмой? Как отвратительно унизительно это прозвучало.

— Мы пойдем к тебе на работу? — дергает меня за куртку Отис. Надо же, а щеки-то у него прямо порозовели, спину держит ровно, не сутулится.

— Да, наверное... идем.

Кейна неправа насчет меня, неправа и несправедлива. И я ей это докажу!

— Тебе понравилось в мире людей? — открываю двери комиссариата.

— Здесь лучше. Там очень высокие дома, много машин, всего очень много. Особенно много людей. Никто ни с кем не здоровается, никто никого не знает.

— Кстати, а где твой хвост? — все смотрю на сына и не пойму, чего же не хватает. Оказывается, хвоста.

— А-а-а, вот он, — поднимает кофту. — Кейна спрятала. Пап, а она ведь тебе нравится. Да? — огорошивает вопросом.

— С чего ты взял?

— Твой хвост... он, как и мой, сразу поднимается рядом с ней. Мне вот Кейна нравится. Значит, и тебе.

— Хм... тут сложно спорить.

— Может, ты на ней женишься? — Я аж воздухом давлюсь. — Ты комиссар, тебя все уважают, а еще ты очень сильный. И дом у тебя лучший в округе. Только там надо порядок навести, Кейна не любит беспорядка.

Столько комплиментов от сына я еще никогда не слышал.

— А давай мы как-нибудь сами между собой разберемся, ты еще мелковат лезть во взрослые дела.

— Я ей предложу.

— Даже не смей! — заталкиваю этого поросенка в свой кабинет.

— Но почему? — смотрит он на меня с искренним непониманием.

— Потому что нельзя просто так взять и жениться на ком-нибудь, Отис. Так не делается.

— Так не на ком-нибудь, а на Кейне. На ней можно. Мы с Настей решили, что вам будет весело вместе.

— Ах, вы уже с Настей решили, ну ясно. В общем, чтобы я больше не слышал таких разговоров. Лучше угости отца блинами, сделай доброе дело.

И мой сын в кои-то веки с удовольствием выполняет просьбу. Не спорит, не отнекивается, а прямо так бодро достает из шкафчика тарелки, из пакета выуживает контейнеры с едой. Хороший у меня парень растет. Просто ему нужно внимание и нужна Кейна рядом. Она из него бы вырастила отличного черта. В ней стержень есть, сила воли, упрямство, но в то же время ласка, нежность, чувственность. Н-да, снова меня несет не в ту степь. Увы, с этим уже ничего не поделаешь.

Однако сегодняшний разговор с ведьмой подтвердил мои опасения. Если я начну проявлять знаки внимания, то велик риск, что Кейна просто-напросто встанет и уйдет. Видимо, я ей совершенно не нравлюсь как мужчина. И единственный способ проверить, так ли это — вызвать в ней ревность. Что как не ревность является первым признаком симпатии? Как раз на носу большой праздник, вот и будет повод испытать чувства ведьмы. Только кого бы выбрать для этой авантюры?

В этот момент сажусь за стол, беру блины, которые, оказывается, еще и с мясом. С ума сойти, какое объедение. Так, кого бы выбрать? Ришу? Нет, ее точно нельзя. Можно попросить помочь Адель из отдела кадров, хотя... нет. Вдруг она поверит, что я к ней в самом деле равнодушен? Чур меня чур! Остается чертовка из забегаловки. Но на третьем блине понимаю, что эта затея имеет все шансы выйти мне боком. Кейна ведьма с характером, вдруг обидится? Вдруг после этого посчитает меня безнадежным бабником? Нет, так рисковать я права не имею. Лучше проверенным дедовским способом: взбесить ее до такой степени, что она либо поцелует меня, либо к бесу пошлет.

Но хватит думать о личном, пора подумать о насущном, а именно, созвать совещание.

Тем временем недалеко от «Забвения»

— Ну и глушь, — Арон в сердцах захлопнул дверь своего новенького джипа, — еще и в грязи увяз, блеск! Риша Савьерри, тоже мне... королева кладбища.

Гедель внимательно осмотрелся. Машину пришлось оставить у кладбищенских ворот, поутру прошел сильный дождь, и даже на таком стальном звере, как у него, ехать дальше было нельзя. Грунтовая дорога превратилась в болото. Что ж, теперь только пешком.

Настроение у него резко испортилось: несмотря на свою суть и любовь к своему делу, Арон совершенно не любил кладбищ. А двадцатиминутный пеший тур мимо старинных склепов до дома ведьмы, который закончился промокшими насквозь ботинками и перепачканными грязью брюками, окончательно доконал его.

— Ну, спасибо, Герон, ну, удружил чертило.

Он подошел к калитке и сразу же обратил внимание на необычный сад. Живоглоты! И птицеведы! А вот это очень интересно. Чтобы юная девушка — а по описанию Адама эта Риша как раз юная — держала таких монстров? Да еще и разводила на продажу?

Однако желание идти к дому как-то отпало. Живоглоты хоть и растения, но в мягких почвах могут легко передвигаться благодаря своей мощной корневой системе.

— Госпожа Савьерри! — прокричал он. — Это Арон Гедель! Комиссар Герон должен был предупредить обо мне! Нам бы поговорить!

— Добрый день, — раздалось за спиной, отчего Арон дернулся. Чего он не любил еще, так это подобных ведьминских выходов.

— А можно было и не пугать, — произнес он, разворачиваясь, и когда увидел хозяйку дома, аж на месте застыл. Бледная блондинка со светло-голубыми глазами, очень худенькая. Адам не сказал, что она еще и некромантка. — Риша Савьерри? — слегка подался вперед.

— Да, это я, господин первый судмедэксперт.

— Рад знакомству, — протянул он руку.

— Взаимно, — но руки в ответ не подала, вместо этого указала на дом: — Прошу. На улице сегодня

прохладно и сыро, да и вы промокли, — глянула на перепачканные ботинки гостя. — Еще лихорадку схватите. Лучше вести беседу у камина.

— А ваши...

— Не бойтесь, не тронут. Они у меня детки воспитанные, своих не едят.

— Да я и не боюсь, — сразу выпрямился некромант.

— В таком случае вперед.

И пока они шли по тропинке, Арон следил за питомцами ведьмы, а те следили за ним, периодически облизываясь и скалясь.

— Прошу, разуйтесь тут, — пододвинула к нему коврик ведьма.

Когда же Арон снял обувь, оказалось, что и носки у несчастного столичного судмедэксперта промокли насквозь.

— Носки тоже снимайте, господин Гедель. Я дам вам тапочки, — и выудила со дна сундука-банкетки тапки в форме крокодилов с выпученными глазами.

— Может, не стоит? — Он представил, как по-идиотски будет в них выглядеть.

— Стоит, если не хотите заболеть. Давайте сюда, их надо высушить.

— Нет-нет, — скрутил он носки в клубок и засунул в карман, — это лишнее.

— Как знаете. Вижу, некромант вы упрямый, — усмехнулась.

— Ну... временами...

— О нет, всегда. Располагайтесь, я пока заварю вам чаю.

Арон всунул ноги в крокодилов и тут же поморщился, увидев себя в напольном зеркале, после чего прошел в гостиную, где устроился на диване. А у ведьмы в доме чистота и уют. Казалось бы, девочка живет рядом с кладбищем, любит ковыряться в земле, но при этом дома у нее идеальный порядок, очень тепло и приятно пахнет. Правда, сама она слишком уж молода для такого затворнического образа жизни.

— Ваш чай, — вернулась Риша с подносом в руках, на котором стоял стеклянный заварной чайник, одна чашка и тарелка с печеньем.

— А вы пить не будете? — напрягся Арон.

— Я уже напилась. Отказываться не советую. — Она опустилась в кресло-мешок, поерзала в нем, чтобы оно приняло нужную форму. — Если вы прежде говорили с Адамом, он должен был рассказать вам о некоторых моих правилах. Хотите со мной сотрудничать, выпейте мой чай и поведайте какую-нибудь тайну о себе, — просияла белозубой улыбкой.

— Прямо-таки тайну? — неуверенно усмехнулся гость. — Вы шутите, да?

— Нет.

Какая же она странная. Странная, но в то же время интересная.

— Что ж... сначала чай, а потом тайну? Или наоборот?

— Как вам будет угодно.

Впервые Гедель чувствовал себя настолько неуверенно и скованно. Эти крокодилы на босу ногу, травяной чай только для него, непонятное условие и невероятно проникновенный взгляд ведьмы.

— Ладно. — Он взял чайник, налил себе чаю, сунул в рот печенье, которое едва в горле не застряло от неловкости момента. Но чай хорош, как, впрочем, и печенье. — Очень вкусно, благодарю.

— Теперь тайну, — склонила голову к плечу ведьма.

— Надеюсь, не профессиональную?

— Любую, господин Арон. Какую не жалко.

— Я некромант, но при этом не переносу кладбищ.

— Бойтесь мертвых?

— Не сказал бы, что боюсь, но на земле мертвых мне некомфортно.

— Ребенком вы заблудились на кладбище, — глаза Риши вдруг загорелись зеленым светом, — провели там всю ночь, видели страдания усопших, чьи души не нашли покоя. Видели, как они умерли, ощутили их предсмертный страх, их боль. Именно эта ночь стала определяющей в выборе профессии, господин Гедель. Однако побороть тот детский страх вы по сей день не в силах.

Арон открыл было рот, но сказать так ничего и не смог. Он пришел сюда, чтобы попробовать выудить из ведьмы стертые воспоминания, а на деле она вытащила на поверхность его самый потаенный страх. Ох уж эти ведьмы!

— Как? — откинулся на спинку дивана.

— Очень просто на самом деле. Вы же сами работаете в правоохранительных органах, Арон. И не поняли, что я сделала? Элементарная манипуляция плюс немного магии. Не переживайте, ваша тайна уйдет в могилу вместе со мной. Итак, чем же я могу вам помочь?

— Герон сказал, вы не помните, что произошло в момент перемещения из леса к вашему дому.

— Не помню. Более того, полагаю, ничего особенного и не произошло.

— А также не знаете, какие именно воспоминания интересовали душеителя.

— Не знаю. Помимо того, что он некромант, он еще и довольно сильный маг. Он подавил мою силу и полностью контролировал мое сознание в тот момент. Так что вряд ли ваши практики возымеют действие.

— Но я бы все-таки попробовал.

— Пробуйте. — Она поднялась и подошла к нему почти вплотную. — Что вам для этого потребуется, господин Гедель? — спросила, обдав некроманта легким ароматом древесных духов, отчего Арон снова растерялся.

У него на кафедре каких только учениц не ходит. И каждая пытается обратить на себя внимание, выбирай не хочу. Причем есть довольно стоящие экземпляры. Но какими бы ни были все эти женщины, ни одна не смогла завлечь его настолько, чтобы захотелось узнать ее поближе. А вот эту с виду простенькую садовницу с чудинкой хочется узнать. Прикоснуться к ее сознанию, ощутить его.

— Мне... — начал он хлопать себя по карманам, — а, да... мне нужно, чтобы вы выпили вот это, — достал из правого пузырька с сиреневой жидкостью. — Выжимка из бадьяна лилового с добавлением корня зарянки.

— То есть обычный галлюциноген? — вскинула она брови. — В этом и есть особенность ритуала? Вы проделали такой путь из своего теплого уютного кабинета до моего дома, миновали кладбище, промочили насквозь, чтобы напоить меня дурманом? — И Арон заметил в ее взгляде искреннее разочарование. — Честно говоря, я была о вас иного мнения. Простите, но либо вы плохой некромант, либо неважный судмедэксперт, либо просто слишком самонадеянны.

Впервые Гедель не знал, что ответить на такой выпад в его сторону. Никто и никогда с ним не разговаривал в столь непозволительном тоне, а уж тем более никто и никогда не называл его плохим некромантом или неважным судмедэкспертом. Вот ведь малолетняя хамка!

— Что вы себе позволяете? — поднялся он.

— Нет, это что вы себе позволяете? — одарила ведьма его снисходительной ухмылкой. — Заявились ко мне с глюком в кармане. Да я подобное зелье варила в седьмом классе. К слову, куда посильнее вашего бадьяна. Слышали о сочетании «две пятерки к трешке»? Пять грамм все той же зарянки, пять грамм коры сизого дуба к трем миллилитрам суфкулуса и заклинание моранской ночи. От такого галлюциногена даже мертвый поднимется. А вы с каким-то бадьяном.

— Ну, все ясно. Трудное детство, проблемы с законом, — аж плечи расправил, — дохлые кошки, это же ваших рук дело, верно? Видимо, несчастных животин своим зельем и поили, что они сутки не могли сдохнуть обратно.

— Убирайтесь вон из моего дома, — произнесла она спокойно, но глаза недобро потемнели. — И крокодилов не забудьте вернуть.

— С превеликой радостью.

Когда же он покинул дом, Риша схватила тапки, и спустя мгновение те обратились горсткой пепла.

— Зажравшийся придурок, — с досадой плюхнулась она в свое кресло. — Да что вы все обо мне знаете? — зашептала сквозь слезы, а следом взяла аквариум с ростком живоглота, — только вы одни меня понимаете, — погладила темно-желтый лепесток.

Арон в свою очередь даже не заметил, как вернулся к машине.

Соплячка! Жалкая соплячка! Только зря время потерял и к тому же отменил важную лекцию. Но кривая ухмылка этой неведьмы так и стояла перед глазами. Кем она себя возомнила? Оградилась своими живоглотами, туману напустила, а по сути, типичная чокнутая одиночка, которая не прижилась в обществе.

Адам

Почти весь день проходит под гнетом дурного настроения. Поганее я себя еще никогда не чувствовал. Меня ломает, корежит и раздражает все на свете. И главное, ничто не помогает.

А дел как всегда невпроворот. Горы отчетов, протоколов, рапорты, которые надо изучить.

Когда же собираюсь на последнее за сегодня совещание, вдруг раздается звонок сотового. Хм, Риша...

— Привет, в чем дело?

— Адам, — слышу рассерженный голос, — если твой Гедель еще раз осмелится появиться на пороге моего дома, учти, я его скормлю живоглотам без какого-либо сожаления!

— А что, собственно, случилось?

— Эта плесень лабораторная оскорбила меня!

— Ясно. Значит, до ритуала вы так и не дошли?

— Не дошли.

— Хорошо, обязательно передам ему твое красноречивое сообщение.

— И еще, я отпустила твоих парней.

— Что значит «ты отпустила»? Они подчиняются мне, а я такого распоряжения не давал.

— Прости, дорогой, пришлось немного похулиганить. Но правда, защита мне больше не нужна. Этот тип уже не вернется, он явно получил то, что хотел.

— Ох, Риша... — отвечаю на выдохе. Своенравная и упрямая девчонка.

— Все, больше не отвлекаю, мой комиссар.

Н-да... Но Гедель... Почему-то я не удивлен, вот совершенно. Гедель тот еще самовлюбленный засранец, наверняка не удержал свое эго. Надеюсь, Риша в долгу не осталась, ответила с достоинством. У меня же перед глазами возникла Кейна, сидящая на прилавке, отчего внизу живота тотчас потяжелело, а хреновое состояние резко сменилось возбуждением. Силы нечистые, как сейчас хотелось бы оказаться с ней рядом, чтобы она еще разок потерлась носом о мою щеку, что-нибудь прошептала на ухо, пусть и какую-нибудь гадость, не важно, лишь бы только ошутить ее горячее дыхание, ее запах. Терпеть не могу эту ведьму до такой степени, что хочу схватить, посадить под замок и больше никому не показывать. Она моя! Каждый рыжий волосок мой, каждая веснушка, каждый прыщик, все мое... должно быть! И будет!

— Господин комиссар! — в дверь входит Корсак. — Разрешите?

— Ну, чего тебе?

— Вам посылка! Отправитель не указан.

— Давай сюда.

— Я бы не советовал открывать без предварительного досмотра, — кладет на стол сверток, перевязанный багровой лентой.

— Пригласи ко мне Зельду.

— Есть!

Возвращается Корсак уже вместе с нашей штатной ведьмой.

— Добрый вечер, господин Герон, — кивает мне. — Вызывали?

— Да, Зельда. Ты можешь сказать, что там? — указываю на посылку.

— Думаю, да, — подходит к столу, после чего глаза ее загораются синим, ведьма что-то тихо-тихо шепчет, сверток поднимается в воздух, начинает медленно вращаться. — Там цветок, — произносит она не своим голосом. — И послание. Для вас, — переводит на меня обеспокоенный взгляд.

— Все?

— Все.

— Хорошо, можешь идти. Большое спасибо.

Когда она уходит, я велю Корсаку забрать Отиса и купить ему шоколадку в автомате. Нечего им тут делать. И, кажется, я догадываюсь, от кого этот «подарочек». Оставшись один, разворачиваю бумагу. Взору является багровая хризантема с прикрепленным к ней конвертом, из которого достаю письмо:

«Я знаю, ты меня ищешь, Герон. Давно ищешь. И в самом деле мне это льстит, но хочу предупредить, с этого дня будь очень осторожен. Тот, кто перешел мне дорогу, как правило, заканчивает плохо. А ты перешел мне дорогу».

— Вот ублюдок. Это еще кто кому дорогу перешел, сукин ты сын.

С другой стороны, это хорошо, что он вышел на связь, это очень хорошо. Значит, его прижали, и подонок в панике. Однако поостеречься стоит. В первую очередь надо подумать о безопасности Отиса, а в скором времени и Кейны с дочерью.

— Корсак, — выхожу из кабинета.

— Да, комиссар, — появляется тот из-за угла вместе с моим сыном.

— Сверток передай в лабораторию, пусть на молекулы разберут.

— Послание от него?

— Да. Притом лично мне. Кто принес сверток?

— Курьер из службы. Мы его проверили, чист.

— Ну ясно. Скорее всего и лаборанты ничего не найдут, но все же... а вдруг?

— Может, вам патрульных с собой взять?

— Думаю, это всего-навсего акт устрашения, не более. Наш клиент специализируется на беззащитных женщинах. Скорее всего, ищейки сели ему на хвост, вот он и решил на вылазку. Ах да, вызови Геделя. Пусть тоже посмотрит на послание.

— Сделаю.

— Пап? — подходит ко мне Отис, весь перепачканный шоколадом. Как есть поросенок. — Ты ведь сейчас будешь занят, да?

— Да, — отвечаю на выдохе. Увы, пораньше уехать не выйдет, даже вовремя не получится.

— Так, может, ты меня к Кейне отведешь? Она, наверное, еще в мастерской.

— Думаешь, она нас не выгонит взашей? — усмехаюсь.

— Ну, тебя, может, и выгонит, а меня нет.

— А знаешь, ты прав. Пойдем!

Действительно! Кейна без пяти минут моя нянька, пусть уже приступает к работе. Тем более с Отисом у них дружба.

В мастерскую заглядываем минут через двадцать. Кейна как раз занята своим любим делом — вымешивает что-то очень вкусное в чаше, а Мария Федоровна стоит рядом и раскладывает тесто по пакетам. Вообще, подслушивать плохо, но мне хочется. К тому же показаться сейчас мы все равно не можем, иначе помощницу Кейны Кондратий хватит как минимум. Так что приходится запастись терпением.

А две кумушки тем временем ведут оживленную беседу.

— И как он? Уже заслужил прощение? — усмехается Мария Федоровна.

— Нет еще, — слышу ее чарующий голос. — Нам предстоит долгий путь. И не факт, что навстречу друг к другу.

— Почему же?

— Он слишком вспыльчивый, горячий по натуре, всегда при своем мнении. С ним сложно. Ну, коль пришел, пусть вон Настьке помогает. Ей отец нужен.

— Такой ли? Сама говоришь, что бешеный.

— Честно, я сама пока в замешательстве. Все так разом навалилось.

Скоро до меня доходит, что говорит она как бы о бывшем, но, по сути, обо мне. Ну да, я вспыльчивый, однако отходчивый. И горячий — как-никак черт, мы все такие. А вот что «всегда при своем мнении» — тут она наговаривает на меня, однозначно! Между прочим, я во многом пошел ей на уступки.

— Ох, Карин, смотри, не обожгись второй раз. Мужик он видный, такой прямо — ух! Но один раз уже бросил, и бросил тогда, когда нужен был больше всего.

— Знаю, тетя Маш. Но я устала все тащить на себе. Хочется элементарной заботы, помощи. Хочу продукты раскладывать в холодильнике, а не сначала тащить эти тяжеленные пакеты в руках до квартиры. Хочу заниматься домом — приготовить поесть, убраться, позаниматься с дочерью, а не планировать сто тридцать задач на день — сходить туда, сбежать сюда, заплатить здесь, потом приползти домой без задних ног и просто отключиться. В общем, вы меня понимаете.

— Конечно, понимаю. И от души желаю, чтобы он действительно образумился, чтобы вернул сторицей все, чего лишил вас.

— Спасибо.

Конечно, я не ее бывший муж, я бы никогда так не поступил — не бросил свою женщину с младенцем на руках, но мне на самом деле стало ужасно стыдно. И со мной Кейна будет счастлива. Я дам ей то, чего она хочет. Из шкуры вон вылезу, а дам.

Неожиданно Отис задевает какую-то палку, из-за чего та с грохотом падает на пол. Вот блин! Ну всё, накрылась наша конспиративная вылазка.

— Ой, это что там? — доносится взволнованный голос мадам Мари.

— Сейчас гляну, — слышится следом, а через пару секунд дверь приоткрывается.

— Привет, — шепчу Кейне как можно тише. — Мне снова нужна твоя помощь, — и киваю на Отиса.

Она же стоит в полнейшей растерянности, хлопает глазами, но быстро собирается с мыслями и заходит к нам.

— Карин, что там?!

— Ничего! — выглядывает. — Упали швабры, — затем поворачивается к нам. — Совсем обалдел? И вообще, как долго вы тут стоите? — шипит на меня.

— Только пришли. А что?

— Ничего, — берет сына за руку. — Отис, ты ведь помнишь, что тетя Маша не должна тебя видеть таким?

— Помню, — отвечает так же шепотом.

— Значит, я ее сейчас отвлекаю, а ты быстро, но о-о-о-очень тихо пробираешься в зал. Понял?

— Угу.

— Отлично, — затем поднимает суровый взгляд на меня. — До завтра, верно?

— Боюсь, что да.

— Ладно.

— Спасибо тебе, — и беру ведьму за руку.

— На здоровье, — а руки не забирает, зеленые глаза к тому же блестят как-то по-особенному. Все, мне пора уходить, в противном случае хвост устроит тут погром.

— До встречи... Отис, веди себя хорошо, береги Кейну.

— Да иди уже, пап. У тебя еще много работы, — выпроваживает меня этот паршивец.

— Да-да, — наконец-то расплывается ведьма в улыбке, от которой начинаю плавиться уже я. — Идите, господин комиссар. Преступники ждут...

И все-таки она играет со мной...

Кейна

Ох уж этот черт — обидчивый, наглый, безалаберный, но до чего въелся в душу, негодяй. Ворвался в мою жизнь без спроса и творит в ней, что захочет. А ведь скоро мы окажемся под одной крышей, будем каждый день сталкиваться нос к носу, будем сидеть за одним столом, благо хоть расходиться все же будем по своим спальням. Надеюсь, справимся. Близость Адама меня пугает, и пугает настолько, что я перестаю себя контролировать. Ну вот, опять о нем думаю, опять внизу живота тяжелеет.

Вечер проходит как никогда спокойно. Мы возвращаемся домой, где все вместе готовим ужин и собираем вещи. Отис с большой охотой помогает Насте — распахивает по сумкам ее игрушки, книжки, параллельно рассказывая в красках, как живоглот Вася и его Демон съели но своему первому червяку. Моя дочь фукает, кривится, но при этом смеется, а еще нет-нет, да дергает чертенка за хвост. Но Отис даже внимания не обращает, слишком увлечен, слишком доволен.

Я же пытаюсь ничего не забыть, все учесть, все проконтролировать. Наведываться в квартиру время от времени придется, реальную жизнь, в конце концов, никто не отменял и просто так исчезнуть я не могу, тем более что намереваюсь все-таки вернуться... однажды.

И, несмотря на ощущение покоя и вожделенной размеренности, ночь мне дается нелегко. Только закрываю глаза, как оказываюсь в каком-то старом доме, в комнате — детской. Там на кровати спиной ко мне сидит мальчик. Сидит и рыдает. Я бужу себя, но, когда снова засыпаю, опять вижу эту комнату, этого мальчика, отчего сердце кровью обливается.

Очередная попытка уснуть заканчивается все той же картиной.

— Эй, — подхожу к рыдающему ребенку, — что с тобой случилось?

— Они ее убили, — произносит сквозь слезы, — ненавижу их! Они за все ответят! — поднимает на меня заплаканные глаза. — Зачем они это сделали?

— Кто убил? Кого убили? — смотрю на него. Какой бледный, какой худенький.

— Потом расскажу, — вытирает слезы. — Можешь не уходить?

— Ну да, конечно, — сажусь рядом с ним. — Как тебя зовут?

— Тэмар, — берет меня за руку. — Ты не такая как они, Кейна. Ты хорошая, добрая.

— Откуда ты меня знаешь? — разглядываю бледную ручку с просвечивающими венками. — Твои родители покупали у меня торт?

— Нет, — мотает головой. — Я сам тебя нашел.

— Точно не хочешь рассказать, что с тобой случилось?

— У-у. Не время. Ты мне все равно не поверишь.

Зато он наконец-то успокаивается, так мы и сидим, пока в окно не заглядывают первые лучи солнца.

— Тебе пора, Кейна, — слезает мальчик с кровати. — Спасибо.

— Мне жаль, Тэмар. Если бы я могла тебе как-то помочь...

— Ты можешь, но не сейчас. Иди домой.

Глаза открываю и чувствую облегчение, но ощущение реальности сна не отпускает, сердце колотится. Бывает же такое.

— Мам?! — в комнату вбегает взволнованная Настя.

— Что случилось? — тотчас подскакиваю. — Что-то не так? Где Отис?

— Он еще спит, — забирается ко мне. — Но случилось ужасное.

— Ну, говори!

— Я Ромку потеряла. Все обыскала, нет его.

— Ох ты ж... — падаю обратно на подушку. — Ромку... всего лишь Ромку.

— Ты его не видела?

— Нет, малыш. Не видела. Может, завалился куда? Вы вчера все носились с этими зайцами.

— Ну куда же он подевался? — начинает осматриваться, затем бежит к креслу, потом лезет в комод. — Что я теперь Валере скажу? — искренне переживает мое солнце.

А когда заглядывает под кровать, аж хрюкает от радости:

— Ура! Нашла! — вытаскивает своего пушистого Рому.

— Ну, слава богу. Ты меня так больше не пугай.

— Я сама испугалась, — прижимает зайца к себе. — Мне будить Отиса?

— Нет, пусть спит. Лучше пойдем приготовим завтрак.

— Пойдем. А мы сегодня поедим в мастерскую?

— Да, зайка, поедим. Дел у нас много.

За утро мы успели много чего — приготовить поесть, убрать, собраться, даже почитать успели, причем Отис приятно удивил. Он прекрасно читает и быстро все запоминает, хотя, чего греха таить, ленится. Но оно и понятно, не привык. А ведь по возрасту он уже второклассник.

Однако странное чувство, которое во мне засело после сна, так и не прошло. На душе было тяжело, мрачно, словно я на самом деле где-то оставила беззащитного ребенка, нуждающегося в моей помощи. Чур, чур меня, все это элементарные страхи и нервы, за что спасибо Гаспаровичу: влез в душу, навел там смуту, но в то же время напомнил мне, кто я.

— Ну что? — подвела двух юных стилиг к зеркалу. — Готовы к путешествию?

Вчера мы успели заскочить в торговый центр, где я купила чертенку утепленную твидовую кепку-восьмиклинку, которая скрыла рожки и уши. В ней Отис стал похож на маленького разносчика газет позапрошлого века.

К слову, сегодня Отис вел себя куда увереннее на улице и в автобусе, уже не боялся людей, но что особенного я заметила, так это то, с какой серьезностью он оберегал Настю от толпы. Просто встал рядом с ней, и всем взрослым приходилось его обходить, ибо сдвинуть этого ребенка с места они не смогли. Необыкновенный чертенок! В нем есть доброта, есть большое стремление быть нужным, помогать, заботиться. Интересно, это в нем от природы или все-таки Гаспарович постарался, воспитал? И тут вспомнился момент, как этот двухметровый шкаф стоял, скрючившись, в узенькой кладовке и смотрел на меня таким взглядом, что я чуть не прыснула от смеха, но для виду пришлось остаться сердитой.

В мастерской были уже через полчаса. На сей раз я попросила Марию Федоровну приехать после обеда, все-таки неожиданное появление черта из кладовки на мою помощницу может произвести

неизгладимое впечатление, так что лучше побережь ее здоровье.

А появился Адам вовремя. Вернее, он уже был в мастерской, когда мы вошли. Сидел на высоком стуле и рассматривал каталог с моими тортами.

— Привет, — поставила свою сумку на прилавок.

— Здравствуй, — и снова этот взгляд черных глаз, от которого кровь начинает бурлить в венах. — Как видишь, не опоздал, — пытается улыбнуться. — Отис хорошо себя вел?

— Да.

— Всего три дня, Кейна, — поднимается со стула, подходит ко мне. Господи, опять... опять это неконтролируемое влечение. И еще его запах. Пахнет черт силой, упрямством, страстью. Да, и так можно пахнуть... это особый мужской аромат. — Три дня, и ты вернешься ко мне.

— Маленькая поправка. — А рука сама тянется, чтобы поправить пуговицу на его кителе, что неровно застряла в петле. — В твой дом, Адам, а не к тебе. У нас уговор.

— Ты придираешься к словам, — произносит на выдохе, словно ему тяжело говорить.

— С тобой по-другому нельзя. — А смотреть продолжаю на пуговицу, ибо щеки и так уже горят, сердце колотится, если посмотрю ему в глаза, боюсь, грозный комиссар сделает неправильные выводы.

Нет, это невыносимо. Сознание откровенно плывет, тело начинает покалывать, и мне становится жарко, ужасно жарко, будто стою рядом с раскаленной печкой. Пусть он уже уйдет. Такое влечение до добра не доведет. И я себя уважать перестану, если сдамся тому, кто не посчитался со мной ни разу, кто нахрапом влез и разрушил мой устоявшийся быт. Да, возможно, оно и к лучшему, но Адам даже не подумал обо мне, просто сделал так, как ему удобнее.

— У меня много работы, — скорее отворачиваюсь.

— У меня тоже... — И вот ведь, подходит еще ближе, склоняется к уху и, что б его, шепчет: — Надеюсь, я смогу тебя удивить.

— Адам, — зажмуриваюсь что есть сил, — у меня правда очень много работы.

— Я понял, понял. Но у меня к тебе есть вопрос. Темный или светлый?

— Что темный или светлый?

— Просто ответь.

— Э-э-э, ну ладно. Светлый.

— Отлично.

— Пап, — к счастью, в этот момент к нам подбегает Отис, — твой хвост сейчас сломает стул Кейны.

— Что? — оборачивается Герон, а следом и я.

Мой любимый высокий стул, сделанный из металла, стоит, пережатый по центру. Теперь это не стул, а предмет современного искусства, напоминающий импровизированные песочные часы. Просто очаровательно!

— Не страшно, — отдирает эта глыба свой хвост от моего стула, — куплю новый.

— Угу, купишь, как же! — Тут осознаю, что не злюсь. Более того, я благодарна его чрезмерно самостоятельной конечности, что она отвлекла своего хозяина от соблазнения меня.

— Даю слово! — Вижу, как ему неловко. — Ладно, кажется, нам пора. Отис, идем. У нас сегодня тоже много дел.

Адам

Что сказать, я себя практически не контролирую. Позор! Страшно представить, что будет дальше. Но об этом позже, сейчас мне надо домой, чтобы наконец-то выполнить главное условие Кейны — навести тотальный порядок, в чем мне поможет семейство Кригеров. Кригеры потомственные

ведьмы и варлоки, они уже двадцать лет занимаются отделочными и ремонтными работами. К ним очередь на месяцы вперед, но меня, как комиссара, они естественно согласились обслужить вне очереди. Конечно, их услуги выльются мне в солидную сумму, но что поделать, дом действительно нуждается в ремонте.

— Снова к тебе на работу? — кукуется мой чертенок.

— Нет, Отис. Сейчас мы едем домой.

— Оставишь меня там? — еще сильнее кукуется.

— Нет. Сегодня мы сделаем ремонт.

— Серьезно? — мгновенно уши с хвостом встают торчком. — Прямо настоящий ремонт?

— Да. Самый что ни на есть настоящий. Так что не будем терять время. Бригада уже выехала.

И действительно, Кригеры успели приехать раньше нас. Правда, всего на одной машине и совсем небольшим составом. Пятеро мужчин и одна юная девушка, кажется, дочь брата главы клана.

— Добрый день, — жму руку варлоку-старшему. — А где остальные?

— Сейчас придут. Моя жена стальных коней не жалуется, предпочитает по старинке, — начинает осматриваться. — Кстати, вон и она, — указывает в небо. — Вместе с сестрами.

Поднимаю голову и вижу над лесом стремительно приближающиеся пять точек. А вскоре на землю со своих метел спрыгивают дамы в комбинезонах и черных котелках.

— Господин Герон, — кивает мне госпожа Жевен, следом за ней здороваются ее сестры. — Вы сказали, что заказ срочный. Сколько у нас будет времени?

— Желательно за сегодня успеть.

— Угу. Что ж, показывайте фронт работ.

И пока отец семейства с братьями и зятьями достают из машины котлы, бутылки с зельями, инструменты, я с ведьмами иду к дому.

Жевен первым делом облетает строение снаружи — осматривает крышу, водостоки, трубы, только после этого заходим внутрь.

— Как давно тут не делался ремонт? — покачивает головой, разглядывая стены, потолки.

— Мы с сыном переехали сюда около четырех месяцев назад. Потому не могу точно сказать, но, полагаю, давно.

— Оно и видно. Здесь придется менять чуть ли не все, — подходит к стене и что-то в ней ковыряет длинным ногтем. — Труха сплошная. Утеплитель давно сгнил в простенках, — затем прислушивается, — и мыши у вас тут давно хозяйничают, догрызают остатки. В общем, господин комиссар, косметикой не отделаемся. Нужно делать основательно, капитально. Согласны? — И все кумушки смотрят на меня немигающим взглядом.

— Согласен, — другого выхода все равно нет.

— Хорошо. Сейчас Кариде покажет вам каталоги. Материалы, цвета. Определимся с отделкой и уже будем приступать.

Я же помню, что мне сказала Кейна. Светлый! Вот и сделаю все в светлых тонах, для чего выбираю нейтральные цвета — бежевый, оливковый и песочный. Оливковый, потому что сразу вспомнились глаза ведьмы. Хочу, чтобы дом стал ее отражением, не моим. Это я унылый тип, а Кейна светлая, яркая, жизнерадостная.

Обои не советую, прошлый век, — раскрыла Кариде очередной толстый каталог. — Лучше фактурную штукатурку. Это и стильно, и натурально.

— Угу, — смотрю на разные виды этой самой штукатурки и не знаю, на какой остановиться.

— В кухню, зимний сад и ванные комнаты лучше плитку. Она практичнее. У вас внизу стоит мощный котел, магических камней в нем хватит на обогрев, в том числе и полов.

— Хорошо.

О, силы нечистые, да сколько тут всего! С горем пополам и с помощью профессиональных советчиц

я все-таки выбираю материалы и цвета. Однако дальше на меня наседают варлоки. Оказывается, помимо пришедших в негодность некоторых несущих конструкций и утеплителя заменять надо и окна с дверями. Вот тут мы первым делом идем в зимний сад. Это место должно стать особенным — особенным для нее, я надеюсь.

— Мне нужно, чтобы здесь было много света, — осматриваю просторное помещение, заваленное не пойми каким хламом.

— Сделаем.

— Вот здесь, — указываю на глухие стены, — будут печи, холодильные камеры, столы. Здесь окон не нужно, а вот остальные в вашем распоряжении. И обязательно сохраните выход на улицу.

— Хорошо, господин Герон.

Далее показываю им комнаты Отиса, Кейны и свою.

— В этих должно быть очень уютно и тоже светло.

Что ж, кажется, все. Однако что-то мне подсказывает, проще было бы новый дом купить. Но здесь слишком хороший вид.

После столь напряженных разговоров о том, в чем я практически ничего не смыслю, мы оставляем Кригеров работать, сами же снова едем в город. Хочется верить, что по возвращении я увижу то, что полностью оправдает количество золотых, взятых с меня госпожой Жевен.

— Я есть хочу, — смотрит на меня сын несчастным взглядом и накручивает кисточку хвоста себе на палец.

— Можем заглянуть в бистро к гномам.

— А может, к Кейне?

— Нет, Отис, больше мы ее тревожить не будем. Кейне надо доделать работу до конца, иначе она...

— Превратит тебя в таракана, точно.

Ах, вот как! То пообломать рога мне собирается, то теперь в таракана превратит. Ну, если это проявление ее симпатии, тогда пусть. И отчего-то представляю, как тараканом бегаю по ней, по нежной, вкусно пахнущей ведьме, и усами шевелю. Хм, нестандартная фантазия, таких раньше не было.

— Так что? В бистро? — беру своего чертенка за руку.

— Ну давай. А мороженое купишь?

— Если не будешь дерзить официантам.

И каково мое удивление, когда за одним из столиков гномьей забегаловки обнаруживаю самого Геделя. Спустился-таки до простого народа аристократ белобрысый. Сидит, как всегда, пьет кофе, оттопырив пальчик.

— Арон, — киваю ему.

— Адам, — кивает в ответ. — Ты сегодня заглянешь в комиссариат?

— Да. А у тебя ко мне какие-то вопросы?

— По поводу того послания.

— Понял, хорошо. Накормлю сына, и встретимся в моем кабинете.

— А зачем тянуть? Обсудим прямо здесь.

Что-то уж больно он торопится. Неужели что-то нарыл?

— Ладно.

Мы устраиваемся за столиком, Отис сразу лезет в планшет. А буквально через минуту к нам подходит Рита. Чертовка сегодня выглядит значительно скромнее. В прошлый мой визит ее декольте грозило выпустить на волю внушительное содержимое, а сегодня на ней закрытая под горло кофточка и черные брюки вместо короткой юбки.

— Добрый день, господин комиссар, — улыбается тоже куда скромнее. — Рады вас видеть.

— Добрый день, — подает голос мой сын, — принесите, пожалуйста, мороженое.

— Сначала нормальную еду поешь, потом будет мороженое, — говорю ему и прямо-таки жду какого-то подвоха, но Отис ведет себя достойно.

— Обещаю, я все съем. Только можно начать со сладкого?

— Хорошо.

А когда чертовка получает заказ и удаляется, я возвращаюсь к Арону, который сидит весь надутый, как филин.

— Слушаю тебя.

— По поводу послания. Там все чисто, комар носа не подточит. Ни следов, ни инородных частиц, ничего. Более того, само письмо написано не от руки. Магия, — и замолкает.

— Угу, — пытаюсь взять в толк, а какого беса тогда я здесь сижу.

— Но, — выпрямляется и смотрит на меня как всегда свысока, — у меня есть еще один неразрешенный вопрос. Твоя знакомая. Риша.

— И? Насколько я знаю, ты проявил неуважение. Обидел ее. Кстати, вспомнил. Савьерри велела передать, что если еще раз сунешься к ней, скормит тебя живоглотам без какого-либо сожаления.

— Даже так? — И следует кривая надменная ухмылка. — Пожаловалась, значит.

Вдруг до меня доходит: Арон положил глаз на Ришу. Этот его взгляд я хорошо знаю. Ну нет, такому бабнику как Гедель не место рядом с Савьерри.

— Безусловно. И не пожаловалась, а поделилась с другом. Риша очень хорошая девушка, Арон. К тому же одинокая.

— Я знаю, — пожимает плечами, — от нее отказалась семья из-за проблем с законом.

— Вот именно, Арон. Отказалась. Выбросили ее из своей жизни. Так, что тебе от нее нужно?

— Она очень способная ведьма, помимо того, что некромантка. А у нас есть место в университете. Я бы мог похлопотать.

— Зачем?

— Одаренные экземпляры, знаешь ли, пропадают.

— Я тебе так скажу, Гедель. Риша не твоего поля ягода. Не лезь к ней.

— Забавно. То есть ты считаешь, что для молодой девчонки жить рядом с кладбищем и выращивать монстров — это норма? Притом, что нападение на нее уже произошло. Боишься остаться без карманной ведьмы, которая нет-нет, да оказывает тебе услуги сомнительного характера? Как всегда, Герон, думаешь только о себе.

— А с какого перепуга ты вдруг начал радеть за судьбы одиноких и отверженных?

— Славно пообщались, хорошего дня, Адам, — резко подскакивает он с места.

— И тебе того же.

Ишь ты, как остро реагирует. Видать, хорошо его зацепила Риша. Она хоть и молодая, но осадить может любого. А Геделю очень даже полезно почувствовать себя простым смертным.

Тут к нам снова подходит Рита с заказом. И Отис, получив свое мороженое, расцветает самой невинной улыбкой и выдает:

— Спасибо. Но вы на папу больше не смотрите, он теперь занят.

На сей раз бедняжка откровенно краснеет, затем быстренько составляет тарелки с подноса и удаляется, а я смотрю на сына и не знаю, чего хочу больше — открутить ему уши или сказать, какой он молодец. Вот ведь поганец, понятно, почему запросил сначала мороженое. Получил свое и давай хамить.

— И что это было? — подпираю голову рукой.

— Это был удар на опережение. У меня на планшете игра есть: успеть разбить врага, пока он не готов к войне.

— Стратег, е-мое. Вот больше мороженого не получишь.

Честно говоря, уже плевать. Не хочу никаких Рит, хочу одну-единственную ведьму и получу ее, чего бы мне это ни стоило. Кейна покорится мне.

После сытного обеда отправляемся в комиссариат, где остаток дня я провожу за кипой треклятых отчетов, а также за распределением подарков сотрудникам. В праздник Огненной тыквы у нас положено не только премии выплачивать, но и дарить нечто символическое. В этот раз комитет, отвечающий за праздничные мероприятия, выбрал набор имбирного печенья с соответствующей глазировкой и котелки с яблочным повидлом. Что ж, у меня тоже будут подарки. Кейне шляпа и ремонт, Насте тоже шляпка и котелок с конфетами, а Отису помимо конфет презентую большой террариум для его садовых тарантулов. А то уже не первый раз ловлю этих гадов в своей кровати, все время сбегают.

К восьми вечера наконец-то заканчиваю. Не терпится посмотреть, во что Кригеры превратили мой дом. Впрочем, как и Отису. За последние полтора часа он меня извел вопросом «когда поедем?».

И вот спустя два часа мы подъезжаем к воротам. Первыми в глаза бросаются новые окна и черепица. Мне уже нравится.

А когда заходим в дом, я теряю дар речи...

Арон Гедель

— В чем дело, инспектор? — опускаю стекло.

— Вы превысили скорость, господин. Пожалуйста, предъявите ваши документы, — отдает честь очередной черт.

Сегодня мне прямо везет на чертей. И пока хвостатый проверяет мое удостоверение, пока выписывает штраф, я уже чуть ли не зубами скриплю, настолько хочу домой. Чтобы успокоиться, мне нужно оказаться в своей берлоге. Бесова ведьма не идет из головы весь день, что уж говорить о минувшей ночи, когда я глаз не сомкнул. Мерзавка оскорбила, посмеялась надо мной, уела. Увы, да, уела. Она может то, чего не могу я. И до чего же я беспомощно выглядел с этим своим (как она там его назвала?), а, глюком в руках. Еще в идиотских крокодилах. Уверен, поганка намеренно вывела меня из состояния равновесия.

— Прошу, — возвращает документы. — Хорошего пути. Впредь не нарушайте правила.

— Благодарю.

Наконец-то! — и выжимаю педаль газа, когда оказываюсь за чертой города. Что же мне делать? Как избавиться от этого навязчивого образа перед глазами? Я всегда не переваривал таких, как эта Риша. Сумасбродка, которая из трудного подростка выросла в придурковатую одиночку. Какая нормальная женщина будет выращивать живоглотов и селиться близ кладбища? Но откуда тогда столь ярое желание увидеть ее снова?

Однако дома меня ждет еще большее разочарование. Бывшая! Интересно, какого беса явилась на ночь глядя? Что еще этой фурии надо от меня?

— Элли, — захожу в дом. — Чем обязан?

— Привет, Арон, — сияет белоснежной улыбкой. — Ты ведь помнишь, по решению суда ты мне должен машину. Ту, что подарил на годовщину.

— Надеюсь, — лезу в консоль, достаю ключи, — после этого ты уберешься отсюда раз и навсегда.

— Всенепременно, дорогой. Не думай, что мне доставляет много удовольствия лицезреть твою самодовольную физиономию.

Ах, вот как. Что ж, сама напросилась.

— Элли, — открываю входную дверь, — твои ключи, милая, — и забрасываю их куда подальше в темноту. Засим слышу заветный бульк. Полагаю, ключи угодили в фонтан, который давно сломался и зарос тиной. Вот пусть ковыряется в этом болоте в потемках, кошка облезлая.

— Какая же ты мразь! — взвизгивает моя некогда женушка. — Сволочь!

— Вперед, дорогуша. Хочешь бибику, поработай ручками, а не только ротиком, как привыкла.

— Чтобы ты сдох, некромант! — задирает голову и гордо удаляется.

Дрянь! Я для нее все делал, обеспечил всем! А выяснилось, что пока я обеспечивал, она кувыркалась со своим начальником. Н-да, банально, но от этого не менее гадко. В итоге стерва еще и часть имущества отсудила. Но дьявол с ней, пусть подавится. Кстати, надо сменить замки, чтобы эта мымра не разгуливала тут как у себя дома.

Да что б я еще раз женился! Никогда! Отныне лишь работа и периодические встречи для пользы тела и души.

И только падаю на диван, как мысли возвращают в дом близ «Забвения». Я должен что-то сделать, чтобы выбросить из головы мелкую поганку. Но что именно? Возможно, все дело как раз в ее способностях, именно они меня так заинтересовали. К тому же я вовсе не лукавил, когда сказал Герону про место в университете. Савьерри могла бы поступить на факультет прикладной некромантии, могла бы устроиться в лабораторию на полставки. Да, точно. Вот завтра поеду к ней ранним утром и предложу. Для вида извинюсь. Такие как она большая редкость. Некромантка и ведьма, плюс от природы талантливый манипулятор, а главное, она не боится перейти черту, не боится экспериментов. Недаром в нашем университете по сей день рассказывают студентам ту историю с кошками, все-таки до такого надо было додуматься. Не каждый некромант способен вдохнуть жизнь в мертвую плоть на столь длительный срок. Кошки жили три дня! Тогда как моих сил, например, хватает максимум на сутки воздействия.

Ночь пролетает незаметно. И главное, мне удастся выспаться. А когда я бодр, я весьма и весьма благосклонен.

По пути в кухню осознаю, насколько же я на самом деле счастлив. Эллиса последние два года откровенно пила из меня кровь. Но теперь все! Теперь я свободен и могу все свое время посвятить любимой работе, могу с легким сердцем задерживаться в университете допоздна, в конце концов, наконец-то заведу себе кота. Всегда любил кошек, но из-за Элли, которая их ненавидела, не заводил. Как ни крути, а брак — это добровольная кабала. В браке мы из кожи вон лезем, чтобы угодить своей половинке, наступаем во многом себе на горло, ограничиваем себя, а вторая половинка все понимает и активно этим пользуется.

До женитьбы я был совсем другим. Девчонки на меня вешались, бились за мое внимание, я же всегда скрупулезно выбирал. Но случилась на моем пути фея Эллиса. А еще говорят, что феи добрейшие создания. Ага, как же.

Итак! Сегодня по плану Савьерри. Она меня выслушает и, надеюсь, примет предложение примкнуть к научному сообществу. Я бы ей даже место выбил в студенческом общежитии. Идеальный план!

Однако мой идеальный план начинает терять изначальную привлекательность, когда я подъезжаю к дому ведьмы. А все потому, что ровно над ее участком нависают свинцовые тучи, в недрах которых сверкают молнии. Жутковатое действо. После очередного раската грома темно-серую завесу прорывает дождем. Аж из машины вылезать не хочется.

Но в какой-то момент раздается стук. Стучат по крыше джипа, затем стук разрастается, превращается в грохот, завершением этого акта безумия становится открывшаяся сама по себе дверь с моей стороны, после чего следует мощный раскат грома, и вот из темноты появляется бледная Савьерри, глаза ее сияют синим светом, по рукам струится магия.

— Какого дьявола ты здесь забыл? — подлетает ко мне.

— Хочу поговорить, — выбираюсь из машины. — Может, прекратишь уже это светопредставление? Как-то не страшно.

— Больно надо тебя пугать, — резко успокаивается ведьма. — Я всего лишь поливала свой сад, — затем разворачивается к дому, произносит заклинание, и тучи довольно быстро расходятся. Скоро вокруг нас снова тихо и мертвецки спокойно.

— Прелестно, — засовываю руки в карманы и только сейчас замечаю, что стоит ведьма в легком платьице в горошек и высоких резиновых сапогах лилового цвета. На голове косынка. Огородница, дьявол меня задери. Интересно, ей не холодно? На улице все-таки разгар осени. — Так что? Я могу надеяться на разговор?

— А разве Адам не передал мои слова?

— А вы с ним, смотрите, близки.

— Ближе, чем вы можете себе представить, господин Гедель, — произносит настолько уверенно, что мне становится не по себе. Неужели? Тогда понятно, почему Герон воспылал ревностью.

— Рад за вас. И все же...

— Что вам нужно? — переходит на официальный тон.

— Я хотел бы предложить тебе обучение в университете и работу.

— Мне? — искренне вытаращивает глаза. — Чем же я смогла вас настолько заинтересовать?

— Своей сущностью, природной пронизательностью и страстью к запретному. Я вижу тебя, Риша, ты из тех, кто любит пробовать новое. Нам такие очень нужны. И да, я прошу меня простить за нанесенное оскорбление.

— Не думаю, что это хорошая идея, Арон, — направляется она ко мне. — С такими как я лучше дела не иметь. Вы правы, я люблю пробовать, — берет меня за руку, отчего сердце тотчас заходится в истерике, в груди начинает давить, — люблю рисковать. И главное, меня может конкретно занести.

Я же ощущаю полное безволие, смотреть могу только ей в глаза. Остатки здравого смысла пытаются вернуть меня в реальность, но уже поздно, ведьма начала ритуал.

Спустя пару мгновений в ушах застучали барабаны, и сердце принялось отстукивать с ними в такт. Следом послышался многоголосый шепот. И наконец пространство вокруг слилось. Но я продолжал видеть перед собой ведьму, которая стала другой — дикой, кровожадной, а главное, на ней не осталось одежды.

— Перестань анализировать, — прижалась она ко мне, — прочувствуй момент, — проникла руками под рубашку. — Отключи свой умный мозг, обратись к утробным инстинктам, Арон. Призови дух Мораны, — принялась постукивать пальцами по груди, снова изменив ритм сердца. Оно забилося по ее указке.

Не знаю, что в этот момент со мной случилось, но я как озверелый схватил Ришу и впился в ее губы. Проклятая ведьма! Она насквозь меня проняла, морально выпотрошила, оголила душу.

— Вот так, Арон, — продолжал звучать шепот, — Морана уже близко.

Нет, дьявол, не нужна мне Морана. Сейчас я хочу только Ришу. Да, хочу ее. Так сильно, так безумно, что уже не соображаю, что вообще делаю. Зато чувствую ведьму, ее прохладное тело, ощущаю неповторимый вкус ее губ. А барабаны все бьют, все звучит шепот, все скользят нежные пальцы по моей груди, потом спине, слегка впиваясь в кожу ногтями.

— Она здесь... — раздается набатом в ушах. — Твоя богиня здесь. Поклонись ей.

И ноги сами собой подгибаются. Так и падаю на колени, а следом ощущаю саму Смерть, ее ледяное прикосновение, вижу черные глаза, тут холод проникает в грудь, обволакивает сердце, сжимает, что становится последней каплей. Я теряю связь с реальностью, если таковое вообще можно назвать реальностью.

В себя прихожу медленно, но верно.

— А ты молодец, — слышу голос, привычный, спокойный, с затаенной улыбкой. — Можно сказать, справился.

— Что? — начинаю осматриваться. — Что это вообще было? — обнаруживаю себя на диване ведьмы. Она же сидит рядом в своем платье в горошек и помешивает десертной ложечкой в заварочном чайнике.

— Это был один из ритуалов, которому не учат в ваших университетах, — и стучит ложкой по краю посуды, затем разливает чай по чашкам. — Мы призвали нашу покровительницу — Морану. Она прикоснулась к тебе. Контакт с ней — своего рода защита некроманта. Но не каждый способен призвать Смерть, не каждого она согласна защищать. Ты смог, правда, не без моей помощи. Твоя голова забита тоннами информации из учебников, из-за чего ты закостенел. Я же помогла тебе раскрыться, обратиться к своей сути. Держи, — подает мне чашку. — Так что, Арон, меня не нужно учить, я достаточно знаю, чтобы не пропасть. Остальное мне не важно. И да, мои практики все до одной нелегальные, если так можно выразиться. В обществе законопослушных некромантов мне делать нечего. Пей чай, — припадает губами к своей чашке, отчего у меня пересыхает в горле, я ведь ее целовал, вот эти губы целовал. Или то была иллюзия?

— Я хочу знать, — сжимаю чашку, — все происходящее, это было по-настоящему?

— Ты о чем? — и ехидно улыбается: значит, знает о чем.

— Обо всем.

— Скажу так. Чтобы использовать некоторые практики, необходимо обратиться к своим первобытным инстинктам. Лучше всего подходит инстинкт размножения, он наиболее приятен и не требует жертв.

— Угу, ясно. — Значит, все было на самом деле. И прикосновения, и поцелуй. — Выходит, вы с Адамом периодически балуетесь запретными практиками? — И зачем я это спрашиваю?

— Увы, Адам черт. Если я призову к нему Морану, она его заберет. Подобные ритуалы возможны только с некромантами.

Увы, видите ли. Что бы это значило? Спит она с ним или не спит? Но напрямую не спросишь, да и она не ответит.

— И все же, в нашем университете ты смогла бы...

Но она перебила:

— Нет. Не пытайся. Я приняла свою судьбу, Гедель. Мне хороню здесь, вдали от общества. Здесь мой живой сад, которому я нужна. И поверь, мне совершенно безразлично мнение окружающих.

— Хорошо, это я понимаю. Но ты здесь одна. Душителю мог и убить тебя. Несмотря на свои силы, ты оказалась беспомощна перед ним.

— Мог и убить, верно. Но ведь не убил.

— В общем, — предпринимаю последнюю попытку, ибо я просто обязан затащить ее в университет, и кажется, понимаю, зачем. Не ради нее, а ради себя. Хочу показать ей смысл своей жизни, свой мир. — Мне нужна твоя помощь как агрария.

Она же растерянно улыбается:

— Как агрария? Seriously?

— Да. У меня в лаборатории растет одно дерево, молодое совсем. И я никак не пойму, что с ним не так, оно постоянно сбрасывает листву. Это дерево еще саженцем мне досталось от почившей родственницы, и она слово с меня взяла, что я позабочусь о нем. Но, пока я в этом не преуспел.

— Как-то глупо звучит, не находите, господин Гедель?

— Нахожу. Но я очень хочу, чтобы ты посмотрела на то, чем я живу.

— Зачем?

— Сложный вопрос. Однако после сегодняшнего ритуала, я считаю, ты просто обязана согласиться.

— Если это попытка пригласить на свидание...

— Нет! Никаких свиданий.

— Ну, раз так... я подумаю.

— И когда я смогу узнать ответ?

— Не знаю... Может, уже сегодня вечером, а может, через неделю, а может, никогда.

— Понятно.

Это ее «никогда» прозвучало неожиданно обидно. Но теперь ясно, что больше мне здесь делать нечего, теперь все зависит только от нее. И потом, если Риша с Адамом, то... влезать в чужие отношения не в моих правилах. Хотя, кого я обманываю, я уже влез.

Риша

Какой настырный, однако...

Стою у окна и провожаю взглядом некроманта, который сегодня явно пережил катарсис. Я думала, он более испорченный, что ли, более раскрепощенный, а оказалось наоборот — слишком зажатый,

слишком непорочный в области столь тонких материй. Но целуется классно, что есть, то есть. Только с некромантами я завязала. Одного хватило. У чистокровных есть серьезный минус: они от природы жуткие эгоисты и всегда на своей волне. Чего греха таить, я такая же: всегда в себе; правда, не эгоистка.

С другой стороны, из конуры тоже иногда надо выбирать. Гедель хорош собой, умен и, стоит признать, очень сексуален. С ним можно было бы приятно скоротать пару вечеров. Серьезные отношения все равно никому не нужны, ни ему, ибо недавно он развелся и все еще живет ненавистью к своей бывшей, ни мне, ибо мне вообще эти отношения без надобности. Пожалуй, наведаюсь в его святая святых. Завтра... Все-таки целуется главный судмедэксперт Ксантиппа потрясающе. И ритуал с ним получился незабываемый.

Н-да, долгое отсутствие партнера не лучшим образом сказывается на моем организме.

И вот же... это ощущение мимолетной близости не проходит в течение всего дня. Так и чувствую губы Арона на своих, в носу так и стоит запах его одежды — приятный, с легкой горчинкой.

Ночь проходит не лучше. Во сне вижу его, ощущаю его и, бесы меня задери, хочу его. Видимо, я вошла в чересчур тесный контакт с этим некромантом, а, как известно, клин клином вышибают.

Лететь решаюсь к полудню, до этого слишком много дел. То кормежка, то расселение самцов живоглофов, так как эти поганцы возмужали и начали делить самок. Что сказать, любви и внимания хочется всем. Но кровопролития я не потерплю. Пусть два хулигана пока поживут в отдельных горшках, подумают о своем поведении, а я пока подготовлю для них просторные грядки, чтобы моим красавцам ничто не мешало размножаться. Птицееды тоже хороши, слопали всех воробьев, что жили поблизости. Пора их переводить на куриное мясо. И Адам прав, надо озаботиться лицензией, а то больно часто начали захаживать ко мне представители правопорядка. Так и донести могут. Вот! Как раз отличный повод навеститься в Ксантипп, а заодно нагряться с визитом к господину Геделю.

И когда расправляюсь со всеми делами, встает вопрос: а в чем, собственно, лететь? Гардероб мой весьма скуден. Из приличного разве что платье, которое я традиционно надеваю на праздник Огненной тыквы. В остальном драные джинсы да обычные клетчатые рубашки. Ну и ладно. Я такая, какая есть. В итоге выбираю светлые джинсы, что истерзаны ножницами по всей длине, и синеголубую рубашку. На ноги натягиваю любимые массивные сапоги, в них посадка проходит мягко независимо от поверхности. Ну и как же без духов, которые приготовлены мной по особому рецепту. У них легкий древесный аромат, но держится долго. Если кто-то узнает, какой ингредиент этому способствует, ему станет плохо, поэтому лучше оставлю все в секрете.

Что ж, документы складываю в рюкзак, туда же бросаю все необходимое, что может понадобится в дороге, после натягиваю куртку и отправляюсь в сарай за метлой. Ей уже лет пятьдесят. Настоящий раритет, и досталась она мне от бабушки. Бабуля Жюли единственная, кто по-настоящему любил меня. А метла по сей день хранит ее магию, такую родную, такую теплую.

— Раффа месо ди Ксантия, — произношу негромко, магия вообще не любит шума. И метла вбирает мою силу, после чего я отрываюсь от земли.

До Ксантиппа добираюсь быстро. Ветер сегодня слабый, небо ясное, правда, лететь приходится ниже обычного, выше и холоднее, и облака кучнее.

Первым делом наведаюсь в Агентство по контролю за разведением и содержанием хищных растений, где заполняю анкету, раскошеливаюсь на пошлину. Надо не забыть потребовать с Герона плату за оказанные ему услуги. Эти деньги как раз покроют расходы на лицензию. Засим отправляюсь в университет его благородия Геделя.

Интересно, чем закончится наша встреча? Если, конечно, она вообще состоится. Вдруг непревзойденный Арон сейчас препарирует труп в какой-нибудь лаборатории? Ну и ладно, зато по городу погуляю. Давно я не была в Ксантиппе. Красиво здесь, все улицы украшены к празднику — на столбах оранжевые флажки и гирлянды, всюду статуи маклаев с подарочными котелками в когтистых лапах, на крылечках жилых домов стоят тыквы со свечами внутри, деревья украшены черно-оранжевыми лентами, в витринах пестреют самые разнообразные праздничные композиции. Разряженные зазывалы ходят туда-сюда, приглашают посетить магазины, где «именно сейчас гигантские скидки на весь ассортимент».

Так, а вот и главный столичный университет. Ох, какой огромный. За время моего отсутствия корпусов прибавилось. Раньше отец мечтал отправить меня сюда учиться. Хотел, чтобы его младшая дочь стала гордостью семьи — некроманткой с дипломом. Ноя не хотела. Некромантия в чистом виде меня никогда особо не привлекала. Из-за этого отношения с отцом скоро разладились. Ну, ничего, у него еще осталась старшая дочь Роана, пусть из нее лепит, кого ему хочется.

Что сказать, на территории университета чисто, красиво и очень спокойно. Студенты бродят в

строгих одеждах, преподаватели — в треуголках и особых коротких мантиях. Здесь преподаватели ценятся высоко, их уважают, ими гордятся. А Гедель среди них, наверное, так и вовсе местное божество.

Как только захожу в главный корпус, в нос сразу же бьет специфический запах, как и в любых учебных заведениях. Именно так пахнут знания, которыми полнится голова Арона.

— Добрый день, — подхожу к информационной стойке, — не подскажете, где я могу найти господина Арона Геделя?

— День добрый, — обращает на меня взгляд пожилая гнома с забавным пучком на самом темени, — у господина ректора сейчас лекция в северном крыле. Если вы по срочному вопросу, могу его оповестить.

— Нет-нет, я подожду окончания. А когда, кстати, лекция заканчивается?

— Через полчаса.

— Благодарю.

Высоченные колонны, мраморные полы и лестницы, изящные статуи и бюсты из гранита, огромные люстры из чистейшего хрусталя, на стенах портреты профессоров и великих деятелей науки. Потрясающе... Теперь понимаю разочарование отца, когда я наотрез отказалась сюда поступать. Но все равно это не мое. Не мой мир. Я, как принято говорить, неформалка. Такой родилась, такой выросла и такой умру.

Северное крыло нахожу с третьей попытки. Спасибо милому студенту, проводил. На втором этаже всего три аудитории, в одной как раз идет занятие.

Устраиваюсь на широком подоконнике напротив. Забавно будет увидеть реакцию самого, ни много ни мало, ректора.

А время пролетает быстро. Скоро до ушей доносится мелодичный звонок, еще через пару минут двери открываются и показываются студенты. Идут мимо меня, смотрят с удивлением. Ну да, здесь не принято рассиживаться на подоконниках, да еще в таком виде. Последним из аудитории выходит Арон. О да-а-а, ради этого стоило прилететь. Он ошеломлен, шокирован, обескуражен, он врос в пол. Стоит и смотрит на меня немигающим взглядом. Весь такой красивый — в треуголке, мантии и, о силы подземные, очках. Прямо два разных некроманта. Вчера он был зазнайка, но такой стильный, мирской, а сейчас настоящий препод.

— Здравствуй, — медленно подходит ко мне. — Честно, не ожидал.

— Приветствую, господин ректор.

Вот и блеск в глазах, вот и его ехидная ухмылка, но он все еще в шоке.

— Так что? Где там твое засыхающее дерево?

— Надеюсь, Адам не будет против.

— Против чего? Я всего лишь пришла посмотреть на несчастное растение. Да и потом, с дорогим комиссаром у меня свободные отношения, — спрыгиваю с подоконника.

— Вот как, — хмыкает.

— Именно так.

— Что ж, идем.

— В очках тебя прямо не узнать, — закидываю на плечо рюкзак. — Полагаю, от студенток нет отбоя. Студенточки любят своих сексапильных преподавателей. А уж к ректорам питают особые чувства.

— А ты?

— Что я?

— Испытываешь к ректорам особые чувства?

— Как-то не довелось. В школе у нас преподавал один-единственный мужчина, и тот гном. Желать такого было сложновато. Мне больше по душе отвязные парни, которые ничего не боятся. Увы, таких мало.

Тем временем мы миновали открытый переход, соединяющий северное крыло с восточным, затем спустились по лестнице, еще минут десять попетляли по коридорам и наконец вышли к лаборатории — огромному по площади помещению, отгороженному от основного здания стеклянной стеной.

— Прощу, — открыл он передо мною дверь.

— Ох, сколько зелени!

Вот это да, здесь прямо-таки цветущий сад, а не лаборатория.

Арон подвел меня к своему столу, на котором стоял большой горшок с кривоватым деревцем. Листьев на нем не было, кроме одного жухлого, одиноко покачивающегося на ветке от сквозняка.

— Это же хурма... — касаюсь листа.

— Да. И досталась она мне от тетушки Шепры. Но что бы я ни делал с этим деревом, оно продолжает чахнуть.

— Отдай его мне. Эти стены не лучшее место для хурмы.

— Хорошо, — вдруг улыбается он.

— Вот и договорились.

— Могу я пригласить тебя на обед? — снимает очки, затем треуголку. Вот и привычный некромант-заснайк.

— Можешь, но платишь ты. Я сегодня и так потратилась.

— Прогулялась по магазинам?

— Подала документы на оформление лицензии. На разведение птицеводов.

— Все-таки ты сумасшедшая, Савьерри.

— Есть немного, — беру его треуголку в руки, приноживаюсь. Пахнет им. А Гедель ловит каждое мое движение, каждый вздох, и сердце некроманта бешено колотится в груди. — Красиво у вас здесь.

— И ты могла бы примкнуть к этой красоте. Дополнить ее.

— Лучше останусь на кладбище, без меня там будет совсем скучно.

— Пойдем, Риша, — он вдруг становится жутко серьезным. — Ты добиралась на такси?

— Зачем ведьме такси?

— Seriously? На метле?

— Да. По воздуху мне как-то комфортнее и быстрее.

Арон пожимает плечами, после чего снимает с себя мантию, берет горшок с хурмой, и мы отправляемся на стоянку. Метла с деревом занимают заднее сиденье, я же устраиваюсь впереди:

— Куда поедем?

— Есть одно занятное местечко. Слышала про «Печальные дали»?

— Нет.

— Значит, у меня есть шанс удивить тебя, — и вставляет ключ в зажигание.

Гедель привозит нас к старому зданию, кажется, еще времен варлоков — основателей Ксантиппа. И над входом, что ведет, к слову сказать, в подвал, мерцает вывеска «Печальные дали».

— Это старейший ресторан в городе, — поясняет мой гордый спутник. — Заведение колоритное.

— Главное, чтобы готовили вкусно! — Слышу, как требовательно урчит мой желудок.

— Потому-то он и существует так долго.

Мы спускаемся вниз и оказываемся действительно в необычном месте. Стены в ресторане

земляные, из них торчат кристаллы цвета янтаря, освещая пространство приятным оранжевым светом. Столы и стулья грубо вырезаны из больших пней. И здесь летают духи земли, которые то выглядят обычными сгустками энергии, то превращаются в любую приглянувшуюся им форму.

— Действительно, очень симпатично, — касаюсь рукой духа, отчего тот оборачивается полупрозрачным голубем и улетает куда-то в стену.

— Да, здесь сохранилась атмосфера старого города. И старое вино, — улыбается, затем провожает меня до столика.

Официантами в «Далях» трудятся гоблины, оно и неудивительно, эти существа любят обитать там, где поменьше солнечного света. И Арон не скупится, заказывает самое-самое дорогое, что здесь есть. Я же не против. Если мужчина хочет показать свою щедрость, пусть показывает, а Гедель очень хочет.

— Тебе все нравится? — спрашивает, когда официант уносит пустые тарелки.

— Как мне может не нравиться, Арон? Я сижу в компании с лучшим судмедэкспертом Ксантиппа, в старейшем ресторане, пью какое-то двухсотлетнее вино и заедаю, надеюсь, не настолько старой телятиной.

— Даже не знаю, как реагировать на такую то ли похвалу, то ли нет, — и он на самом деле растерян.

— Скорее, как на похвалу, но с толикой сарказма.

— Спасибо, — улыбается уже шире.

И да, мне все нравится, но, честно говоря, уже хочется домой. Туда, где всегда тихо, где мертвые спят вечным сном. К счастью, Гедель понимает это и просит счет. А наверху сгущаются сумерки, уже включились фонари, машин на дорогах прибавилось, как, впрочем, и горожан.

— Большое спасибо за затянувшийся обед, — собираюсь достать свою метлу и горшок с деревом из машины.

— Стоп. Ты же не собираешься лететь в такую темень на метле на свое кладбище? Да еще и с горшком?

— А почему нет? Я, дорогой Арон, по ночам много чем и похуже занимаюсь.

— Нет, я тебя отвезу. И это не обсуждается.

— Ух, какой бескомпромиссный ректор.

— Перестань называть меня ректором, — засовывает обратно метлу, — сразу чувствую себя каким-то старым извращенцем.

— А ты молодой и совсем не извращенец. Какое разочарование.

Вдруг он подходит ко мне совсем близко, нависает так соблазнительно:

— Поехали ко мне?

— Думала, уже не предложишь, — и касаюсь пальцами его мягких губ, хочу снова ощутить их, хочу ощущать их всю ночь.

— Боялся, что откажешь, — прикрывает глаза.

— Сегодня я тебе не откажу, — тянусь к нему, но не за поцелуем, нет, за запахом. За этой горчинкой, от которой кружится голова.

Доехали мы до дома Генделя за каких-то полтора часа. Живет он, как и Адам, за городом, и особняк некроманта очень похож на своего хозяина — большой, помпезный и белый. Ну как есть дворец. По правде говоря, от такой роскоши в глазах рябит. Кстати, не будь Адам жутким поросенком, его пенаты выглядели бы не хуже, но комиссар неряха.

Однако рассмотреть красоты мне не дают. Арон чуть ли не силой вытягивает меня из машины, подхватывает на руки и как добычу тащит в свою шикарную пещеру, где намеревается если не съесть, то всяко раз но надругаться. Ох, и сладко-кошмарная ночь предстоит, я надеюсь.

Спустя минут пять мы уже в спальне, а возбужденный до предела Гедель срывает с меня одежду, я же не отстаю. И когда на этом высоком статном некроманте остаются одни лишь трусы, толкаю его на кровать. Причем толкаю так, чтобы он упал, для чего приходится прибегнуть к магии.

— Риша, — растерянно улыбается, оказавшись поверх покрывала.

— Молчи, мой вкусный ректор, — забираюсь на него, — сегодня мы продолжим занятие, — стягиваю с Арона последнюю преграду и накрываю ладонью то, что давно напрашивается на подвиги. Какой, однако, габаритный! И наконец-то сжимаю, ощущаю всю твердость духа некроманта.

— Дьявол, — откидывается на подушку, а меня тянет следом. — Ты даже не представляешь, как я хочу тебя.

— Очень даже представляю, — начинаю скользить по нему, ощущая это волшебное напряжение, эту влажную шелковистую кожу.

И тут у меня вероломно перехватывают инициативу. Арон резко переворачивается, теперь он сверху, а руки мои сжимает над головой. Да уж, сила в некроманте приличная.

— После вчерашнего я всю ночь не спал, — шепчет на ухо, отчего внутри все сжимается, — что ты со мной сделала? Ведь что-то ты сделала, — покрывает поцелуями шею, лицо, доходит до губ, но останавливается.

— Да, сделала. Я совершила серьезную ошибку.

— Какую? — едва касается губ.

— Использовала не только твои инстинкты, но и свои. И если ты сейчас же меня не поцелуешь, я тебя укушу, — смотрю в его синие глаза, низом живота чувствую его желание.

В этот момент случается заветный поцелуй, а следом Арон наполняет меня собой. Как же это восхитительно, как же умопомрачительно и как же долго я была без этого.

— Ты невероятная, — прижимается губами к моей шее, притом двигается быстро и резко.

О нет, милый, это ты невероятный, ты сногшибательный, ты сильный и обалденный. Главное, не останавливайся, доведи нас обоих до самого конца, позволь окунуться в эйфорию, прочувствовать каждой клеткой организма удовольствие от близости с тобой.

Вдруг Арон выходит.

— В чем дело? — кое-как бормочу, мне нужно было еще каких-то пару мгновений.

— Хочу попробовать тебя.

И не успеваю понять, что к чему, как грудью ощущаю его поцелуи, Гедель спускается все ниже и ниже, после чего я пропадаю. Да, просто отключаюсь от реальности, забываю, кто я, зачем я, почему я. Есть только его ласка и только мое тело, которое бьется в истерике.

— Проклятье, Арон! — срывается с губ от этого мучительного и сладкого финала.

Остальное уже не важно, пусть он делает со мной все, что захочет, пусть получит то, что заслужил. Его движения заставляют вздрагивать, его поцелуи — замирать от нехватки воздуха. И наконец-то я чувствую, как сначала напрягается, а потом начинает содрогаться его тело, а еще слышу хриплые стоны, как же по-мужски он стонет.

— Спасибо, — шепчу, когда Гедель опускает голову мне на плечо.

— Это было лучше ритуала.

— Определенно.

И засыпаем мы за считанные минуты. Жаль только утро наступает слишком быстро, очень жаль. Жаль, что эта ночь теперь часть прошлого.

Поднимаюсь с кровати осторожно, не хочу его будить. Какой же он все-таки красивый, а когда спит — так вообще глаз не отвести. Но мне пора. Пора домой, где есть место лишь для меня одной. Надеюсь, Арон все поймет правильно.

Сутки спустя...

Кейна

Ну все, я справилась! Я снова молодец! Свадебный торт получился отличный. Вообще я скромная ведьма, но тут прямо хочется себя похвалить. Все же это был первый опыт работы с таким непростым заказом. Главное, невеста с женихом остались в восторге, еще и сверху приплатили за старания.

Пожалуй, этот торт стал своего рода прощальным, но, хочется верить, не последним. И сегодня мы с дочкой переезжаем в дом зловредного комиссара. Он должен будет приехать за нами после десяти. Марию Федоровну с Валентиной Ивановной я проинструктировала от и до, выплатила им зарплату и пообещала приезжать как минимум раз в неделю. Общим советом мы решили остановиться на пирогах и пирожных, с этим мои помощницы справятся прекрасно и без меня. Что до тортов, тут придется повременить, пока я ничего толком не придумала.

— Ты точно все взяла?

Что-то я нервничаю, а вот моя зайка сидит довольнее всех на свете. Как раз едем в такси со своим скарбом в мастерскую.

— Все, — кивает.

Это хорошо. В крайнем случае всегда можно будет вернуться и забрать необходимое. Хотя вроде ничего не забыли, главное — электронику я отключила, воду, газ перекрыла, Лене запасные ключи на всякий случай оставила. Уф... аж руки дрожат.

— Интересно, как там Вася поживает? — мечтательно смотрит в окно моя девочка.

— Думаю, Вася в полном порядке. Отис за ним присматривает.

— Мам, мы ведь насовсем, да?

— Что насовсем?

— Ну, переезжаем к дяде Адаму. Я бы хотела насовсем.

— Время покажет, малыш. Но ты не забывай, у меня здесь работа, у тебя детский сад, а скоро школа. Поэтому, скорее всего, вернуться придется.

— Жаль.

Вот ведь, еще и не жила толком в этом пыльном доме, а ей уже жаль. Мне, к примеру, совсем не жаль. Как представлю, с каким бардаком предстоит столкнуться, так сразу дурно делается. Наверняка Гаспарович думать забыл о моей просьбе. Ему беспорядок, видите ли, не мешает. Ну, хоть от грибка избавился, и то дело.

— Приехали, — останавливается таксист у входа в мастерскую.

Итак, у нас с собой по два чемодана и шесть спортивных сумок. Можно смело сказать, что я вывезла полквартиры. И пусть этот черт хоть слово скажет против.

К тому моменту, когда часы показывают десять вечера, мое сердце ухает в груди с такой силой, что кажется, вот-вот проломит грудную клетку и поскачет вперед меня навстречу его комиссарскому благородию.

— Мам, ну скоро? — уже откровенно ноет Настя. — Мама-а-а, скоро?

— Скоро, скоро, — грызу ноготь на большом пальце. — Наверное.

И вот раздается скрип двери, после чего из кладовой выходит мой пленитель в погонах.

— Привет, — смотрит на меня с какой-то слишком хитрой ухмылкой. — Готовы?

— Как дочери поповы, — и маню его к себе. — У нас тут вещи, не сможешь?

— Само собой, — входит в зал. — Я думал, будет больше, — осматривает наш скарб.

— Н-да?

— Угу. Ладно, идемте. Отис вас уже заждался, — после чего берет в одну руку пять сумок, остальное как-то умудряется взять второй.

Ну и силища в нем!

— А где Отис? — мешается у него под ногами Настя. — Он здесь?

— Нет, — Адам не без труда протискивается в кладовую. — Он ждет тебя дома.

— А вы по нам соскучились? — продолжает атаковать его моя рыжая лисица. Я же и рада бы прекратить эти вопросы, но плетусь за чертом, который перегородил собой весь путь.

— Еще как, — и ловит хвостом эту торопыгу, едва не вывалившуюся за порог. — Осторожней, Настя.

— Ой, — начинает она тут же хихикать, — щекотно.

Комиссар в свою очередь легко поднимает ее в воздух и выносит на улицу. Потрясающая картина. Его руки заняты нашими сумко-чемоданами, хвост тащит мою дочь, а та уже и не сопротивляется. Интересно, меня бы смог поднять? Я-то поувесистее буду. Вчера вот взвесилась и сразу приуныла, из-за нервов наела два лишних килограмма. Или это сезонное? К зиме я всегда малость пухлею.

Адам же продолжает заниматься вещами — грузит их в багажник, а я только командую, что куда, после чего мы рассаживаемся по местам и отправляемся в нашу новую жизнь.

— Скажи, что я не упаду в обморок, когда войду в твой «шикарный» особняк, — смотрю на него и не понимаю, чего это он такой загадочно-воодушевленный.

— Если ты о чистоте, то, конечно, извини, но не было времени заниматься наведением порядка, у меня вообще-то серьезная работа.

— Ясно. — Вот так и знала, что плевать он хотел на мои просьбы с высокой колокольни. — Иного и не стоило ожидать.

На это поганец всего лишь пожимает плечами:

— Я решил, что тебе как женщине будет интереснее самой заниматься уборкой.

— Какой же ты, — и стискиваю зубы, все-таки не хочется материться при ребенке. — Я тебе не уборщица, и не повариха, и не...

— Постельная ведьма, — заканчивает он мою мысль. — Я помню, Кейна. Давай так: я оставлю денег, ты наймешь клиринговую службу. Вот прямо завтра.

— Да, ч... в общем, бес с тобой.

К дому подъезжаем в ночи, но что я замечаю сразу, так это блеск окон в лунном свете. Не припомню, чтобы они так сияли в прошлый раз. Хотя я вообще почти ничего не смогла рассмотреть в ту ночь, когда мы здесь очутились впервые.

И только машина останавливается у гаражных ворот, как дверь распахивается и к нам навстречу выбегает Отис. Вот по кому я очень и очень соскучилась. Этот малыш как-то сразу запал в душу, да настолько, что я перестала видеть в нем сына Адама, а видела милого чертенка, который неожиданно появился в моей жизни.

— Кейна! — уже не стесняюсь и не робея, бросается ко мне в объятия, само собой, тут же обвивает хвостиком. — А мы так ждали! Ты себе не представляешь, что сейчас увидишь.

— Да? — вскидываю брови. — Боюсь, дорогой, очень даже представляю.

— Разве? — с удивлением смотрит на отца, который театрально хмурится.

Что это они? Неужели комиссар Рекс еще сильнее зарос грязью за прошедшую неделю? Точно. Там же, наверное, кладбище грибка.

— Идемте, — Отис хватая за руку меня, потом Настю.

А Герон следует за нами.

Хм, половицы на крыльце не скрипят и не грозятся провалиться вместе со мной. Что-то тут явно не так.

Но когда мы входим в дом, я просто-напросто открываю рот. Нет ни слов, ни даже мыслей. Где знакомый дом злобного комиссара?

Это точно не его жилище, это какие-то неведомые хоромы. Не оптический ли это обман? Здесь первоклассный евроремонт, и вообще все не так, все совершенно новое! Светло-бежевые стены, сияющий паркет медового оттенка, шикарные двери, современные окна, потолки, да вообще все! И

запах! Пахнет как раз свежим ремонтом. Но... но такое не сделаешь за неделю.

А кухня?! На ватных ногах вхожу в помещение, где на полу красуется плитка песочного цвета, отполированный кухонный гарнитур режет глаза чистотой, как и техника. И везде светло.

— Как? — с трудом поворачиваюсь к Адаму, который подпирает дверной косяк и продолжает ехидно ухмыляться.

— Просто я умею слушать, Кейна, вопреки твоим убеждениям относительно меня.

— Но... как?

— Не забывай, мы в мире, где процветает магия.

— То есть, — еще раз осматриваюсь, — это все иллюзия что ли?

— Нет. Это семейство Кригеров — лучших отделочников и строителей в городе, а еще они ведьмы и варлоки. И вот результат.

— Честно... у меня нет слов.

— Даже не похвалишь? Не скажешь, какой ты, Адам, молодец?

— Безусловно, ты молодец. Только вот надо было как-то раньше, еще до меня. Не находишь?

— Нахожу, но что поделать, ты пришла и наставила меня на путь истинный. И я уверовал, — смеется. — Ладно, вы еще не все посмотрели, смею надеяться, твоя комната поразит тебя не меньше. А я за вещами.

Что сказать, такого я не могла себе представить даже в самой смелой фантазии. Теперь это действительно самый лучший дом во всей округе.

И мебель! Та же, но отмытая и отреставрированная.

Адам оказывается прав, наша комната меня поражает до глубины души. Теплые светлые оттенки и ни грамма пыли, нигде. Никаких массивных гардин, вместо оных шторы нежного оливкового цвета. Нет, я, наверное, умерла по дороге и в рай попала, честное слово.

— Мам! — восторженно пищит Настя из своей смежной комнатки. — Здесь так классно!

— Ну-ка, — захожу к ней и готова запищать вместе с дочерью.

Это же самая настоящая детская, причем вся такая девчачья. Белая кровать, комод, на котором стоит аквариум со спящим Василием, шкаф, даже маленький туалетный столик с мягким пуфом есть, но главная достопримечательность — резной сундук для игрушек. С ума сойти! Выходит, Адам не просто сделал ремонт, он еще и озаботился такой красотой для нас. Нет, ну после такого... после такого я ему готова простить все его последние выходки. Кроме, пожалуй, одной — похищения. Вот об этом нам еще предстоит поговорить, потом. Все-таки я в этом мире по-прежнему на птичьих правах, у меня ни паспорта, ни вида на жительство, как и у дочери. Короче, ни одного документа, разрешающего нам находиться здесь. Безусловно, то, что Адам сделал, стоит похвалы и, наверное, восхищения, однако в первую очередь он постарался для себя и своего сына.

Но, как ни крути, это потрясающе! Никогда бы не подумала, что магию можно применять именно так. Хотя я вообще мало знаю о смежном мире, слишком мало. Мама, конечно, рассказывала о разнонаправленности магии, но в детали особо не вдавалась. Видимо, чтобы не смущать, все-таки у меня способности, мягко говоря, скромные.

— Ну как? — раздается за спиной.

Адам пожаловал с нашими сумками.

— Великолепно, сногсшибательно. Подойдет? — разворачиваюсь к нему и понимаю, что стесняюсь смотреть черту в глаза. В последнее время это перманентное мое состояние. Мне стыдно, неловко и очень странно в его присутствии.

— Вполне, — подходит ко мне. — Но это не все, Кейна. — Я же чувствую его запах, отчего по телу растекается тепло и концентрируется внизу живота. — Завтра я тебе покажу кое-что еще.

— И почему мне уже страшно?

— Посмотри мне в глаза.

А я как дурочка мотаю головой. Не могу на него смотреть, хочу, но не могу. Боюсь. Боюсь, что Адам увидит то, что я не готова ему показывать. Мне проще злиться на него, ругаться с ним, но теперешние переживания — это уже совсем другие эмоции. Опасные.

— Нам бы разобраться, да и час поздний.

— Хорошо, тогда буду ждать тебя завтра в семь утра в кухне. Приходи, — улыбается.

— Очень постараюсь. Отис ужинал?

— Да. И даже успел помыться.

На что киваю, а в животе растет напряжение.

— Послушай. Раз уж я теперь здесь, заклинание связи больше не нужно. Так ведь?

О нет! Он снова берет меня за талию, подтягивает к себе.

— Так, — шепчет мне в волосы. — Можем на днях съездить к Рише, она его снимет, — и осторожно целует в голову. Зачем? Зачем он это делает? — Хорошей ночи, Кейна, — вдруг убирает руки, после чего идет к двери.

Поцеловал... пусть в голову, но поцеловал. А я поплыла, дурында. Не оттолкнула его, не наступила ему на хвост, не залепила пощечину, вместо этого покрылась мурашками и чуть не замурылыкала. Ну, как это называется? Фу, тряпка!

Адам

Чувство, что душа наконец-то на месте.

Целых пять лет я жил гонкой и зачастую опаздывал. Отис отбил от рук, потому что у меня не находилось на него времени, мне было откровенно плевать на то, что меня окружает, сил хватало прийти домой, помыться и рухнуть в кровать. Многое пустил на самотек, на многое закрыл глаза, на работу ехал не только работать, а прятаться от той неразберихи, что творилась дома. И вот случилась она. Рыжая, дерзкая, настоящая. Теперь я понимаю: Кейна нужна не только Отису, она нужна мне самому. Нам обоим.

До безумия приятно было видеть, в каком она шоке, наблюдать за ее немymi эмоциями. А главное, я чувствую, Кейна уже не злится на меня, как раньше. И завтра я намерен «добить» ее контрольным выстрелом — показать место, где она сможет работать. Сегодня утром мне удалось получить в Палате межмировой торговли два порталных ключа, один будет открывать дверь в ее мастерскую в мире людей, второй — дверь в дом номер семь в Кривом переулке. Для Кейны практически ничего не изменится, разве что кроме места, где она будет создавать свои шедевры. Надеюсь, моей ведьме понравится. Я постарался учесть все.

А сейчас можно и отдохнуть.

Но как уснешь, если в теле скопилось столько энергии? Так что лезу рукой под одеяло и подключаю воображение, которое рисует ее — обнаженную, ласкающую себя, а потом принимающую меня. И зеленые глаза полыхают страстью, и стройное тело изгибается подо мной. На все про все уходит минуты три, но какие минуты! М-да, а вот теперь захотелось водички.

Однако в кухне меня ждет неожиданная встреча. Кейна! Ведьма сидит за столом со стаканом сока в руке. Щеки ее пылают, глаза как-то странно блестят, а дышит так, будто марафон пробежала.

— С тобой все нормально? — беру кружку и оставленный Кейной на столе пакет сока.

— Да, а что? — сама же сидит, покусывает губы. — Тебе идет, — кивает на мои черные спортивные штаны с белой надписью «BEST COP» на заднице, причем «BEST» написано на одной, скажем так, половине, а «COP» на другой. Коллеги в прошлом году додумались подарок подарить. Но штаны отличные, дома таскать в самый раз.

— Спасибо.

— Ты всегда так ходишь? — скользит взглядом по моей груди, животу, все-таки майку я не надел.

— Я сплю так.

— Это хорошо, а то все-таки... я тут и Настя.

— Конечно же, я не буду разгуливать в таком виде при детях, Кейна. Но ты, думаю, справишься, — сажусь на край стола.

— Ладно, пойду я спать. Хороших снов. — Она резко поднимается и уже собирается проскочить мимо, но извини, дорогая ведьма, не выйдет. Ловлю ее в мгновение ока. — Адам! — возмущается она и оказывается у меня между ног.

— Что? — не могу удержаться, как бы ни старался. — Прости, — прижимаю эту бестию к себе, зарываюсь носом в рыжие волосы, и пахнет она страстью, отчего я снова испытываю адское напряжение в штанах. Попил водички, называется.

— Я всего лишь первую ночь здесь в должности твоей няньки, а ты уже... ну, как это вообще? — Но ведь не торопится вырваться, наоборот, затаилась в руках.

— Все очень и очень сложно.

— И как быть?

— Попробовать. — Кажется, сейчас моя суть проявит себя во всей красе.

— Чревато, Адам. Ты сам говорил, я здесь из-за Отиса.

— Говорил. Но как часто бывает, говорим мы одно, а думаем совсем другое.

— Врал, выходит? — поднимает на меня потемневший взгляд.

— Не совсем. Просто не думал, что меня затянет в водоворот страсти. — Надо срочно что-то делать, иначе за себя не ручаюсь. — Слушай, раз уж мы не спим, так зачем откладывать на завтра мой сюрприз?

— Действительно.

— В таком случае закрой глаза.

— Ладно, но веди аккуратно.

— Обещаю, все сделаю в лучшем виде. Закрывай.

И когда Кейна зажмуривается, беру ее на руки. Зачем вести, если можно донести? А она обхватывает меня за шею, дышать начинает еще чаще. Дотащить бы ее сейчас до спальни. Но вместо спальни подношу ведьму к двери в зимний сад.

— Я подумал и решил, что был слегка неправ, поэтому очень хочу загладить вину. Надеюсь, у меня получится, — ставлю ее на пол, после чего включаю свет. — Можешь открыть глаза.

— Ой, мама, — слетает с губ. — Это же... — косится на меня с недоверием.

— Да, это твое новое рабочее место.

А она снова теряет дар речи, только улыбается и покачивает головой, словно не верит в происходящее.

— Кейна, — разворачиваю ее к себе, — ты мне нравишься. Понимаешь? Вернее, не так: я без ума от тебя. Поэтому прошу, дай нам шанс. И клянусь своим хвостом, если тебе не понравится со мной, я приму это. Вот, смотри, — веду ее к столу, на котором лежит папка. — Здесь ваши с Настей документы. Вид на жительство, разрешение на работу, временное удостоверение личности, осталось всего лишь съездить в консульство и получить постоянные паспорта для тебя и для Насти.

На что Кейна снова зажмуривается, затем тянет меня к себе, обнимает, прижимается щекой к груди.

— Ты чертов черт, — шепчет.

— Во всем отец с матерью виноваты, таким родили, — прижимаюсь губами к ее голове.

— А если не получится? Если...

— Думаю, и тебе, и мне пришло время попробовать еще раз.

— И когда только успел сделать документы?

— За несколько дней до того, как забрал вас. Мне Риша помогла с твоей подписью.

— Везде-то у тебя Риша. И документы подделывает, и заклинания накладывает, и грибок травит. Находка, а не ведьма.

— Так, — подхватываю ее под бедра и усаживаю на большой металлический стол, — запомни, Риша просто друг. Она осталась одна, я ее поддержал, уберег от тюрьмы. Не более того.

— Да какая мне разница, — взмахивает она рыжей гривой.

— Не ври, есть тебе разница. Ты ревнуешь, — нависаю на ней.

— Чего-о-о-о? Пф... больно надо.

— Не стесняйся своих чувств, Кейна. — Все, больше не хочу терпеть, сил нет. — Чтобы тебе было легче, знай: я тоже ревную тебя. Ревную к каждому столбу, — и накрываю эти сладкие губы своими.

В голове образуется вакуум, в груди возникает жжение, а главное, я больше не прячу свое истинное лицо.

Кейна

Злюсь на себя, а его хочу. Безумно хочу. И поцелуй этот... Господи, какой же сумасшедший, какой вкусный, какой... Руки Адама тем временем держат меня крепко, но хвост еще крепче.

И тут открываю глаза, отчего аж вздрагиваю. Передо мной стоит совсем другой Адам. Кожа его стала насыщенного песочного цвета, а главное, покрылась лоснящейся шерстью, правда, совсем короткой, длинные рога сияют в свете ламп, на руках чернеют когти. Такими чертей я еще не видела. С ума сойти!

— Вау, — касаюсь очень мягкой шерсти на груди, сквозь которую проступает рельеф его сногшибательной фигуры. — Неожиданно.

— Скажи спасибо, что копыт нет, — усмехается, являя взору слегка заостренные зубы.

— Никогда бы не подумала... Отис ведь не прячет свою суть, но у него нет всего этого.

— Просто он еще маленький. Шерсть появляется вместе с первыми усами, — продолжает целовать мое лицо.

— Ты на ощупь, как каракулевый.

— Что сказать, мы, черти, обладатели ценного меха, — смеется.

— Ты прямо везде-везде такой?

— Почти. Могу показать.

— Нет-нет-нет, — мотаю головой, — не стоит.

— Потом все равно покажу.

— Но как ни крути, — беру его за руки, — ты скверный черт, Герон. Похититель и шантажист.

— Не пойдешь ли на столь крайние меры, ты разве согласилась бы? Вот честно.

— Вряд ли... — до чего же он шелковистый, трогала бы и трогала.

— Значит, все не зря.

— Хочется верить, что да. Кстати, ты серьезно ревнуешь меня к каждому столбу? — поднимаюсь к шее, боже, да это не черт, это сплошной тактильный антистресс.

— К каждому, — опускает голову на выдохе. — Стоит только подумать, что какая-нибудь сволочь крутится рядом с тобой — все, хочу забодать урод.

— Это не есть хорошо, — ощущаю его хвост, который уже забрался под майку и осторожно поглаживает мою спину.

— Знаю, но в руках себя держать умею. Иначе не стал бы следователем, а потом и комиссаром.

— Спасибо за мастерскую, — обвожу взглядом окружающую красоту. И честно говоря, мысли в голове путаются. Не знаю даже, что думать, как правильно реагировать? Что вообще происходит?

— Спасибо, что ты здесь, — шепчет мне на ухо, отчего сердце заходится.

— Думаю, нам пора спать, Адам. Сегодня был тяжелый день.

— Хорошо, но у меня будет последний вопрос.

— Слушаю.

— Ты станешь моей нарой на празднике?

— У меня есть время подумать? — трюсь о его каракулеву щеку.

— Ровно до завтрашнего утра.

— Ох, так это я всю ночь спать не буду.

— Вот, мучайся теперь, — целует меня в плечо. — Пока я буду спать сном младенца.

В этот момент подхватывает меня на руки и несет на второй этаж, где опускает рядом с дверью в нашу с дочерью спальню.

— До завтра, Кейна, — и возвращает себе привычный вид.

— До завтра.

Прежде чем лечь, проверяю Настю. Мой рыжий котенок спит крепким сном, распластавшись на своей новой кровати. Все-таки мне до сих пор не верится, что мы в доме Герона. И сам Адам... вот ведь засранец, сделал нам документы, а продолжал на нервы капать. Но, возможно, он прав, пришло время попробовать еще раз. В конце концов, этот зловредный комиссар появился в моей жизни именно тогда, когда я начала превращаться из женщины в рабочий станок.

А новая мастерская? Такой роскоши у меня никогда не было. Адам предусмотрел практически все. В одной части урчат новенькие холодильники со стеклянными дверцами, три мощных духовых шкафа стоят вдоль стены, мойки, столы, а во второй — прилавок с витринами. Получается, я смогу прямо там принимать покупателей.

Не думаю, что Герон стал бы так заморачиваться ради какой-то няньки; видимо, ему действительно важны мои чувства, мои желания. А значит, я все-таки соглашусь стать его парой на празднике. Глядишь, и мне перепадет котелок со сладостями.

К счастью, ночь проходит спокойно, ни дурных снов, ни страхов. Хотя просыпаюсь по привычке рано и, чтобы не валяться без дела в постели, собираюсь и иду вниз. Но что забавно, когда я заворачиваю в кухню, Адам уже сидит за столом. Причем просто сидит. Не ест, не пьет, не читает газету, он даже не собран и весьма взлохмачен.

— Подумала? — встречает меня с порога вопросом.

— Да, господин комиссар, всю ночь думу думала. Измучилась вся, — иду к чайнику, чтобы включить, а через мгновение оказываюсь в руках Адама. Ну, все, прощай спокойная жизнь. Здравствуй, прилипала-черт. Только вот беда, мне это нравится.

— И каков ответ?

— Вопреки здравому смыслу и убедительным доводам, вынуждена ответить согласием.

После чего ощущаю поцелуй в шею, а скоро дело доходит до губ.

— Адам, твой хвост опять там, куда ему лезть однозначно рановато, — забираюсь себе под подол юбки и выгоняю оттуда метелку.

— Извини, но я его не контролирую, он сам.

— Вот как? — ловлю этого удава и медленно веду по хвосту, подбираясь все ближе к основанию, отчего Герон зажмуривается, начинает дышать чуть ли не собачкой, его лоб покрывается испариной. Обалдеть!

— Кейна, — с силой прижимает меня к себе, — у нас хвост — зона эрогенная. Прощу, если не хочешь, чтобы я сейчас схватил тебя и затащил в чулан, перестань это делать.

— Ой, прости, — сразу отпускаю. Кто бы знал...

А Герон аж громко выдыхает.

— И когда праздник? — надо быстренько перенаправить его мысли в безопасное для меня русло.

— Через два дня. Кстати, праздник продлится неделю. За это время я планирую показать тебе Ксантипп во всем его великолепии, а еще планирую украсть твое сердце.

— Тоже за неделю? — снова ловлю его хвост и начинаю нервно дергать за лохматый кончик.

— Было бы здорово, но там как пойдет, — накрывает мои руки своими. — Эта метелка, как ты ее называешь, своего рода наша гордость, поэтому осторожней.

— Пожалуй, займусь-ка завтраком. А тебе не пора собираться на работу?

— Пора. Но я вернусь в обед, если ты решишь посетить консульство.

— Да, хорошо.

— Отлично, — а отпускать не собирается.

— И-и-и? Может, позволишь мне похозяйничать на твоей шикарной новой кухне?

— Конечно. Мне бы пару бутербродов и кофе.

После чего все-таки удаляется. А я, видимо, окончательно спятила. Мама была бы в шоке, узнав, с кем ее дочь решила закрутить роман. Почему-то она очень не любила смежный мир, хотя родилась в нем, выросла, и родители у нее были очень даже любящие, к тому же порядочные и уважаемые. Но мама предпочла полностью разорвать со всеми отношения.

За мыслями о прошлом, настоящем и чуточку будущем успеваю приготовить творожную запеканку, пшеничную кашу и поджарить гренки. И когда Адам возвращается, причем с детьми, его ждет полноценный завтрак, а не какие-то там бутерброды.

— Ого, — смотрит на свои объемные порции. — Не многовато ли?

— Тебе в самый раз, а вам, — усаживаю пока еще сонную детвору за стол, — будет то же самое, но поменьше.

Первые минут пять Отис с большим недоверием косится на запеканку, тычет в нее вилкой, принюхивается, выковыривает изюм, но глядя на то, как его отец и Настя с аппетитом уминают свои куски, таки пробует, после чего в считанные минуты опустошает тарелки.

А когда Адам встает и уже собирается на выход, чертенок очень быстро его останавливает:

— А тарелки убрать? — собирает свои стопкой.

— Что? — оборачивается тот. — Тарелки?

— Угу.

Я тем временем молча наблюдаю за происходящим. Ну, какой умный ребенок, Адаму есть чему поучиться у сына. В итоге глава семейства возвращается, собирает тарелки и несет в раковину.

— Спасибо, господин комиссар, — сияю улыбкой, — вы очень обучаемый черт, это радует.

— Будьте готовы к обеду, я приеду за вами, — подмигивает мне.

Спустя минут пять за ним закрывается дверь.

— Что ж, — поднимаюсь со своего места, — сейчас у вас есть немного времени, чтобы поиграть, а потом у нас будут занятия.

— Какие занятия? — дергает ушами Отис.

— Учебные. Будем писать, считать и читать.

— Не-е-ет, — плюхается чертенок обратно на стул.

— Да-а-а. Между прочим, ты отлично читаешь и мог бы, например, помочь Насте, научить ее читать так же хорошо.

— Ладно, — сразу оживляется. — Если надо научить, научу. Но сначала в прятки! — вскакивает.

— В прятки! — подпрыгивает следом моя дочь.

— Но помните, в котельную ни ногой, там демоны! — успеваю крикнуть им в спину.

А я, пожалуй, пойду осмотрю свою мастерскую.

Адам

Кажется, я на верном пути. И если не буду сворачивать, приду напрямиком к сердцу ведьмы. Никакие преграды мне не страшны, главное, не сворачивать.

За этот ее взгляд, каким она смотрела на меня вчера ночью и сегодня утром, и умереть не жалко. Но умирать я не собираюсь, у меня слишком много планов, слишком много желаний. Хочу быть примером для детей, хочу стать идеалом для Кейны. А сейчас мне бы побыть идеальным и примерным комиссаром.

На работе первым делом вызываю на доклад своих следователей, начальников оперативных групп и, конечно же, лаборантов. Заодно и Геделя приглашаю, который так удачно обнаруживается в комиссариате. Зачастил товарищ некромант в мою обитель, однозначно зачастил.

— Итак, — поднимаюсь со стула, — каковы результаты за неделю?

— Господин комиссар, — кивает главный следователь варлок Леоф, — смею признать, данных по-прежнему мало. Мы узнали, что наш душитель — сильный варлок, он, скорее всего, обитает в двух мирах и явно выбирает не случайных жертв. Между ними есть определенная связь.

— Вот с этого места поподробнее.

Тут уже подключается Гедель, который на меня почему-то смотрит, точно язвенник на редьку. Очень странно.

— Мы еще раз проверили жертв. Пришлось эксгумировать тела и восстанавливать их. Но не суть. В общем, выходит, что наш клиент выбирает тех, кто каким-либо образом связан с темными практиками.

— То есть?

— Не тормози, Герон, — чуть ли не скрипит зубами, — маньяк убивает ведьм или полуведьм, которые практикуют темную магию с жертвоприношениями. У всех убитых им женщин под ногтями обнаружен пепел бируса, или могильника бурого, главное растение, с которого начинается любой черный ритуал. Как судмедэксперты вашей богадельни этого не обнаружили год назад — не знаю.

— Я что-то не пойму твоего настроения, Арон. — Какого хрена этот белобрысый мертвячник себе позволяет? — Ты находишься на моем участке, потому что я дал на это согласие, так что засунь свои бабские перепады настроения глубоко в задницу и соблюдай субординацию. У себя в институте на благородных девиц будешь зубами скрежетать, а здесь ты подчиняешься мне.

— Уж кому-кому, — нагло ухмыляется этот гад, — а тебе я точно не подчиняюсь. Я здесь по требованию де Брока, если ты не забыл. И за неделю я сделал больше, чем весь твой детсад за два года.

— Господин комиссар, — поднимается второй следователь Нильс, — если этот блондинистый не заткнется, я ему врежу.

— А мы поможем, — уставились на него остальные. — Охренел некромант.

— Все, успокойтесь! Обменялись комплиментами и хватит, работаем дальше, — но я еще поговорю с поганцем. Права была Риша, вот же плесень лабораторная. — Так, какие предположения, почему именно эти ведьмы? Какие мотивы могут быть у душителя?

— Какие угодно, — вступает Леоф. — Можно было бы подумать, что он проводит свои собственные ритуалы, но нет. Во-первых, всегда оставляет тела, во-вторых, связи между местами, где их обнаружили, никакой. Как и время убийств ни о чем не говорит.

— Связи между жертвами тоже никакой, кроме, как выяснилось, общего интереса к темной магии, — рассматриваю фото убитых.

— Значит, что-то личное, — снова подает голос некромант.

— И найти мы его не можем, потому что он скачет между мирами. Запроси информацию у наших коллег из мира людей. Есть ли у них похожие случаи.

— Есть, — кивает Корсак. — Свяжемся, узнаем.

— Ладно, работаем дальше, а ты, — смотрю на раздраженного донельзя Геделю, — в мой кабинет.

— С радостью, — устремляется за мной следом.

Какого беса происходит с этим выскочкой?

В кабинете оказываемся через пару минут. Я преспокойно сажусь в свое кресло, а некромант все стоит, сопит, глаза щурит.

— Что с тобой стряслось, Гедель? Ты чего творишь?

— Со мной все в порядке, — отвечает на выдохе и очень старается взять себя в руки. — Меня волнует судьба несостоявшейся жертвы душителя.

— Риши?

— Да. Савьерри тоже любительница нестандартных ритуалов. И если он ее не тронул сейчас, не значит, что не тронет потом. К тому же у тебя с ней связь, а душитель уже прислал тебе весточку. И только конченный дебил не поймет, что все, кто тебе дорог, находятся сейчас в серьезной опасности. Меня удивляет столь наплевательское отношение к Савьерри. Как ты так вообще можешь?

— Я оставлял с ней патрульных, но Риша их спровадила, не предупредив меня. Она такая, ее невозможно заставить, если она чего-то не хочет.

— Риша молодая и глупая девчонка. А тебе просто наплевать на нее, жаль она этого не понимает.

— А я вот тебя что-то не понимаю. К чему ты клонишь? Не удалось пристроить к ней своего некроманта-младшего, а виноват я? Все-таки ты как был истеричкой, так ею и остался, Гедель.

— Да пошел ты, — и, громко хлопнув дверью, он покидает мой кабинет.

Пусть проваливает. Теперь ясно, что его так заклинило. Риша послала к дьяволу, задела самолюбие. Но кое в чем белокурый прав: Савьерри в опасности. Пусть она и не практикует жертвоприношений, кроме несчастных опарышей с мышами, которых скармливает живоглотам, но к темной магии обращается частенько. К тому же у нас с ней дружба. И как ее убедить в том, чтобы съехала на время с кладбища, ума не приложу. Эта дурочка скорее согласится умереть, чем оставит на произвол судьбы свой огород. Душитель не зря пришел именно к ней; видимо, его целью была информация обо мне. И коль так, то, скорее всего, этот подонок знает и о Кейне с Настей. Н-да, моему дому нужна особая защита, для чего придется воспользоваться не совсем привычными методами. И тут мне нужна Зельда. Что до заклинания связи, рановато его снимать, я должен знать, где Кейна.

Тогда беру телефон:

— Корсак! Пригласи ко мне Зельду.

Ведьма приходит минут через пять.

— Слушаю вас, господин комиссар.

— Сможешь наложить заклинание защиты на крови?

— Безусловно.

— Хорошо, в таком случае буду ждать тебя завтра утром у меня дома.

— Я приеду.

— Спасибо.

А сейчас мне пора к своим. Я срочно должен обнять свою ведьму, поцеловать ее.

Рогоносец недоделанный! А Савьерри — дура каких поискать! Повелась на этого никчемного протирателя штанов, который даже защитит ее не может или не хочет, что скорее.

Как в машине оказываюсь, не замечаю.

С того самого утра, когда проснулся в постели один, не могу найти себе места, не могу выбросить бесову ведьму из головы. Ушла! Хотя какой там ушла? Сбежала! А проведенная с ней ночь осталась торчать болезненной занозой в душе. И не вытащить ее теперь ничем. Помешательство, не иначе. Дьявол меня задеря, никогда такого не было, никогда я не поддавался столь сильному соблазну, чтобы меня рвало изнутри. Я хочу эту мерзавку! Хочу до ломоты в костях, до физической жажды, от которой никак не избавиться, как бы ни старался.

Видимо, с Героном ей нравится куда больше, раз про меня забыла после первой же ночи. Возможно, имеет смысл поехать к ней и разобраться. Только унижаться не хочется, и если поеду — прощай гордость, а если не поеду — прощай спокойная жизнь.

И зажмуриваюсь что есть сил. Зачем вообще сунулся к ней? Зачем она приехала ко мне? Зачем все это было нужно, если в итоге так погано? Даже после развода с Эллисой я не чувствовал себя настолько раздавленным. В какой-то степени я испытал облегчение, когда узнал о ее похождениях — видимо, отношения изжили себя давно. А тут всего лишь одна ночь! Одна! И мне снесло крышу. Может быть, если поговорю с Савьерри, станет легче? Да, надо поговорить, в противном случае меня вывернет наизнанку. И потом, пусть вернет тетушкину хурму, в конце концов. Бедняжка Шепра, наверное, в гробу перевернулась, зная, где теперь ее любимое дерево.

Но глядя на себя в зеркало заднего вида, понимаю, насколько отвратно выгляжу. Щетина отросла, волосы торчат в разные стороны. Чтобы Арон Гедель и так позорно выглядел? Ужас, что еще сказать, просто ужас. С другой стороны, плевать, мне надо ее увидеть, надо выяснить, какого лешего поганка сбежала, что ей не понравилось.

В таком состоянии и еду в направлении «Забвения». Н-да, скоро я наизусть выучу это кладбище.

К счастью, погода шепчет, потому подъезжаю прямо к дому ведьмы. Но сразу вылезти из машины не получается, остатки гордости мешают. Вдруг пошлет? Вдруг рассмеется мне в лицо? Вдруг вообще столкнусь здесь с Героном? Но если столкнусь, убью паршивого черта! И на столь приятной ноте покидаю-таки свой джип.

Сейчас мне плевать на все, в том числе на живоготов, которые явно не прочь закусить незваным гостем.

— Риша! — стучу в дверь. — Это Арон! Выйди, пожалуйста!

И где она? Где эта треклятая ведьма? Почему не отвечает? Но именно в тот момент, когда в голову начинают лезть самые скверные мысли, со стороны заднего двора доносится какой-то шорох. Хоть бы это была она. Я медленно обхожу дом, выглядываю из-за угла и вижу удивительной красоты картину. Савьерри бродит среди орешника и собирает урожай в корзинку. Ее белые волосы заплетены в косу, подол платья в цветочек колышется на ветру, отчего нет-нет, да оголяются худенькие ноги. Где слишком высоко, Риша встает на цыпочки, вытягивается в струнку. Силы нечистые, это же восхитительно.

— Риша, — как-то неестественно хрипло звучит мой голос.

— Зачем приехал? — отвечает абсолютно спокойно, притом не оборачиваясь и не прекращая собирать орехи.

— Зачем? Ты шутишь, что ли?

— Нет, вполне серьезно.

— Ладно, — засовываю руки в карманы, а одновременно чувствую, как кровь закипает в жилах, — я спросить хотел, почему ты сбежала?

— Я не сбегала, — снова тянется к верхней ветке. Да она издевается надо мной!

— Неужели? А как же это, по-твоему, называется? Вышла из дома рано утром и заблудилась?

— Арон, — наконец-то разворачивается, являя взору нахальную ухмылку, — я вернулась к себе домой вообще-то. Будить тебя не стала. И потом, не припомню, чтобы давала тебе какие-то обещания. Хоть мы и выпили, но не напились, посему провалами в памяти я не страдаю.

— Почему? Почему уехала? Скажи правду, — делаю несколько шагов к ней навстречу. И чувствую,

как меня уже трясет.

— Милый, да от тебя веет безумием. Может, дать успокоительного?

— Прекрати издеваться! — не выдерживаю. — Отвечай, ведьма! Какого дьявола ты сбежала от меня?! Что я сделал не так?! Или с Героном в постели слаще?

— С Героном? Хм, — расплывается еще более дерзкой улыбкой, — с Героном оно как-то привычнее, знаешь ли, все-таки мы друг друга знаем не один год. Откуда столько ревности, господин Гедель?

— Не играй со мной, стерва! — вконец зверею.

— Учти, расскажу Адаму, что ты меня преследуешь. Посадит тебя на двое-трое суток, чтобы успокоился.

— Расскажешь?! — и за считанные секунды преодолеваю расстояние между нами. — Какая же ты дрянь, — забираюсь ей под подол. — А вот это здесь лишнее, — и с силой срываю с нее трусики. Риша явно такого не ожидала, отчего аж взвизгивает.

— Совсем спятил?! — хватается за мою рубашку.

— Именно так, — впиваюсь в нее жадным, грубым поцелуем.

— Безумец, — стонет мне в губы.

Но мне все равно. Пусть вырывается, пусть грозит пожаловаться своему рогатому защитничку, пусть даже кусается. И после дикого поцелуя, от которого губы Риши горят огнем, взваливаю ее на плечо и несу в дом.

— Арон, ты...

— Молчи! — шлепаю по голому заду.

Риша

Вот же сумасшедший некромант... пришел, учинил беспредел. Наверное, надо было ему хотя бы записку оставить в то утро.

Но у него на плече очень даже удобно висеть, разве что прохладный ветер задувает под неприлично задравшийся подол. Однако скоро Гедель затаскивает меня в дом и, слава Моране, хотя бы не швыряет, а аккуратно усаживает в кресло-мешок, сам же опускается на колени напротив.

И он по-прежнему зол, очень зол. Вена на шее пульсирует с бешеной скоростью, из глаз едва ли не искры летят. Бедолага Арон напряжен до такой степени, что того и гляди взорвется; но главное, он возбужден. И если уж взорвется, то в одном конкретном месте. А вообще забавно наблюдать за его ревностью, Гедель серьезно думает, что я встречаюсь с Адамом. С другой стороны, я ведь не говорила ничего конкретного, лишь пару раз абстрактно ответила на неуместные вопросы некроманта, а то взялся совать свой сексуальный нос, куда не надо.

— Арон, ты переходишь все границы, — пытаюсь усесться поудобнее. — Учти, стоит мне щелкнуть пальцами, и адская боль скует твое шикарное тело.

— Мне и так больно, — подается вперед, хватается за кресло и подтягивает вместе со мной к себе. — Я не могу понять, почему ты все-таки ушла, чем тебе не понравилось со мной?

— Почему ты думаешь, что не понравилось? — опускаю руки на подол, чтобы не светить самым сокровенным. — Мне казалось ты уверенный в себе мужчина.

— Ты ведь понимаешь, что я сейчас возьму тебя?

— Понимаю. Но только в том случае, если я этого захочу, милый Арон, — а он уже на грани. Нет, ну так мучить лучшего в городе судмедэксперта я просто не имею права. Что будет, если господин Гедель умрет от переизбытка тестостерона? Вся работа встанет! — Иди ко мне, — убираю руки с подола. — Тебя надо успокоить.

Как же приятно его раздевать, ощущать пальцами напряженное тело, смотреть в глаза, преисполненные безумия и одновременно мольбы.

— Риша...

— Тсс, не трать время на слова, — начинаю целовать эти пухлые губы.

— Ты обращаешься со мной, как с малолетним дураком, — с удовольствием отвечает на поцелуи, а дышит до того часто, словно вот-вот задохнется.

— Но ты и ведешь себя, как малолетний дурачок, хотя, — расстегиваю ремень на джинсах, — ты у нас далеко уже не юноша. Сколько тебе лет?

— Тридцать шесть, — отвечает шепотом, а параллельно закрывает глаза. Пожалуйста, не останавливайся. — Я же чувствую его руки на бедрах.

Сколько в нем страсти, сколько энергии, сколько силы, и все это сейчас мое. Но Гедель снова перехватывает инициативу, тогда мы оказываемся на полу, вернее, на пушистом ковре. А спустя пару мгновений я чувствую некроманта в себе. Еще несколько секунд быстрых рьяных движений, и сознание окончательно плывет, остаются только физические ощущения. С ним больно, жарко, чуточку страшно и невероятно хорошо. На теле однозначно останутся следы, возможно, синяки, кожа у меня слишком нежная, а Гедель сегодня слишком голодный.

Все происходит то ли быстро, то ли нет, но когда меня накрывает, голова полностью отключается, ибо мучительное удовольствие рвет разум на маленькие кусочки, и все окружающее теряет смысл. Все, кроме него. Этот мужчина по-прежнему со мной, во мне, он по-прежнему двигается, раздражает и без того раздраженное тело, хрипло стонет мне в губы.

— Больше от меня не убежишь, — берет за горло, слегка сдавливает, после чего следуют несколько мощных толчков, и меня накрывает второй волной.

— Можешь уже отпустить, — с трудом улыбаюсь, — или я решу, что ты и есть тот самый душитель.

Тогда он разжимает пальцы и начинает целовать шею:

— Ты испортила мне сон, испортила аппетит, из-за тебя я места себе не нахожу, — продолжает ласкать.

— Когда связываешься с ведьмами, такое случается, — зарываюсь в его волосы. — И ты повел себя крайне безответственно.

— О чем ты? — наконец-то смотрит мне в глаза. Надо же, а взгляд-то просветлел.

— О том, что кто-то напрочь забыл про безопасность. А мне теперь зелье вари и травы свой организм.

— Извини. — Все никак не может отдышаться. — Утратил контроль и готов нести ответственность.

— Ну-ну, не горячись. Я и сама в силах ответить, за свою неосмотрительность в том числе.

— Риша, я хочу быть с тобой, хочу встречаться. Нормально, как положено.

— А как положено? Рестораны, цветы и конфеты?

— Плюс никаких третьих персонажей.

— О как, — обнимаю его за шею. — Не успел со мной переспать, как уже навязываешь свои правила, ограничиваешь свободу. Я ведьма современных нравов.

— И что же? Он настолько хорош?

— Каждый из вас хорош по-своему. Он в одном, ты в другом. Что до свиданий... А чем тебе сейчас не свидание, Арон?

— Это не свидание, а перепих, — сразу смурнеет и слезает с меня. Какой же он все-таки красивый, стройный, кожа не такая бледная, как моя, волосы чуть темнее.

— Ну, раз свидание в моем понимании для тебя всего лишь перепих, то более не смею задерживать.

— Ты до сих пор ничего не поняла? Или просто делаешь вид? — собирает с пола свои вещи.

— Как-то у меня не было времени как следует подумать. Поезжай домой, Арон. Тебе со мной не по пути.

— Объяснись, — с раздражением натягивает на себя штаны.

— Во-первых, я больше не встречаюсь с некромантами, уж прости. Вы ребята специфические.

— Ты и сама наполовину некромантка, — садится на диван.

— Ключевое здесь — наполовину, чему я очень рада. А во-вторых, я тебе не подхожу. Ты благородных кровей, образован, знаменит и уважаем, я же огородница с запятнанной репутацией. Некогда трудный подросток, вставший на путь исправления путем полной самоизоляции.

— Как интересно. Мне, значит, ты не подходишь, а Герону подходишь?

— Уходи, Арон.

Что-то этот разговор мне уже не нравится. Лучше пусть обидится на меня и уйдет. Не готова я к отношениям с такой крупной птицей. Как говорила моя бабуля, беркут любит воробья, пока обедает. И вообще, моя свобода — мое богатство, а до своего богатства я очень жадная.

— Риш, тебе здесь одной оставаться небезопасно, — предпринимает Гедель очередную попытку, — душитель к тебе пришел из-за Адама.

— То есть?

— На днях он прислал Герону послание с угрозами. А у тебя связь с Адамом. Догадываешься?

— Но ваш маньяк меня не тронул.

— Пока не тронул.

— Как бы то ни было, я останусь здесь. Это мой дом, мой клочок земли. И если у Мораны на меня планы, значит, так тому и быть.

— Хорошо, — резко поднимается и направляется к двери, но вдруг останавливается. — Ты будешь завтра на празднике?

— Буду.

После чего он уходит.

А мне бы заварить себе копиуса болотного. Тоже мне красавец, готов он, видите ли, нести ответственность. Ага, как же.

Все это пустое. Мы встретились, развлеклись и хватит. Слишком хорошо тоже не хорошо. Честное слово, как раньше было спокойно, теперь же у меня не дом, а проходной двор. Герон идет со своими проблемами, маньяк со своими, некромант туда же. Достали! Надо бы сгинуть на пару недель. Отправлюсь в самую чашу, где у меня есть свое особое местечко, попрактикую там, помедитирую, пообщаюсь с духами. Может, с бабулей пересекусь. Точно, так и сделаю! Сразу после праздника.

Так, вот и отвар готов. И едва подношу это пойло к губам, как понимаю, что все мое нутро против сего действия. Видно, я умом тронулась. Но если тело столь яростно протестует, надо дать себе время подумать. Тогда ставлю отраву в раковину и иду в задние сени, где у меня приходит в чувства несчастная хурма. И что же я вижу? Почки набухли, ствол уплотнился. Причем я всего-то влила в горшок немного удобрений. Видимо, тетушка Геделя была не простой некроманткой, дерево напитано магией.

Сутки спустя...

Кейна

— Насть? — кручусь перед дочкой в своем праздничном наряде. — Ну как?

— Ты самая ведьмистая из всех ведьм, — одобряет моя красота, сидя на кровати с зайцами в обнимку.

— Думаешь?

— Уверена.

Хм, ну ладно. И все-таки, не слишком ли? Черное платье с гипюровой вставкой в зоне декольте и

рукавами-воланами, черно-зеленые чулки и, конечно же, ведьминские сапожки. Жаль, головного убора нет, но ничего.

Тут раздается стук в дверь, затем слышится легкий скрип и первым из-за двери появляется хвост.

— Можно?

— Заходи, Отис! — кричит Настена.

Чертенок протискивается в комнату, а в руках несет что-то накрытое платком, лицо при этом хитрое-прехитрое.

— Ты чего? — складываю руки на груди.

— Кейна, тебя папа вниз зовет, а это мой подарок для Насти, — вытягивает вперед свой сюрприз.

— Ну ладно. Надеюсь, это не очередной тарантул?

— У-у, — отрицательно мотает головой.

— В таком случае не буду вам мешать.

И отправляюсь на первый этаж, где меня, очевидно, дожидается комиссар Рекс. Интересно, чем порадует? Я вот сегодня его радовала обедом из четырех блюд, старательно упакованным в контейнеры, которые он брал на работу. А пока спускаюсь, ощущаю легкий мандраж. Адам меня не торопит, но если подходит, если обнимает или целует, я готова закрыть на все глаза и лететь в бездну. Честно говоря, уже не знаю, как с ним себя вести. Вернее, знаю, но боюсь не понравиться. Боюсь разочаровать своей закоренелостью. Ругаться и бесить его — это одно, а что касается личного, интимного, тут я порядком отстала от жизни. Шутка ли, четыре с половиной года у меня не было мужчины. Срок катастрофический.

Герона нахожу в мастерской. Он стоит, прислонившись к столу для темперирования шоколада, блуждает взглядом по моей утвари, которую я притащила с собой и уже успела разложить по своим местам.

— Звал? — встаю напротив.

— Угу, — переводит на меня взгляд, и его брови тотчас взмывают вверх.

— Да вот, — кручусь вокруг своей оси, — сегодня я ведьма а-ля натурель.

— Выглядишь потрясающе, но кое-чего не хватает, — и так плотоядненько ухмыляется. Ох, знаю я эту ухмылку.

— И чего же?

— Вот этого, — вдруг отходит в сторону, и я вижу ее.

— Шляпа?

— Самая настоящая. Ты ведьма, Кейна, — подходит ко мне, берет за руку и ведет к столу, — а у каждой ведьмы должна быть шляпа, — и надевает мне это остроконечное чудо на голову. — Вот теперь идеально, — касается подбородка, тянет на себя. — Ты великолепна.

— Да уж, — боже, какие у него горячие руки, как от него пахнет, — не умею ни летать, ни ворожить толком, но в остальном само совершенство, — накрываю его руку своей.

— Для меня так и есть, — склоняется ко мне, трется носом о щеку. — Шляпа тебе идет, села как родная.

— Сам выбирал?

— О да, — и наконец-то целует. Кажется, сегодня я готова сдать парочку боевых фортов этому несносному черту. Хоть и страшно, но то, что творится сейчас в душе и теле, куда сильнее страха.

— Адам, а не пора ли нам ехать? — ловлю себя на том, что уже всю обнимаю его.

— Пора...

Но что еще ужаснее, последние две ночи я представляю себя с ним в постели, причем в его первозданном виде. Я чертова извращенка... Хотя кто из нас чуточку не извращенец, верно? Кто-то мечтает о сексуальных вампирах, а я вот о шерстяном черте.

А в гостиной нас встречают наши дети. Отис стоит в камзоле с золотой оторочкой, черных брюках и высоких сапогах, моя принцесса не отстает, на ней такое же черное платье с пышной юбкой, черно-белые колготки и очаровательная шляпка-котелок на рыжей голове.

— Спасибо, — смотрю на Адама, который стоит, гордо выпятив грудь вперед.

— Вот теперь можем ехать, — берет меня под руку.

Праздник Огненной тыквы в Ксантиппе традиционно устраивают в центральном парке. И сегодня там соберется весь цвет — администрация города, местная аристократия, в общем, самая влиятельная нечисть, еще и с других городов понаедут. По крайней мере, так сказал Герон. Я, конечно, не большой любитель массовых сборищ, но здесь этот праздник так же почитаем, как в мире людей Новый год, поэтому грех не посетить, еще и с таким бравым комиссаром рядом.

Но на въезде в город сталкиваемся с ужасной пробкой, правда, тут Герон, не стеснясь, врубает сирену, проблесковые маячки и скорость, благодаря чему мы добираемся до комиссариата не за три-четыре часа, а всего за два.

— Машину оставим здесь, — останавливается на парковке, — отсюда до парка рукой подать, заодно прогуляемся. Все готовы? — поворачивается к подуставшей от дороги детворе.

— Готовы, — отвечают сквозь зевоту.

— Да хватит вам киснуть, сейчас купим сладкую вату, крендели в глазури, и повеселеете вмиг.

— А мне купишь крендель? — поправляю рыжий локон, выбившийся из-под моей шикарной шляпы.

— Тебе тертый калач, — смеется.

— Вот ведь черт полосатый.

— Не полосатый, а каракулевый, сама говорила.

О да, еще какой каракулевый. Но нет, лучше не думать об этом, иначе буду весь вечер мучиться срамными фантазиями. Кажется, уже начинаю мучиться...

По пути в парк кого только не встречаем. Ведьмы, гномы, феи, некроманты, черти, тролли, гоблины, даже кикиморы здесь есть, странно, не видала раньше. И все как один в красивых нарядах. А вон и госпожа Мари-крю со своим большим семейством. Когда проходим мимо, кланяюсь ей, она же хитро улыбается, кивает на Адама и незаметно для остальных показывает мне «класс». Ну, посмотрим, надеюсь, она права. Дорожные инспекторы тем временем регулируют движение на перекрестках и переходах, пропускают пешеходов, работники администрации мэра разгуливают со специальными нашивками на груди, помогают отдыхающим с навигацией.

А как красиво вокруг! Все украшено гирляндами — столбы, деревья, арки, фасады зданий, всюду тыквы разных форм и размеров, где-то вообще навалены горкой в телегах и присыпаны сеном. Аниматоры в костюмах маклаев бродят по тропинкам и пугают зазевавшихся взрослых, а детям раздают конфеты. Когда же входим в парк, у меня случается эстетический шок. На открытых территориях стоят домики-тыквы, где желающие могут выпить горячего чая и заесть тыквенным пирогом, в других — купить тыквенное повидло с добавлением меда и орехов. На импровизированных сценах разыгрываются представления, играет живая музыка. Вдоль дорожек стоят торговые лотки, где продают сахарную вату, бублики, яблоки в карамели, леденцы и многое-многое другое.

— Нам туда, — указывает Адам на возвышение, где как раз собралась элита.

— Может, мы здесь побродим?

— Обязательно побродим, но засвидетельствовать свое почтение мэру я обязан.

— Так иди, мы подождем.

— Что значит «иди»? Я сюда приехал с тобой, с детьми. Так что и пойдем вместе. Или ты забыла, что согласилась стать моей парой?

— Да я помню, просто...

— Все, никаких разговоров, — крепко сжимает мою руку. — И да, — склоняется к уху, — совсем забыл сказать: согласившись стать моей парой, ты автоматически стала моей, Кейна.

— Да что ты говоришь? — а по коже бегут мурашки. — Не много ли на себя берешь?

— Беру ровно столько, сколько могу унести, — подхватывает меня на руки и несет по лестнице вверх.

— Адам, ну, неприлично же... пусти.

Тут замечаю вспышки фотоаппаратов совсем рядом с нами. Ну вот, теперь еще и на страницы газет попадем, блеск!

Адам

Я не лукавил, не игрался, не пытался юморить, когда сказал, что она теперь моя. И пусть привыкает к этой мысли, вернее, факту. Кейна нужна мне, и, смею утверждать, ей нужен я, а детям нужна полноценная семья. Все в плюсе.

— Адам, не дури. Опusti меня на землю.

— Сейчас опущу. Куда ты вообще торопишься? Сиди и получай удовольствие, — еще крепче прижимаю ее к себе. До чего же мягкая, нежная, потрясающая — и моя. Вся-вся моя, от верхушки шляпы до кончика каблука.

— Нас фотографируют.

— И отлично. Можем даже попозировать.

А на просторной площади, где в окружении старых дубов и елей стоит большая сцена, возведенная специально для выступления де Брока, народу тьма. В основном, тут все наши, а также врачи, пожарные, деятели науки и искусства, ну и, конечно, сам мэр под руку со своей молодой женой. Кажется, четвертой по счету.

— Пойдем поздороваемся, — ставлю Кейну на ноги.

Де Брок встречает нас широкой улыбкой и как всегда елейным голосом.

— Господин Герон, — протягивает руку, — рад, очень рад. А вы сегодня с очаровательной спутницей, — обращает взор на Кейну. — Приятно познакомиться, госпожа?..

— Кейна. — Подает ему руку, к которой этот жеманный бюрократ припадает своими губищами.

Честно говоря, еле вытерпываю сей акт любезности. К счастью, Кейна тоже не в восторге и тоже терпит. А вообще мне надо брать себя в руки, подобные приступы неуместной ревности допускать нежеже.

— Приятной вам ночи, — отпускает-таки ее руку де Брок. — А завтра жду вас, Герон, на доклад.

— Всенепременно.

— Мам! — Настя тем временем бежит к лотку с кренделями. — Купишь?

Но я перехватываю устремившуюся следом за ней ведьму:

— Стой-стой-стой. Куда побежала? Я сам.

— Какой ты щедрый, — прячет она кошелек обратно в сумочку.

— Я такой. — Затем беру Отиса и Настю за руки: — Вперед, товарищи дети.

А когда подходим к лотку, у меня рот открывается, так как в продавщице узнаю Риту.

— Добрый вечер, господин комиссар, — расплывается она в улыбке.

— Вы и здесь работаете?

— Этот лоток принадлежит хозяину кафе.

— Ах, ясно. В таком случае нам... э-э-э, Настя, — беру ее на руки, — выбирай.

— Я хочу вот этот, розовый. А Отису шоколадный. Да, Отис? — смотрит на него сверху вниз.

— Угу, — прилипает мой чертенок к витрине. — Лучше по два бери, пока папа добрый.

Да? — улыбается рыжее чудо во весь рот. — Тогда нам четыре. Два розовых и два шоколадных.

— Ваша дочь? — принимается за упаковку Рита. — Такая рыженькая. Не похожа на чертовку.

— Да, моя дочь. И она не чертовка.

Тут к нам подходит Кейна:

— Слушайте, а можно мне тоже? Что-то есть захотелось.

Госпожа Герон, — кивает ей Рита, — какой крендель желаете? У нас есть большого размера, как раз для вас.

— Н-да? — усмехается. — Тогда дайте мне самый большой из больших и со слоем глазури потолще.

— Конечно. Вам подогреть?

— Обязательно. Такие крендели хороши только горячими.

И что-то мне подсказывает, говорят они вовсе не о кренделях. До чего все-таки пронизательная ведьма. Хотя только слепой не заметит, как Рита на меня смотрит. И что забавно, Кейна слова против не сказала, когда чертовка признала ее моей женой.

Когда же нам отдают наши крендели, мы идем в тыквенный домик.

— Прошу, госпожа Герон, — отодвигаю для Кейны стул.

— Да полно вам, Адам Гаспарович. Я лишь поддержала легенду. Не обольщайтесь.

— Я, пожалуй, обольщусь. А крендели большие и правда самые вкусные.

— Не доводилось еще пробовать. Этот первый, — и откусывает кусочек, отчего на губах остается шоколад. — Ничего так, но я все же переоценила свои возможности. Крупноват, — а улыбается так, что у меня все сводит внутри.

— А ты смакуй... и еще, — касаюсь ее губ большим пальцем, — испачкалась. Не будь здесь мелких, я бы тебя облизал, — говорю как можно тише.

— Может, и оближешь... — подается ко мне, отчего в нос бьет сумасшедший аромат ее духов, переплетенный с ароматом сдобы. — Сегодня ночью.

Бес мне в ребро! Даже так?

— Смотри, я ведь возьму и поверю, — едва не давлюсь воздухом.

На что следует неоднозначная улыбка. Ну все, теперь только об этом и буду думать.

А малыши ловко и с аппетитом управляют со своими лакомствами, после чего в них просыпается необузданное желание посетить здешние аттракционы.

Надо же, никогда бы не подумал, что буду так радоваться этому празднику. Такому уютному и семейному. Но она здесь, она рядом, а с ней вместе в мою жизнь вернулось счастье, надежды, вернулась любовь... да, я ее люблю. Люблю разную — злую, вредную, добрую, обиженную, безудержную, спокойную. И ночью докажу ей свою любовь, буду долго доказывать.

Большую часть вечера так и ходим вместе: то я держу Кейну за руку, то она меня под руку. Когда удаётся улучшить момент, целую ее. Дети меж тем носятся от одного аттракциона до другого. А Отис ведет себя как никогда по-взрослому — оберегает Настю, вовремя ловит ее хвостом, чтобы не свалилась или не лезла куда не надо.

Вдруг до ушей доносится знакомый голос:

: — Мой дорогой комиссар!

— Риша, — улыбаюсь на развороте, — и ты здесь!

— Чтобы я да пропустила такой праздник! А где Кейна?

— Повела детей в туалет. Как ты?

— Очень даже неплохо, — и демонстрирует мне свой наряд: черно-оранжевое платье, белые колготки, шляпу. Что сказать, Риша видит в себе скорее ведьму, чем некромантку. — Классно?

— Выглядишь шикарно.

Тут и моя ведьма возвращается, однако при виде Риши как-то сразу напрягается.

— Привет, Кейна. Обалденно смотрите вместе, — улыбается белокурое создание.

— Здравствуй, — улыбается в ответ. — Благодарю. Какое у тебя шикарное платье.

— Сама шила. Я могу к вам присоединиться? — и крепко сжимает метлу.

— Да, Риша, — отвечаю вперед Кейны. Не могу я ей отказать, жалко девчонку, — конечно, можешь. Мы думали сейчас пойти вон в ту тыкву, — указываю на большой ресторан-шатер, где я пару часов назад зарезервировал столик.

— Ух ты! Как здорово.

Но только мы собираемся отправиться в ресторан, как встречаем очередного знакомого. Геделя! И выглядит он что-то чрезмерно помятым, а когда подходит, становится ясно: перебрал знатно, хотя на ногах держится уверенно. Но это же Гедель, даже пьяный в стельку он будет ровно держать спину и оттопыривать пальчик.

— Адам, — кивает мне, — Савьерри, — обдает ведьму убийственным взглядом, — дети, — улыбается Отису с Настей, — и вы, простите, не знаю вашего имени, — обращается к Кейне.

— Кейна.

— Приятно познакомиться, некромант Арон Гедель. Коллега вашего черта.

— Взаимно, — жмет ему руку.

— Риша, — поворачивается пьяный блондин к ведьме, — можно тебя на пару слов?

— Простите, господин Арон, но нет. Я намереваюсь пойти со своими друзьями в ресторан, — опирается на метлу.

— Вот как... Может, и меня пригласите? Мы вроде как все коллеги, все друзья.

— Арон, — меня уже откровенно начинает раздражать этот театр одного актера, — ты чего так надрался?

— Я в норме. Но у меня к тебе встречный вопрос, Адам. Тебе не многовато ведьм, а? — резко ошетинивается.

— Поясни. — Ну все, достал мертвячник.

— И с Ришей спишь, и с прелестной Кейной милуешься на каждом углу. Смотри-ка, настоящий черт.

— Ты что такое несешь? — Еще чуть-чуть и я врежу по этой благородной морде.

А Кейна стоит и уже явно что-то не то думает. Спрашивается, вот какого беса? Почему хотя бы один вечер не может пройти без идиотских сюрпризов?

— Что я несу? Я говорю, как есть. Да, Савьерри? — косится на нее. — Твои же были слова.

Но мне уже плевать на их недомолвки, меня заботит только Кейна, которая едва заметно улыбается, после чего берет детей за руки и уходит. Дьявол меня задери! В ту же секунду хватаю подонка за грудки и впечатываю в ближайшее дерево.

— Совсем охренел, придурок?! — рычу почти зверем.

— Адам! — кидается ко мне Риша. — Пусти его! Пожалуйста, пусти! Гедель не виноват.

— Вы что здесь учудили, а?

— Просто я... прости, Адам. Боюсь, я довольно двусмысленно трактовала Геделю наши с тобой взаимоотношения.

— Да неужели? — еще сильнее вдавливаю белобрысого в ствол. — Вы двое испоганили мне и моей девушке праздник. Вот что вы сделали. А ты... — смотрю на застывшего как хамелеон некроманта, — когда уже превратишься в мужика, наконец?

Хотелось бы разбить ему рожу, но что толку. Все-таки здесь имеет место элементарная ревность. И

кому сейчас действительно не мешало бы устроить хорошую трепку, так это Савьерри.

— Бес с вами, — отпускаю Геделя. — Веселитесь на здоровье.

— Адам, — хватает меня за руку Риша, — прости, пожалуйста! Я не думала, что все получится так скверно!

— Ты теперь не у меня прощения проси.

Голубки-альбиносы, блин. Честное слово, зла не хватает.

Кейну нагоняю у машины.

— Послушай, давай поговорим, — ловлю ее за руку. — Все совсем не так, как тебе могло показаться. Вот вообще не так. У меня никогда ничего не было с Савьерри.

— Только она убеждена в обратном. Все, давай не будем выяснять отношения.

— Ты-то не будь такой упертой! Эти двое между собой что-то там не поделили, а меня сделали крайним.

— Я хочу обратно, Адам, и совершенно не хочу обсуждать ваши с Ришей непонятки.

— Да нет у меня с Ришей никаких непоняток! Кейна!

Но она мягко отталкивает меня и садится в машину. Просто супер! Что-то у меня уже и сил нет злиться.

Кейна

Вот так и знала, что между ними есть связь. Слишком уж восторженными взглядами каждый раз одаривала ведьма этого вруна. А Адам — типичный черт: и с одной кувыркается, и другую окучивает, и скорее всего третью — продавщицу кренделей. Я сразу поняла: эти двое друг друга знают. Девушка меня с потрохами готова была сожрать, когда я подошла и нарушила их милую беседу.

И почему я решила, что Герон чем-то отличается от других мужиков? Такой же бабник. Но, с другой стороны, хорошо, что все вскрылось именно сейчас.

Еще выкручивается, оправдывается, пытается защищать эту белокрысую курицу. А как сразу воодушевился, стоило ей подойти! И черт меня задери, я ревную. Но на этом все, хватит. Как ни печально признавать, с мужчинами мне не везет.

Поскорее бы вернуться обратно. К счастью, Герон больше не пытается объяснить свою непричастность к телу Савьерри, так что добираемся до дома под мирное сопение детей, бедняжки вымотались и уснули практически сразу. Да уж, хороший был праздник, жаль закончился так не празднично, по крайней мере, для меня. Для Насти с Отисом все было чудесно, весело, красочно, и утром каждый из них получит по котелку сладостей.

По прибытии разносим своих чад по кроватям, после чего я лично отправляюсь в душ, а потом сразу в постель. Однако уснуть не получается. Мне плохо... да, плохо. И ведь знала, что этим все закончится, случись между нами нечто большее, чем работа. Теперь на душе гадко, потому что хочется вернуться в свой мир, к своей прежней жизни, но в то же время я не хочу бросать Отиса. Какой толк от того, что Герон сделал ремонт, навел порядок, если ребенок снова останется один? Отису нужна помощь. Он невероятно смысленный чертенок с большим сердцем, направь его сейчас в нужное русло — и все пойдет как по маслу, а сверни не туда — полетит в тартарары.

Меж тем все еще пытаюсь улечься. Да что ж такое? Почему так неудобно? Тогда запускаю руку под подушку. Ну вот, опять Настя разбросала свои игрушки. Насей раз обнаруживаю зайца Рому. Вчера было ЛЕГО, на которое я каким-то чудом не наступила.

— Видишь, Роман, как оно бывает, — усаживаю зайца между подушками, — думаешь, встретила своего принца, а он оказывается обычным чертом. Может, мое счастье с варлоком? Или некромантом? А лучше с гномом. Говорят, гномы очень хозяйственные, все в дом, все в семью.

Под столь грустные мысли и засыпаю. И снова вижу старый дом, комнату, мальчика. Он сидит за столом, собирает карточный домик.

— Привет, Кейна! — произносит, не глядя на меня.

— Привет, Тэмар. Как у тебя дела?

— Лучше, а вот тебе плохо.

— С чего ты так решил? — сажусь в кресло рядом с его кроватью.

— Чувствую. Ты тоскуешь по дому. А еще тебя обидели. Меня тоже часто обижают, но я привык.

— Кто тебя обижает?

— Они, — указывает на фото, которое как по волшебству появляется на стене.

На фотографии изображена семейная пара, а по обе стороны от них сидят дети. Справа Тэмар, а слева девочка лет трех.

— Это твои родители?

— Да, но я их не люблю.

— А рядом кто? Твоя сестренка?

— Угу. Марика.

— И где она?

— Ее больше нет. Кейна, а ты хочешь посмотреть мой дом? — резко бросает карты и разворачивается ко мне.

— Если покажешь, с радостью посмотрю.

— Тогда тебе надо встать и идти. Это недалеко. Я тебя провожу.

— Так я уже здесь.

— Не совсем. Вставай, — подходит ко мне, — я отведу.

Спустя пару минут мы выходим из комнаты и оказываемся где-то в лесу. Вокруг темно, чаща то стонет, то ухает, то ветками трещит. Жутковато. Как хорошо, что это всего лишь сон. Это ведь сон? Но когда оглядываюсь, мальчишки уже и след простыл.

— Тэмар?! Ты здесь? — всматриваюсь в темноту ночного леса, однако кроме стволов высоченных деревьев ничего различить не могу.

Вот я попала! Сейчас бы впору проснуться, но как-то не просыпается. А чаща звучит слишком по-настоящему, отчего по телу начинает расползаться липкий холод. Вдруг черные стволы впереди вспыхивают зеленым светом, за ними следующие, озаряя путь и явно указывая направление. Очень хочется верить, что это всего-навсего сон.

— Ладно, была не была.

Следуя за всполохами света, скоро попадаю на небольшую поляну, окруженную могучими дубами. Посреди нее темнеет старый покосившийся дом жуткого вида. И вдруг ощущаю руки, схватившие меня за талию, а следом слышу голос:

— Вот ты и здесь, Кейна. У меня дома, — и голосок-то далеко не детский.

— Вы кто? Что вообще здесь происходит?

— Я твое будущее, — прижимает кто-то меня к себе, — а ты мое.

— Где тот мальчик?

— Сразу за тобой, — слышу в голосе улыбку. — Мальчишкам свойственно вырастать. Мне очень хотелось показать тебе это место. Именно тебе, Кейна. Место, где творился ад, где брат потерял сестру, где сын потерял родителей, где ребенок потерял детство.

— Да кто ты такой? — хочу обернуться, но он не дает.

— Однажды ты меня видела, даже говорила со мной.

— Ты был моим клиентом?

— Может быть, да, а может, и нет. Именно здесь я хочу признаться тебе в чем-то очень важном.

И руками забирается под футболку. Господи, какие же они холодные, но дыхание у этого типа горячее.

— Я люблю тебя, Кейна, — после чего следует легкий поцелуй в шею, а я понимаю, что не могу двигаться.

— Отпусти меня, пожалуйста.

— Отпущу, моя хорошая. Конечно, отпущу. Ты единственная сумела вдохнуть жизнь в мою давно уже мертвую душу. И мне очень жаль, что ты оказалась в лапах этого никчемного черта, но я спасу тебя, обязательно спасу.

— Кто ты такой?

— Мое имя Тэмар, любимая.

— Что случилось с твоей семьей?

— Не сейчас. Как я и говорил, ты обо всем узнаешь, но позже.

— Мне же все это снится?

— И да, и нет.

А в следующий миг наступила темнота, и последним отголоском сознания прошелестел шепот:

— Спокойной ночи, Карина.

Открыв глаза, я не сразу поняла, что произошло, и главное, где я нахожусь. Надо мной нависали зеленые ели, по которым сновали белки. Лучи солнца пробивались сквозь кроны и рассеивались бисером на буро-желтой траве. Это что вообще такое? Каким образом я очутилась посреди леса? А время-то не сказать что раннее, ибо солнце уже высоко. Ой, да я босиком! Ужас! Так и воспаление легких получить можно. Надо срочно выбираться из этой чащи, знать бы только, где я. Но важнее, чьими стараниями я сюда попала. Или это Адам так рассерчал, что под покровом ночи вынес из дому и подбросил под елку? Настя! Вот дьявол!

Тремя часами ранее

Адам

— Как пропала?! Что значит пропала?! — смотрю на Настю ошалевшим взглядом. — Ты шутишь?

— Нет, — всхлипывает та и крепко прижимает к себе зайца, — я проснулась, а мамы нет.

— Идем! — хватаю ее за руку, и мы вместе поднимаемся на второй этаж, заходим в комнату Кейны.

Кровать расправлена, а моей ведьмы нет. Причем скоро я понимаю, что ее нет нигде. И что еще хуже, я не чувствую ее! А раз не чувствую, выходит, связи больше нет? Куда могла деться Кейна? И когда? И почему вообще решила уйти? Без дочери бы точно не ушла, не в ее характере.

— Насть, ты точно не видела маму? Может, она вставала? Не знаю, воды попить или в туалет сходить?

— Я спала. Где мама, дядя Адам? — А губы уже дрожат, из глаз вот-вот хлынут слезы.

— Так, оставить панику! Обещаю, хвостом клянусь, что найду ее. Хорошо?

На что девчушка кивает, но слезы все равно ползут по щекам. Тут подключается Отис. Он тоже напуган, но держится, видимо, из-за Насти. Мой чертенок берет ее за руку и уводит кормить живоглотов с тарантулами. А я остаюсь стоять как идиот, потому что в голове не укладывается происходящее.

Мой дом под защитой, никто чужой сюда бы не проник, остается только одно: Кейна сама ушла. Тогда осматриваю кровать, заглядываю под нее, нахожу там тапочки, потом исследую оба выхода из дома. Бесы меня задери, двери закрыты изнутри! Не через дымоход же она выбралась и не в окно

сиганула, в конце концов. Да и вся верхняя одежда на месте. Снова возвращаюсь в спальню. Ничего! Абсолютно ничего! Будто она и не вставала с кровати. Без помощи тут не обойтись.

— Алло! Корсак? — спешно набираю помощника. — Мне срочно нужна Зельда! Да. Сбрось мне ее номер и как можно скорее.

Ведьма прилетает спустя два часа. У меня тем временем уже все трясется внутри, злость распирает с такой силой, что боюсь сорваться и только хуже сделать. Надо, надо держаться. Дьявол, где же ты, Кейна? Где? Что с тобой случилось?

— Господин комиссар, — входит в дом ведьма. — Прошу прощения за опоздание, но меня не было в городе, с семьей отправились в горы.

— Да, ясно. Идем за мной, — чуть ли не тащу ее за собой. — Вот, — подвожу Зельду к кровати Кейны. — Вчера вечером в эту постель легла девушка, а сегодня утром я ее не нашел. Более того, смею утверждать, дом она вообще не покидала.

— Вы в этом уверены? — косится на меня с явным недоверием.

— По-твоему, я похож на неуверенного в своих словах черта?

— Извините. Сейчас я все здесь осмотрю. Но ваш дом под защитой, и защитой мощной.

— О том и речь. В него никто не входил и не выходил, однако моя женщина пропала.

— Прошу, дайте мне немного времени.

На что киваю и выхожу из спальни. Сердце меж тем колотится с бешеной скоростью, аж в груди давит. Только бы Зельда нашла что-нибудь. Что угодно. А часы тикают, отсчитывают минуты, притом далеко не в мою пользу. И спустя ни много ни мало час Зельда наконец-то открывает дверь.

— Зайдите, господин Герон.

— Ну? Нашла? Не томи!

— Ваша девушка действительно покинула дом, но не по своей воле. Все произошло, когда она спала. На постельном белье, — взяла в руки подушку, — присутствует едва ощутимый эмуш — крупницы магии, которые остаются от порталных окон.

— Как такое могло произойти? Кейна не владеет столь сильной магией.

— Ну, я могу точно сказать, что магией она все-таки владеет, притом ее магия крепнет с каждым прожитым днем в этом мире. Однако вы правы, здесь имеет место быть очень сильная магия и очень мощный проводник. Заклинание «ночных путешественников» требует большой силы, опыта и желания проводника. Кто-то очень хотел забрать вашу девушку.

— Может, хватит без конца повторять слово «очень»?

— Хватит или не хватит, господин Герон, но нас кто-то очень поимел, — криво усмехается.

— Как работает это заклинание?

— В основном через сон. В это время мозг наиболее податлив, можно легко внушить любую мысль, любое действие. Более того, спящий спокоен, он осознает, что все происходит не по-настоящему, что это плод его воображения, потому и не сопротивляется. Портальное окно открывается сразу, как только маг получает согласие на перемещение.

— И где она теперь может быть?

— Где угодно, — отвечает на выдохе. — И с кем угодно. Вы не думали, что это происки маньяка? Насколько я знаю, именно от него вам поступила угроза расправы.

— Я уже думал об этом, — опускаюсь на кровать. Какой из меня к бесам комиссар, если не уберечь единственную дорогую сердцу женщину. И если Кейну забрал этот сукин сын, он ведь тогда мог... даже думать не хочется. Я привел ее к себе в надежде на лучшее, а что в итоге? — Меня один момент смущает. Как этот урод вышел с ней на связь?

— Артефактом мог послужить любой предмет, к которому Кейна прикасалась и который остался у похитителя. Чем она занималась?

— Чем она занимается, — смотрю на ведьму со злостью в глазах. — Кейна печет торты.

— Мой вам совет, собирайте поисковую группу и прочесывайте леса и парки. Если следовать логике душиателя, он мог оставить ее именно там.

— На что ты намекаешь?

— Вы и сами прекрасно понимаете, на что.

— Нет! Она жива! И я ее найду!

Сразу после ухода Зельды вызываю несколько нарядов. Несмотря на протестующее сердце, разум твердит свое: надо последовать совету ведьмы. Вдруг подонок решил оставить мне очередное послание. Но если эта мразь хоть пальцем прикоснулась к Кейне — найду и живьем похороню.

Как сейчас хочется что-нибудь разнести, только в доме дети и пугать их я не имею права. Настя и так напугана дальше некуда.

— Пап, — подходит ко мне Отис. — С Кейной ведь ничего плохого не случилось? — А хвост у него места себе не находит, впрочем, как и мой, просто свой я прячу.

— Ничего. Вчера мы с ней немного повздорили, видимо она обиделась и решила прогуляться. Такое бывает с взрослыми.

— Но ты же ее найдешь?

— Да, Отис. Найду.

— Так ищи... вдруг она заблудилась?

— Хорошо. А ты постарайся успокоить Настю. Поиграй с ней, развлеки. Сегодня ты в доме за главного.

На что мой чертенок кивает со всей серьезностью во взгляде. Мне же пора браться за дело.

Кейна

Черт, я уже ног не чувствую, несмотря на то что большую часть пути левитирую. Путешествовать по осеннему лесу босиком — то еще извращение. И как долго я вообще здесь блуждаю? А бесов лес все не заканчивается.

Голова тем временем пухнет от мыслей. Почему я здесь? Кто явился ко мне во сне? Хотя по всем признакам никакой это был не сон. Вот ведь сволочь, в любви мне признался и бросил посреди чаши без обуви. Прелестно! Все мужики одинаковые. Думают только о себе!

Тут чувствую запах дыма. И такой это вкусный желанный запах, что забываю про все на свете и аки лесная лань несусь на встречу спасительному, надеюсь, костру. Но выхожу вовсе не к костру, а к хорошо знакомому домику.

— Твою ж мать, — смотрю на живоготов в саду, которые дербанят какое-то несчастное животное.

Так, может, и не было никакого психа из сна? И Гаспарович руки не прикладывал? Может, это все проделки белобрысой ведьмы? Ну, попадись она мне, все космы повыдергиваю стерве.

Савьерри открывает практически сразу, и ее бесстыжие глазищи тотчас лезут на лоб.

— Не ждали? А я пришла! — иду на нее, полная праведного негодования и желания показать мерзавке кузькину мать.

— Кейна?! Ты как здесь оказалась? — пятится назад. — Что произошло?

— Это я у тебя хочу спросить, какого хрена?

— Клянусь, с Адамом у меня ничего нет! Я сама хотела сегодня приехать и поговорить с тобой, объясниться. Но вижу, ты решила не ждать. Только почему босиком? И в пижаме...

— Твоих рук дело? — нависаю над этой пигалицей. — Я полдня шастаю по этому долбанному лесу!

— Так, стоп! — ловко отпрыгивает от меня. — Что бы ни случилось, я тут ни при чем.

— А кто тогда при чем?

— А что случилось-то? Слушай, тебе бы согреться не мешало.

Через пару минут я уже сижу на диване, закутанная в плед, а на ногах красуются теплые чуни из овчины. Риша тем временем подбрасывает дров в печку, после идет в кухню. И пока гремит там посудой, я успеваю задремать. Бессонная ночь и пережитый стресс все-таки дают о себе знать.

— Рассказывай, — громко ставит на стол поднос, отчего я подскакиваю. — Ой, прости... Вот, держи, — протягивает мне чашку, — обязательно выпей, сразу полегчает.

— Надеюсь, это не какое-нибудь зелье, после которого я превращусь в опарыша для твоих клыкастых цветочков?

— Нет, что ты, всего лишь липовый отвар с добавлением меда, корня имбиря и тертой цедры лимона. Так что же с тобой приключилось? — усаживается в свою тыкву.

А я старательно принимаюся к предложенному отвару, но кроме названных ингредиентов ничего больше не улавливаю, хотя обоняние у меня первоклассное. В итоге делаю глоток. Что ж, очень и очень вкусно, хоть и довольно терпко.

— Не знаю, что именно. Уснула в своей кровати, а проснулась в лесу.

— И все? Больше ничего?

— Помню мужика, вернее голос, ледяные руки, а еще это мурло призналось мне в любви, после чего я благополучно отключилась.

— Могу предположить, что ты столкнулась с местной знаменитостью, которого Адам пытается поймать вот уже второй год. Но смущает признание.

— Это что еще за знаменитость?

— Маньяк здешний. Время от времени душит ведьм.

— Ах, у вас тут и маньяки имеются? Прекра-асно.

— Свои психи везде есть, что ж поделать. Я с ним тоже столкнулась. И он меня не тронул. Теперь вот ты. Что-то это все дурно пахнет.

— Я бы сказала, воняет. А Адам молодец, очередной раз проявил себя во всей красе.

— Он тебе разве не рассказал?

— Нет, конечно. Эгоист несчастный! Хотя чему тут удивляться, когда у него целый гарем имеется. Одной больше, одной меньше.

— О каком гареме ты толкуешь? — качает головой. — В отличие от многих чертей, Адам, считай, принял обет безбрачия. После того, как его бросила жена, он и не встречался ни с кем серьезно. Ты первая.

— С тобой тоже у него все несерьезно?

— Со мной у него вообще никак, Кейна. Некоторое время назад Адам спас меня от тюрьмы, можно сказать, дал второй шанс. И я им воспользовалась. С тех пор мы просто друзья, надеюсь, все еще хорошие. При всем уважении к Адаму, черти как мужчины меня совершенно не привлекают. Я больше по варлокам и некромантам.

— Это ты про, как его там, Геделя?

— Да. У нас с ним все как-то закрутилось, вопреки здравому смыслу, а еще я имела неосторожность намекнуть ему на якобы интимные отношения с Адамом. Вот Арона и переключило.

— И зачем ты это сделала?

— Потому что он так забавно бесится каждый раз, когда думает, что я сплю с Героном. В общем, прости меня. Не думала, что Гедель начнет выяснять отношения. Да и вообще ни о чем не думала. В итоге подставила Адама. А он ведь по тебе сохнет. Так сохнет, что скоро вконец иссохнет. Видела, что с его хвостом творится, когда ты рядом?

— Ну, видела.

— Вот и думай. Хвосты у чертей отвечают за бессознательное поведение, действуют на инстинктах.

— А который час? — резко выпрямляюсь. Вот блин, совсем ополоумела после ночных гуляний. Надо

же Адаму сообщить, где я! И даже боюсь представить, что сейчас с Настей. Мой котенок, наверное, в ужасе! — От тебя можно позвонить?

— Пять часов. Слушай, давай не будем никого волновать. Я сама тебя отвезу.

— Это как?

— На метле, как же еще. Ты ведь наверняка ни разу не летала.

— Боюсь, я не удержусь.

— Удержишься. У меня страховочный пояс есть. Прицепим тебя. Каждая ведьма должна прокатиться под луной на метле. И да, я сейчас пытаюсь всячески загладить свою вину. У меня не так уж много друзей, Кейна. Если подумать, всего один. Адам. И с тобой мне хотелось бы иметь теплые отношения, поэтому прошу, давай зароем этот топорик войны.

— Ладно. Но нам стоит поторопиться.

— Понимаю: дочка... Она у тебя прелесть. И Отис хороший мальчишка. У них, между прочим, большое будущее.

— Ты это о чем?

— Да так, мысли вслух. Идем. Кстати, чуни можешь оставить себе.

— Спасибо.

На метле?! Что-то у меня вызывает сомнения эта затея. Но, с другой стороны, почему бы и нет? За сегодня со мной столько всего произошло, что полет на метле станет прекрасным завершением дня. Да и быстрее оно получится, чем сначала ждать Адама, потом ехать обратно; причем, я уверена, мы снова поругаемся. А так — вжик, и я на месте. Если, конечно, не свалюсь по пути. Все-таки где я и где настоящая ведьма, у которой за плечами столько часов полета.

Минут через десять мы готовы к взлету. Хотя кого я обманываю? Лично я совсем не готова, чего не сказать о Рише, которая умело пристегнула меня специальным поясом к себе, отрегулировала длину ремня, проверила карабины.

— Не волнуйся, летаю я очень аккуратно, не лихачу. Ты, главное, не дергайся.

— Слушай, может, все-таки как-нибудь по земле?

— Не трусь, Кейна. Тебе еще пригодится этот опыт.

— Не думаю.

— Какие же вы все неуверенные в себе, ужас.

И в этот самый момент отрываемся от земли. Высоту набираем довольно быстро, отчего у меня начинает кружиться голова, ныть желудок и трястись все имеющиеся конечности. Зато Риша чувствует себя прекрасно.

Весь путь, который стал настоящим испытанием, я только и могла что молиться про себя. Нет уж, полеты — это определенно не мое. А когда мы идем на снижение, откровенно вцепляюсь в ведьму что есть силы.

Посадка происходит практически незаметно, но, несмотря на это, ноги меня не держат, поэтому валяюсь мешком на землю, а следом утягиваю за собой Ришу.

— Мило, — бормочет сквозь смех. — Две валяющиеся ведьмы на лужайке черта, что может быть оригинальной!

— Мне бы сейчас рюмку коньяка, я как раз захватила с собой. Для добавления в сиропы. Не желаешь? — смотрю на черное-черное небо, усеянное звездами.

— Желая. Вообще я не любительница, но тут грех отказываться. Когда предлагают, надо-таки брать.

— У тебя в роду точно только варлоки и некроманты? — наконец-то удается мне улыбнуться.

— Ну да. А что?

— Ничего, — с трудом поднимаюсь, затем отстегиваю себя от Риши. — Идем. Сейчас хорошенько накатим.

И только входим в дом, как ко мне в объятия бросаются мои дети. Облепляют с двух сторон, третьим меня обвиняет хвостик Отиса.

— Мама! — пищит Настя. — Мама вернулась!

— Где ты была? — смотрит на меня со слезами на глазах чертенок. — Почему ушла? — и сопит так грозно.

— Детки, если я вам расскажу, вы не поверите. Главное, я снова здесь. А где твой папа? — прислушиваюсь к звукам в доме.

— Он уехал тебя искать.

— Угу, надо бы ему позвонить.

— Надо, надо, — кивает Риша, — ты плохо Адама знаешь, он ведь может весь Ксантип кверху дном перевернуть, так что поспеши. Обалдеть! — и обращает внимание на окружающую красоту. — Вот это ремонт! Сколько же тэргов ушло на все про все?

— Полагаю, много.

— А какая штукатурка! — подходит к стене. — Какие полы! зуб даю, Кейна, Адам втрескался в тебя по самые томаты. Глянь, какое гнездо свил! И где там обещанный коньяк?

— Сейчас. — В этот момент набираю Адама. Но что-то он не берет.

Адам

Уже полночь.

Еще телефон забыл в кабинете. Придется сворачивать поиски до завтрашнего утра и ехать домой, к детям. Это Отис у меня привык быть один, но не Настя.

Если бы только кто-то знал, что у меня творится в душе. Сдохнуть хочется. Мы прочесали несколько крупных парков и ближайший ко мне лес, но ничего. Так поганно мне еще никогда не было. Я не уберег Кейну, лишил ребенка матери.

— Господин Герон, — подходит к машине Корсак, — поезжайте домой. Утром продолжим.

На что молча киваю.

— Будем надеяться на лучшее, Адам, — откуда ни возьмись, появляется Гедель.

— Тебе какого беса тут нужно? — Вот только его мне еще не хватало.

— Вообще-то, мы все на одной стороне. Я отправился на поиски с одной из групп.

— Слишком тебя много в последнее время.

— Предлагаю выпить, — выпрямляется этот павлин стриженный.

— Мне нужно домой к детям, — завожу мотор. — И я с тобой не то что пить, я с тобой на одном поле... короче, ты понял.

— Прости за тот инцидент, Герон. Это все из-за Риши.

— Да плевать я хотел на тебя вместе с Ришей, — и вырливаю на дорогу.

Сейчас мне плевать на них всех, меня заботит только Кейна. Подонок мог сделать с ней все что угодно. А я, как и год назад, ни хрена не могу. Какие бы громкие обещания себе не давал, но на деле я по-прежнему беспомощен. Его возможности и мои несопоставимы, он долбаный варлок, к тому же хитер и очень осторожен. И он всегда оказывается на шаг впереди. Что до того послания, то никакой это был не приступ паники, сукин сын действовал по четкому плану, а что ужаснее, добился-таки своей цели.

По пути домой пытаюсь подобрать правильные слова для Насти, но ничего в голову не идет. Дьявол! И чтобы хоть как-то справиться со злостью и отчаянием, выжимаю педаль газа. Движок ревет, колеса собирают все ямы и колдобины, мимо пролетают деревья, холмы, низины. А когда подъезжаю к мосту, резко торможу. Что же я им обоим скажу? Есть лишь один вариант — соврать.

Только вот себе не соврешь, себя не обманешь.

Если бы можно было повернуть время вспять, я бы не стал трогать Кейну. Она жила своей жизнью, занималась любимым делом, воспитывала дочь, но тут влез я со своим «хочу». Влез и все испортил.

За годы службы доводилось видеть всякое: как мужья убивают жен из-за сущей мелочи, как чернокнижники совершают зверские ритуалы, как садисты и психи воруют людей для своих игр. После такого, казалось бы, уже ничему не удивляешься, ничего не боишься, но сейчас мне как никогда страшно. И боюсь я смотреть в глаза этой маленькой рыжей девочке, которая ждет возвращения матери. Но мне придется.

Паркуюсь как можно тише, а когда поднимаюсь на крыльцо, то еще минут пять стою напротив двери и морально готовлюсь к встрече с детьми.

— Ладно, все равно другого пути нет, — и захожу в дом.

В ту же секунду в нос бьет аромат выпечки, а до ушей доносится голос, ее голос. Да как это?! Кейна! Тем временем из зимнего сада продолжает раскатываться эхом: «Летят утки, летят утки...», но следом слышится второй знакомый голос: «...и два-а-а гус-я-я». Какого хрена вообще творится? У меня что, начались галлюцинации? И сорвавшись с места, несусь в направлении сада. Совсем скоро взору является совершенно дикая картина. Две ведьмы сидят на столе, пьют коньяк, едят торт, причем уже руками и орут песни. Причем настолько увлечены и настолько накачаны спиртным, что меня в упор не замечают. Я же стою столбом и пошевелиться не могу. Живая! Пусть пьяная, пусть вся перепачканная и лохматая, пусть абсолютно не умеет петь, но живая!

— Кейна, — слетает с губ, отчего она вздрагивает, резко замолкает и медленно поворачивается ко мне.

— Адам, — спрыгивает со стола. — Ты не подумай чего, я тебе звонила, но ты не отвечал.

— Потому что забыл телефон в комиссариате, — кое-как бормочу вдруг онемевшим языком.

— Адам, — машет мне еще более пьяная Риша, — приветтики! А мы тут тортиками балуемся. Кейна так шикарно печет, я в восторге. И я ей все-все объяснила про нас, — выставляет руки вперед, — что мы с тобой ни-ни.

— Где ты была? — подхожу к своей ведьме, хватаю ее и что есть сил, прижимаю к себе, отчего бедняжка ахает, но терпит. — Где, Кейна?

— Сама не знаю, — поднимает на меня осоловелый взгляд, — где-то в лесу.

И все, меня накрывает. Я беру ее на руки и несусь наверх.

— Вы идите, идите, — хихикает нам в спину Риша, — за меня не переживайте, я на диване посплю. Только доем сначала...

Пока поднимаемся на второй этаж, все смотрю Кейне в глаза:

— Где дети?

— Спят, — кладет голову мне на плечо, а рукой касается лица. — Что происходит, Адам?

— Все завтра, любимая.

— Любимая? — вдруг вздрагивает.

— Да.

— В таком случае неси меня туда, — указывает на дверь в мою спальню.

— Именно туда и несусь.

Когда оказываемся в комнате, ставлю Кейну на ноги, она же берет меня за руку и тянет за собой в ванную. Но зачем? Зачем нам в ванную?

— Даже не думай, что я лягу в кровать в таком виде. Да и тебе не помешает освежиться.

Но я уже ничего не замечаю, ничего не понимаю. Все мое внимание сконцентрировано на ней. На том, как она закрывает дверь на щеколду, как подходит ко мне и начинает раздевать, а я стою как очумевший и безропотно выполняю ее требования поднять руки, опустить, наклониться, выпрямиться. Однако когда Кейна берется за мои штаны и вместе с трусами стягивает до колен, меня словно током бьет.

— Так и будешь стоять? — ведет пальцами по животу, спускается ниже, но у самого основания останавливается.

— Извини, — резко прихожу в себя, — сейчас.

И парой быстрых движений освобождаю свою рыжую бестию от пижамы, под которой, оказывается, у нее ничего нет. Силы нечистые! Смотрел бы и смотрел на ее нереальное тело. Такое настоящее, женственное, нежное, возбуждающее. Округлая грудь, которая явно чуть больше моей ладони, надо будет проверить. Узкая талия, соблазнительный животик, к которому до дрожи хочется припасть губами. А уж все, что ниже — это моя мечта последних недель. Держите меня семеро, она везде рыженькая! Кейна же улыбается так по-лисьи, поглядывает на мою полную боевую готовность и губы покусывает. Да, милая. Это все теперь твое, бери и пользуйся.

— Идем, — тянет меня в сторону ванны.

Спустя пару минут мы уже сидим друг напротив друга, тогда как горячая вода заполняет эту чугунную лохань размера XXL.

— Мне было так страшно, — перебирается ко мне на колени, обхватывает ногами. — До слез, — запускает пальцы в волосы.

— Знаю, — веду губами по ее шее, — мне тоже.

В этот момент Кейна слегка приподнимается, и вот, я ощущаю себя в ней.

— Не шевелись, — обнимаю хулиганку крепко-крепко. Мне нужно прочувствовать ее, насытиться этим состоянием, в конце концов, немного остыть, чтобы все не закончилось, еще толком не начавшись.

Но она до того своенравная, что не дает толком в себя прийти — начинает двигаться. И с каждым очередным движением, с каждым соприкосновением я теряю самообладание. Мой хвост уже творит беспредел — ласкает ее там, где мне было бы слегка неловко, все-таки кто знает, как Кейна относится к такого рода ласкам. Хотя сейчас нам обоим не до неловкости.

Эта ведьма однозначно создана для меня, а я хочу быть для нее. И больше к ней никто пальцем не прикоснется.

— Покажись мне во всей красе, — вцепляется в плечи ноготками.

Я показываюсь, мне скрывать больше нечего. А от осознания, что ей нравится целовать и ласкать меня такого, готов сию секунду сдать все позиции, но рано. Ведь главное она. Ее удовольствие превыше всего.

— Ты ведь только мой черт, Адам? — уже не просто двигается, а вздрагивает, выгибается.

— Только твой.

В ту же секунду с губ Кейны срывается стон, а я ощущаю, как ее тело сладко сжимается.

— Каракулевый комиссар, — замедляется моя любимая ведьма. — Теперь твоя очередь, — и накрывает губы своими.

А за мной не заржавеет, я уже тысячу раз готов. И давно как еле терплю.

— Моя говоришь? — улыбаюсь, после чего подхватываю ее, разворачиваю спиной и снова насаживаю на себя. — Держись крепче, — и она хватается за края ванны, мой же хвост обвивает Кейну за талию. От каждого толчка ведьма вздрагивает, стонет и сильнее вцепляется в борта. Спустя какие-то две-три секунды меня накрывает с головой, сердце рвется вон из груди, в легких не хватает воздуха, а по ногам прокатывается судорога. Это то самое состояние, когда кажется, что познал суть всего и вся, после чего в теле резко заканчиваются силы, эйфория уступает место полнейшему расслаблению. Да, сейчас мне хочется лечь в постель, прижать к себе любимую женщину и забыться. Она здесь, она рядом, она жива.

Быстренько смыв с себя все следы полового преступления, заканчиваем с водными процедурами. Я подхватываю Кейну на руки, уж больно мне нравится ее ощущать, и несу в кровать — в мою кровать, где мы будем спать до самого утра. И с этого момента так будет всегда.

— Я не верю, — мотает головой рыжая-бесстыжая, когда ложится мне на руку, обнимает.

— Поверь, Кейна, теперь мы вместе, — а хвост обвивает ее ногу, — это чтобы ты не упала с кровати, а то мало ли.

Но она и не против.

Кейна

Если бы я умела летать, я бы непременно оседлала метлу и поднялась высоко в небо, как раз туда, где сейчас парит моя душа. И виной тому этот несносный черт, который спит мертвым сном, а за ногу продолжает держать крепко. Видимо, его хвост всегда начеку.

Смотрю на Адама и все еще не верю, что мы с ним были близки. Но повторения хочется, и очень. Вот прямо сейчас, пока все спят, пока солнце не взошло. Тогда касаюсь его хвоста, отчего тот напрягается, шерсть на нем встает дыбом, а следом встает дыбом и кое-что другое. Какая интересная взаимосвязь! Подергай одно — и встанет другое.

Уже через пару секунд я лежу спиной к Герону, а его хвост ласкает меня между ног. Зато Адам продолжает сладко дрыхнуть. Нет, ну каков лентяй!

— Не желаешь присоединиться? — толкаю его локтем в грудь.

— Так я уже, — пододвигается поближе.

Настойчивая ласка доводит до иступления слишком быстро. И как же приятно осознавать, что моя фригидность имела место быть только потому, что у меня черта не было. Тогда в мгновение ока оказываюсь на нем верхом. Хочу его обласкать с ног до головы, хочу всего зацеловать. Однако я снова недооцениваю хвост, который обвивает меня за шею и слегка оттягивает назад, чтобы его хозяин мог сесть и преспокойно целовать меня сам.

— Главный тут я, — касается он губами всего, до чего дотягивается.

— Так уверен, — хватаю за кончик этого удава и провожу языком чуть выше метелки, отчего Адам зажмуривается, а главное, теряет контроль.

Правда, ненадолго. И видимо, я сделала что-то такое, за что сейчас буду расплачиваться своим несчастным телом.

— Сама напросилась, — заваливает меня на спину и начинает целовать с таким напором, что я готова кричать «сдаюсь», но увы, рот занят. В общем, остается лежать и получать удовольствие.

Вдруг Адам останавливается, прекращает терзать мои губы:

— Я люблю тебя, — и осторожно входит, наполняет собой до отказа. — Люблю и хочу, чтобы ты мне верила.

Но ответить мне ему нечего. С признанием торопиться не стоит, а доверие... Доверию нужна почва в виде поступков. И да, черт меня побери, Адам глубоко въелся в душу, он мне нужен, с ним я начала мечтать о чем-то большем, чем просто стабильная работа и достойная зарплата. С ним я снова увидела в себе женщину. Вот прямо сейчас вижу эту женщину в отражении его карих глаз. И вижу, как сильно он меня хочет, чувствую это. Однако спешить боюсь. Боюсь спугнуть то, что зародилось между нами минувшей ночью.

— Обещаю, что очень постараюсь... довериться, — касаюсь пальцами его губ.

Страсть тем временем уступает место медленным и чувственным движениям, которые ощущаются настолько ярко и полно, что мое сознание, мое тело, моя душа — все подчиняется этому мужчине.

Удовольствие накрывает ожидаемо скоро, но мучает нас долго, после чего мы, крепко обнявшись, проваливаемся в сон.

Однако пробуждение наступает неожиданно. А причиной тому становятся жуткие визги и грохот, что доносятся снизу. Адам подскакивает, едва успевает натянуть на себя штаны, буквально втискивается в них на бегу, а я натягиваю на себя его огромную футболку, свои пижамные штаны и выбегаю следом. Но в гостиной нас, запыхавшихся и одичавших от испуга, ждет забавная картина. Риша в простыне изображает призрака, а Отис с Настей носятся от нее как маленькие слонята, сшибая все на своем пути.

— Мама! — вскрикивает мой рыжий слоненок и подлетает обниматься, сразу за ней подбегает Отис.

— А мы тут привидение ловим!

— Ничего подобного! — возмущается Савьерри, так и не сняв с себя простыню. — Это я вас ловлю!

На что Адам как-то нервно дергается и очень осторожно опускается на диван. Бедный, бедный зловредный комиссар, он аж побледнел.

— Слушайте, призраки дома на холме, давайте вдарим по завтраку. Риша, за мной, — киваю в сторону кухни, а ты, — перевожу взгляд на Адама, — а ты просто посиди тут, переведи дух.

— Нам бы еще обсудить все, что произошло, — наконец-то выходит он из ступора.

— Обсудим, обязательно. Но только после завтрака. — Честно говоря, даже вспоминать не хочется о прошедшей ночи. Хоть и придется.

Мы с Ришей удивительно быстро справляемся. Она хозяйка просто отличная, даже к магии ни разу не обратилась, все сама.

— Любишь готовить? — подаю ей тарелки с омлетом.

— Обожаю, — расставляет их на столе, причем в строго определенной последовательности, и поправляет приборы, чтобы каждый лежал ровно относительно соседнего. — А еще я немного педантична, из-за чего не терплю бардак. До тебя в доме Адама творился настоящий хаос. Я когда пришла травить грибок, мой внутренний перфекционист страдал и плакал. Зато посмотри, как здесь теперь. Не думала, что Адам на такое способен. Вот что с чертями любовь делает.

— И не только с чертями.

— Да уж, — неожиданно смурнеет Риша.

— Почему ты не хочешь поговорить с Геделем? Объясниться с ним по-человечески. Мужик с ума по тебе ходит. Тот вечер в парке стал очень показательным.

— Не хочу. Он опьянен страстью, и причина оной в моих способностях. Арон некромант науки, любит учиться, познавать новое, экспериментировать. И когда он ощутил мою силу, ему снесло крышу. Так что здесь нет искренних чувств, есть лишь временные сильные эмоции, которые я обязана свести на нет. Мне большого труда стоило обрести гармонию с собой и окружающим миром, посему нырять снова в пучину разрушительной страсти не имею никакого желания.

— Может, все совсем не так. Может, он искренен.

— Такая вероятность тоже есть, только проверять как-то не хочется. Поддаться искушению легко, а вот обратно вернуться бывает слишком сложно. Я это уже проходила. Влюбилась в козла, открылась ему, и куда меня привела любовь? Фактически в тюрьму.

— Вряд ли с Геделем будет то же самое. Он-то не преступник.

— Не преступник, — садится на стул, — он еще хуже. Гедель самовлюбленный честолюбивый сноб, привыкший добиваться своего. Мне с ним всегда будет очень и очень душно. В итоге все закончится разбитыми сердцами, точнее, одним-единственным разбитым сердцем. Моим.

— Понимаю тебя как никто. Но я, к примеру, устала быть одним в ноле воином.

— Возможно, и я когда-нибудь устану, однако пока мне и одной хорошо.

— Неужели тебе не страшно жить на кладбище?

— А кого там бояться? — пододвигает к себе тарелку, втягивает носом аромат омлета. — Там все мертвые. Иногда, конечно, духи бродят, но с ними у меня давно дружба-мир-жвачка. Тем более не забывай, что я наполовину некромантка, а значит, смерть всегда со мною рядом.

— Я еще слишком мало знаю о вашем мире, — выглядываю в гостиную, где Адам уже вовсю играет с детьми в шашки. — Завтракать!

— Узнаешь. И не только о мире, но и о себе. Ты себя очень недооцениваешь, Кейна.

— Скорее принимаю себя такой, какая есть, — жду этих игроманов, которые все не идут.

— А какая ты есть?

— Я наполовину человек.

— Ну-ну...

— Что ты этим «ну-ну» хочешь сказать?

— Да ничего. Не обращай внимания, просто мне свойственно видеть в окружающих больше, чем порою есть на самом деле. А еще обожаю напустить туману.

За завтраком царит настолько приятная атмосфера, что я все время улыбаюсь. Настя с Отисом водрузили на стол своих живоготов, которые едят вместе с нами, правда, им достались гусеницы, которых успела насобирать на заднем дворе Савьерри. И сейчас я поняла, почему Адам так заботится об этой ведьме. Она с чудинкой, но в душе добрая, а еще одинокая, как бы ни пыталась доказать, что одной ей хорошо. Да и на кухне Савьерри чувствует себя уверенно. Может, предложить ей место в мастерской? По сути, я-то осталась без помощниц.

— Адам, дорогой, — подливает Риша нам всем чаю, — меня не будет недельку-другую, поэтому не теряй и не ищи.

— И куда ты собралась? — хмурит свои густые брови мой черт.

— Решила на время сгинуть. А куда именно, не так уж и важно. Хочу отдохнуть душой и телом.

— А как же твой сад?

— Сегодня-завтра весь молодняк заберут заказчики, а старички уже не требуют такого пристального внимания, они спокойно проживут без меня пару недель. Боле того, к зиме их метаболизм замедляется, следовательно, еды им требуется меньше.

— Ну, оно и к лучшему, — кивает Адам, затем смотрит на меня виноватым взглядом.

— Да, к лучшему, — поднимается Риша и начинает собирать тарелки. — Спасибо вам огромное за гостеприимство. Такого торта с коньяком вприкуску я еще никогда не ела и давно уже не играла в жуткое привидение, а про совместные посиделки за столом так и вовсе успела забыть. Благодарю, что напомнили.

После чего накидывает куртку, складывает в рюкзак вчерашнюю амуницию, которой пристегивала меня к себе, и направляется к двери. Но я выхожу за ней следом:

— А как же Гедель? Ничего ему не скажешь?

— Нет. Ему особенно не нужно знать, куда я и как надолго. Если будет искать, скажите, что уехала. И все, — берет метлу, усаживается на нее. — Тебе бы тоже прикупить транспортное средство, — хитро улыбается. — Однажды пригодится, — а через пару секунд взмывает в небо, откуда кричит: — Уж извини, прощаться не люблю!

Я же стою на крыльце и смотрю вслед удаляющейся ведьме. Хотела бы я так же? Наверное. В этом мире мне начинает много чего хотеться. Магия она такая, она манит. В этот момент стучаю пяткой о пятку, но не успеваю оторваться от пола, как оказываюсь в руках своего вредного двухметрового комиссара.

— Ну что? Теперь поговорим? — целует в макушку.

— Да, поговорим.

— Тогда идем, — тянет меня на задний двор, где на возвышении растет старый дуб. — Садись, — подводит к качелям.

И когда усаживаюсь, Адам берет за веревки.

— Всегда мечтал это сделать, — раскачивает качели, затем отходит на пару шагов в сторону и с каким-то детским восторгом наблюдает за тем, как я рассекаю воздух. — Прости меня.

— За маньяка, о котором мне рассказала Риша? — усмехаюсь без особого желания.

— За него. Я побоялся, что ты не останешься, если узнаешь. А в итоге получилось еще хуже.

— Уже простила, Адам. Психи водятся во всех мирах, к сожалению.

— Расскажи все, что помнишь.

— Мне приснился сон, причем второй раз. Первый еще в мире людей. Зброшенный старый дом, детская комната и мальчик. Он неоднократно называл свое имя, но после пробуждения я его все время забываю. Последний раз этот мальчик предложил посмотреть, где он живет. И я оказалась в чаше. Не знаю, продолжала ли я на тот момент спать или нет, но вдруг появился мужчина, подошел со спины, обнял, — в этот момент замечаю, как Адам нахохливается, сцепляет зубы, — а потом признался мне в любви.

— В любви?! — округляет глаза.

— Да. Сразу после я отключилась. И проснулась утром в лесу, только ни дома того уже не было, ни мальчика, ни мужчины, ничего. Сплошной лес.

— А как ты очутилась у Риши?

— Вышла на ее дом. Видимо, этот подонок бросил меня неподалеку. Он ведь и к Рише приходил.

— Приходил, — кивает и едва не изрыгает огонь от злости.

Адам

Так, может, не во мне вовсе дело? Вдруг ублюдку нужна Кейна? А я — помеха. Если душитель скачет между мирами, значит, он мог знать ее и раньше. Мог следить за ней. И тут появился я, спутал ему все карты. Но признание?! Он убивает ведьм-чернокнижниц, а Кейна даже к светлой магии прибегает крайне редко. И сны эти. Так, мне срочно нужно связаться с Корсаком.

— Кейна, боюсь, душитель открыл охоту на тебя, а все остальное — это отвлекающие маневры, чтобы нас запутать.

— На меня?! Так влюбился, что решил придушить? — растерянно хлопает ресницами.

— Не знаю. Мы нашли связь между убитыми им ведьмами. Они все практиковали темную магию с жертвоприношениями. Даже последняя убитая им девушка состояла в Клубе семи кинжалов.

— Что еще за клуб такой?

— Бестолковые школьницы и студентки организовали кружок по интересам, где взывали к тьме. Ритуальными жертвами у них служили бродячие кошки и собаки. Но с этого все и начинается, как правило. Сначала животину мучают, а потом на людей переключаются или любые иные существа. Но что страшнее всего, на детей. Потому что ребенка похитить легче.

— Ужас какой.

— Да, чернокнижники — одна из главных проблем нашего мира. Мы, конечно, стараемся следить за ними, вовремя вычислять и ликвидировать, в Ксантиппе таких практически не осталось, если не считать только что зародившихся и действующих наподобие этого клуба «юных натуралистов».

— Но я-то тут при чем тогда?

— А этот твой знакомый, — останавливаю качели, — Артем, кажется. Как ты с ним познакомилась?

— В автобусе. Знакомство у нас вышло довольно странное. Как оказалось, он долгое время наблюдал за мной, прежде чем подойти. Мол, боялся отказа.

— Наблюдал, значит.

— Ты думаешь, это он?

— По крайней мере, именно он ошивался около тебя, был в твоей мастерской, трогал твои вещи. Послушай, — опускаюсь перед ней на корточки, — с этого момента будь осторожна, я еще раз приглашу к нам знакомую ведьму Зельду, возможно, она поможет. Кстати, это ведь он подарил Насте зайца?

— Да, он, — кивает с диким ужасом в глазах. — Я как раз нашла этого зайца у себя под подушкой в ту ночь.

— Так, нам надо немедленно в дом.

Пока возвращаемся, я набираю сначала Зельду, потом Корсака. Обоих вызываю к себе. Имя доверяю, как себе, эти двое служат со мной с самого первого дня.

Дома Кейна быстренько отвлекает детей, уведя их в мастерскую печь печенье, я же нахожу зайца. Пусть Зельда глянет на этого пушистого диверсанта. Корсак с ведьмой прибывают спустя полтора часа, и мы поднимаемся в мой кабинет.

— Посмотри вот это, — передаю Зельде игрушку. — Мне нужно знать, напуган ли зайка магией. Он был в постели Кейны, когда она пропала.

— А откуда заяц? — берет его в руки.

— Его подарил моей девушке один знакомый в ее мире. Весьма подозрительный тип. И коль мы знаем, что душитель не ограничивается нашим миром, будет нелишним проверить. Тебя прошу, — обращаюсь к Корсаку, — пробить этого товарища. Зовут Артем, Зельда выудит из моей памяти его облик, мне случилось с ним повстречаться.

— Хорошо. И да, мы опросили наших коллег из мира людей. Подобных случаев не зарегистрировано. Видимо, он мокрушничает только здесь.

— Так что? — перевожу взгляд на ведьму. — Ты вообще себя нормально чувствуешь? — замечаю красноту на ее лице.

— Давление скачет. Досталась от матушки гипертензия, — и глаза ее загораются синим, она снова что-то шепчет малопонятное, заяц тем временем зависает в воздухе и начинает вращаться вокруг своей оси. Длится ритуал недолго, а когда Зельда заканчивает, то с совершенно спокойным видом усаживает зайца на мой стол, — ваш пушистик чист, Герон.

— Уверена? — кохусь на зайца.

— По-вашему, я похожа на неуверенную в своих словах ведьму? — возвращает мне должок с ехидной ухмылкой. — Если бы игрушка хранила магию, я бы это увидела. Но нет.

— Что ж, спасибо.

— Так мне проверять вашего знакомого? — напоминает о себе Корсак.

— Да, проверь. На всякий случай. Магия могла и иссякнуть, так ведь? — обращаюсь к Зельде.

— Могла, если миссия была выполнена. Но крупички бы все равно остались.

— Крупички не крупички, а пробить товарища надо.

— Будет сделано, — кивает помощник. — Вас де Брок искал. Вы же не явились к нему на доклад.

— Да, не явился, я пропавшую женщину искал. Так и передай нашему достопочтимому мэру.

— Хорошо.

— И потом, у него есть ручная обезьянка в лице Геделя, вот он пусть и отчитывается.

— А вы не думали, что все произошедшее — очередной способ сбить нас со следа? — опускается в кресло Зельда. Н-да, выглядит она скверно. — Душитель явно затеял какую-то игру против вас лично. Он всеми способами пытается дезориентировать нас. И делает это весьма успешно, будто в курсе всего и вся. Мне думается, он прекрасно обо всем осведомлен, потому и дергает за ниточки столь умело.

— Предполагаешь, это кто-то из ближнего окружения?

— Я этого просто не исключаю, господин комиссар. Год назад он спокойно ушел от преследования, хотя операция была засекречена и знали о деталях лишь единицы.

— Нам только еще крысы в конторе не хватало, — сажусь на край стола.

— Эта версия вполне жизнеспособна, — подает голос Корсак.

— Но кто? — смотрю то на него, то на нее. — Вы же понимаете, насколько это серьезно?

— Безусловно.

— Значит, проверять теперь будем и своих тоже. Но очень осторожно. Если мы правы, то любой промах может спугнуть урода. Если же не правы, а тем не менее информация всплывет, наш участок ждет как минимум расформирование, помимо грандиозного скандала.

Что ж, Зельда высказала мнение, которое гораздо хуже моей версии с маньяком Артемом. Волк в овечьей шкуре.

— Ну что? — появляется Кейна, когда я закрываю дверь за коллегами. — Проверили игрушку? — спрашивает почти шепотом.

— Да. Все чисто.

— Получается, и Артем вне подозрений?

— Возможно, но мы его все равно проверим. А зайца можешь вернуть Насте. Хотя я бы его выбросил, отвратительный заяц.

— Серьезно? — медленно подходит ко мне, встает на цыпочки, чтобы обнять. — В чем же виноват бедный заяц? Опять ревнуешь?

— А я и не прекращал, — беру ее за талию. — От тебя пахнет печеньем, — склоняюсь к рыжим локонам, вдыхаю сладковатый аромат. — Так бы и съел.

— Ночью съешь, — задирает голову и явно напрашивается на поцелуй.

— Учти, я тебя везде понадкусываю. Особенно задержусь вот здесь, — отправляю свой хвост ей под юбку.

Вдруг щеки Кейны вспыхивают, следом она утыкается носом мне в грудь.

— Пойдем, ты должен попробовать печенье. Я его готовила с особым ингредиентом.

— И что за ингредиент?

— Не скажу, пока это секрет.

В мастерской тем временем дети с аппетитом едят большие плоские печенюхи и запивают молоком, и мы к ним присоединяемся. А пока невероятно вкусное печенье тает во рту, я продолжаю думать о словах Зельды. Если крыса завелась на моем участке — это мой личный провал. Значит, я не справился с возложенной на меня миссией, с ответственностью, но что ужаснее всего, допустил столько смертей.

Неделю спустя

Риша

Вот как чувствовала, что весь мой отдых на природе накроется медным тазом. Думала, проведу пару недель вдали от дома, отвлекусь. Угу, размечталась. С другой стороны, с бабулей встретила на перекрестке миров, поболтала с ней по душам. Она-то и обрадовала меня вестью, что я беременна!

Хотя подсознательно я к этому была готова с того самого дня, когда все случилось. Кейна права, один в поле не воин, и мне не нравится быть совсем одной. Хочется иметь родственную душу рядом. А кто это может быть, как не ребеночек? Дети любят родителей просто так, потому что они родители, а не из-за способностей или привлекательной внешности. Только мне теперь придется переехать. И подальше. Делиться своим ребенком я ни с кем не намерена.

Обратно лечу как никогда осторожно, чуть выше макушек деревьев. Все, теперь мне нельзя рисковать, нельзя нервничать. Отныне только положительные эмоции. Вот как раз и займусь поиском нового жилья, просмотрю варианты в соседнем городе. Говорят, Бервут спокойнее Ксантиппа, не так густонаселен, и маньяков там не водится, поскольку город закрыт и попасть туда можно, только если имеется родня, проживающая на его территории. У меня как раз тетка по линии отца обосновалась в Бервуте без малого двадцать лет назад. Подыщу себе домик подальше ото всех, заживу по-настоящему, буду воспитывать своего маленького некроманта или некромантку с капелькой ведьмы.

Но на подлете меня ждет очередное испытание в виде Геделя, сидящего на крыльце и подбрасывающего жуков моим живоглотам. И давно он там сидит, что успел с ними подружиться? Вот какого беса ему нужно? Я ведь и словами, и делом показала свое нежелание продолжать с ним встречаться.

Когда приземляюсь, Арон тут же встает.

— И где ты была? — прямо в лоб, ни здарсьте, ничего. Ишь, какой деловой выискался.

— А я разве забыла перед тобой отчитаться?

— Риша, что это за такие идиотские игры?

— Прости, какие игры? Я улетала по делам.

— Почему ты избегаешь меня? — подходит, без спроса хватая за плечи, а через мгновение я уже стиснута в крепких объятиях.

— Дорогой мой Гедель! — пытаюсь выкрутиться. — Между нами ничего нет. Хватит надумывать лишнее. Ну, переспали два раза, подумаешь. С кем не бывает! Пусти.

— Я соскучился по тебе, — прижимает к себе еще крепче. — И даже не злюсь из-за всей этой выдуманной истории с Адамом. Понимаю, хотела вызвать ревность, что тебе прекрасно удалось.

— Арон! А ну! — и применяю-таки магию, чтобы отпустил. Гедель резко слабеет, разжимает руки. — Так-то лучше, — тяну спину до хруста. — Итак. Теперь о нас с тобой. Да, я немного переборщила с Адамом, из-за чего подставила его, благо, потом все исправила. Но между мной и тобой по-прежнему ничего нет и не будет, Арон. Прошу тебя, давай вот прямо сейчас разойдемся каждый в свою сторону. Я туда, — указываю на дверь, — а ты туда, — машу себе за спину. Договорились?

— Нет, не договорились, — засовывает руки в карманы, взгляд тем временем темнеет, на скулах желваки начинают ходить ходуном. — Ты будешь со мной.

— Серьезно? — аж смех разбирает от такой самоуверенности.

— Абсолютно, Риша. Серьезнее и быть не может.

— Скажу тебе так. Читай по губам. Ни-ко-гда э-то-му не бы-вать. Уяснил?

Вдруг он снова садится на верхнюю ступеньку крыльца, достает из кармана сигареты, однако я их перехватываю в ту же секунду и отправляю в ведро с дождевой водой:

— Даже не думай дымить на моем участке. Это вредно для живности, — и для меня самой заодно.

— Послушай, — прячет обратно в карман зажигалку, — я много думал о твоих последних словах. О том, что я воспылал к тебе интересом из-за способностей. Это не так, Риша. У нас в университете есть и покруче полукровки. Они, конечно, придерживаются закона и не балуются темными практиками, но сила в них большая. Дело в другом. В искренней симпатии. Мне хочется быть именно с тобой. Я чувствую, что встретил ту, которая сделает меня счастливым, которую я смогу сделать счастливой. Которой я с радостью отдам весь задний двор своего дома для этих зубастых уродцев.

— Нет, Арон. Мне не нужен твой задний двор для моих уродцев. Я не хочу кого-то делать счастливым, не готова к такой сумасшедшей ответственности, — грустно улыбаюсь, потому что мне действительно грустно. — В моей жизни пока нет места мужчине. Прошу, уходи. Могу вернуть тебе хурму. Ей уже лучше. Все-таки тетушкин посмертный подарок.

На что получаю немой кивок.

— Тогда подожди здесь. Сейчас вынесу.

Но когда захожу в сени, просто открываю рот. Хурма уже вся зеленая и вот-вот зацветет. Удивительной красоты дерево, даже отдавать жалко, но оно принадлежит Геделю. Пусть будет ему небольшим утешением. А я себе такое же заведу. Точно, помимо орешника у меня обязательно будет хурма. Она полезна как взрослым, так и детям.

Но Арон не дожидается и заходит следом за мной и так же впадает в ступор.

— Это точно мое дерево? — с недоверием и одновременно восхищением смотрит на пышущее жизнью растение.

— Твое, твое. А скажи-ка, твоя тетушка была чистокровной некроманткой?

— Говорила, что да, но семья всегда подозревала в ней наличие другой крови. Предположительно какого-то залетного варлока.

— Что ж, я подтверждаю, тетушка была частично ведьмой. Это древо напитано ее магией. И, думаю, не просто так она завещала хурму именно тебе.

— У нас с ней всегда были теплые отношения, она искренне переживала за меня и каждый раз желала найти то, что я так давно ищу. Мне думалось, она говорила о науке, которой я был одержим с юности. И знаешь, как Шепра повела себя, когда я привел к ней знакомиться свою жену?

— Как?

— Не пустила в дом. А потом при разговоре сказала, что я ослеп и оглох, раз выбрал себе в пару эту фарфоровую куклу.

— Мы часто не слушаем старших, часто считаем себя умней, взрослей, мудрей, чем есть на самом деле. В итоге совершаем ошибки, из-за которых впоследствии приходится чем-то жертвовать. К примеру, я пожертвовала семьей.

— Риша, — касается он моего лица.

— Все, Арон. Не будем продолжать этот разговор. Бери хурму и заботься о ней как положено. Поставь в прохладное, светлое и хорошо проветриваемое место, избегай жары, морозов и сильных сквозняков.

— Я еще вернусь, — берет горшок.

— Попробуй, рискни здоровьем, — складываю руки на груди.

— Рискну, не сомневайся.

Но он снова не слушается. Треклятый некромант берет меня за талию, подтягивает к себе и начинает целовать в шею:

— От тебя пахнет лесом, — шепчет.

— Пожалуйста... — и невольно закрываю глаза.

— Нет, не проси меня уйти сейчас, — забирается пальцами под свитер, добирается до груди и накрывает ее ладонями. Дьявол, опять, что ли, тело предаст? Слишком уж хорошо в его руках.

— Ты совершенно верно заметил, что от меня пахнет лесом, а значит, я бы очень хотела отправиться в душ, после чего намереваюсь отдохнуть.

— Не надо тебе в душ, — вдруг разворачивает к себе лицом. — Я всю неделю не мог нормально спать, меня трясет от одного твоего запаха.

— Надеюсь, в любви признаваться не начнешь, а то я в считанные секунды выставлю тебя за дверь.

— Не начну, потому что этого и не нужно, все слишком очевидно.

— Ну вот, признался-таки. Зря, Арон, зря.

— Не зря, — впивается в губы.

Как мы оказываемся в спальне, бес его знает, да и плевать уже. Раз оказались, значит, тела нас все-таки предали, и противиться природе нет никакого смысла. Видимо, пора привыкнуть к тому, что каждая наша встреча заканчивается постелью, или ковром в гостиной, или задним сиденьем автомобиля. Да-да, в ночь празднования Огненной тыквы мы так переругались, что в итоге очутились в его машине. Но зачатие произошло однозначно в гостиной, тут и сомнений быть не может. В этот момент меня так накрывает от осознания происходящего. Я с мужчиной, от которого у меня скоро будет ребенок. Ох, до чего же это возбуждающе!

— Извини, дорогой, но сегодня я за главную, — вынуждаю некроманта сдать позиции, буквально вдавливаю его силой магии в матрас так, что он не может пошевелить ни руками, ни ногами. — Лежи смиренно и больно не будет, — приподнимаюсь, упираюсь руками ему в плечи и насаживаюсь на Арона с такой силой, что он аж испариной покрывается. Бедненький, думал, наверное, сломаю. Но я-то знаю, что делаю.

— Ты меня не отпустишь? — едва сдерживается.

— Нет. Ты сам напросился, — продолжаю наш аттракцион «американское родео», кажется, так называется. — Терпи, мой милый Арон.

Приходится контролировать силу его возбуждения, но и самой с каждой минутой становится все тяжелее сдерживаться. И когда Гедель зажмуривается, когда закусывает губу, когда я вижу это сладкое мучение на его красивом лице, я сдаюсь. В тот же миг сдается и он. После такого взрыва меня дико тянет поцеловать надоедливов судмедэксперта, но не могу себе этого позволить. Нельзя. И да, я завтра же возьмусь за поиски нового жилья, иначе это безобразие не прекратится. Уеду молча. Чтобы никто не знал, когда, куда и как надолго.

Арон Гедель

Пора признаться себе, я не могу без этой женщины. Она мне нужна. Нужна рядом. Каждый день и каждую ночь. Да, это мука, помешательство, неизлечимая болезнь. Но Савьерри мне не верит. Гонит от себя, упирается, а проблема именно в недоверии. Считает, что обойдусь с ней так же, как ее горе-ухажер или семья — брошу, откажусь, оставлю одну. Но это не так. Не брошу и не откажусь, потому что нашел, что искал.

Только как бы вложить это в голову Рише.

Увы, мне пришлось уехать. Она снова меня выпроводила вместе с деревом, которое сейчас трясется на переднем сиденье, пока я еду в направлении дома. Но ничего. Как говорится, вода камень точит. И Савьерри меня однозначно плохо знает. Я не отступлю! Буду приезжать к ней каждый день, буду кормить ее живоглотов мерзкими скользкими гусеницами, от которых те в восторге, буду возить ее в город, буду брать ее из раза в раз, в общем, всячески проедать плешь ведьме. Однажды она сдастся, поймет, что нет смысла прогонять того, кто давно вошел в ее жизнь.

На дорогу уходит без малого два часа, но я и не тороплюсь, даже в кафе успеваю заглянуть. Честно говоря, возвращаться в пустой дом мне совершенно не хочется. Да и никогда не хотелось; видимо, это одна из причин, почему мне нравится задерживаться на работе.

Однако, войдя, чувствую нечто странное. Такое ощущение, что в моем доме кто-то побывал. Нет ни запаха, ни следов, но аура не та. Возможно, мои нервы тому виной, однако я готов руку дать на отсечение, что здесь кто-то шастал и облазил каждый уголок. Что еще за дела? Деньги, ценности на месте, значит, не грабители. Неужели и впрямь крыша едет?

Теткину хурму ставлю на высокий столик в гостиной, здесь как раз светло, прохладно и нет сквозняков, после чего опускаюсь на диван, закрываю глаза. А тело все еще помнит произошедшее в спальне ведьмы, да что там помнит, у меня все ноет внизу. Эта маленькая дикая кошка прокатилась на мне, как еще никто не катался. В какие-то мгновения думал — хана, останусь без рабочего инструмента, но Савьерри вовремя сбавляла темп. Как же хочу повторить! Бесы меня задерги, кажется, я тащусь от женского доминирования, кто бы знал. Точнее, от доминирования одной-единственной женщины, вот ради нее готов хоть ошейник надеть.

Завтра я к ней снова приеду, пусть хоть что делает, хоть всю свою магию на меня натравит, плевать. Теперь я прекрасно понимаю Герона. Он даже спрашивать у Денисовой не стал, хочет она или нет, просто взял и перетащил ее в свой мир. Правда, эта Кейна слабая, она бы и не смогла ему противостоять, чего не скажешь о Рише.

А когда открываю глаза, вижу удивительной красоты дерево, полностью распустившееся светло-желтыми цветками. Зацвело, и все благодаря Савьерри. Так, глядишь, и плодоносить начнет.

Спать отправляюсь, полный мечтаний и фантазий о завтрашней встрече. Но прежде, чем нагрнуть к ведьме, надо ей что-нибудь привезти. Что-нибудь особенное. Как-никак она девушка, а все девушки любят подарки. Но что ей купить? И спустя минимум час мыслительной работы на износ на меня таки снисходит. Эврика, как сказал бы известнейший философ древности! Такому подарку Риша однозначно будет рада.

Утром первым делом привожу себя в порядок, а то зарос совсем. После еду в университет, где у меня запланировано две лекции. К счастью, время летит быстро. Я успеваю разделаться со всеми делами, даже принять рефераты третьекурсников и даже кое-кому поставить неуды, поскольку эти тунеядцы снова подошли к работе без должного уважения. Засим еду на ярмарку лучших садоводов Ксантиппа, где можно купить самые редкие и удивительные растения.

«Зеленый эдем» встречает разнообразными ароматами — от невероятно приятных до откровенно тошнотворных. Огромная площадь уставлена парниками и оранжереями, есть и открытые участки. И везде зелено, несмотря на разгар осени. Мне же необходимо одно конкретное место, которое нахожу спустя минут десять. Небольшая оранжерея с неприметной надписью на вывеске «Живоглоты в ассортименте». По правде говоря, идти туда большого желания нет, все ж премерзкие создания эти живоглоты, но коль я решил сделать Рише подарок, переживу.

Правда, внутри меня ждет сюрприз — неожиданно приятный запах. Ни гнили, ни сероводорода. Неужели слюнявые монстры способны источать такие ароматы?

— Добрый вечер! — подхожу к хозяину оранжереи, как выясняется, фею.

— Добрый, господин! — кивает в ответ. — Слушаю вас.

— Мне бы прикупить парочку живоглотов. Самца и самку. Породистых.

— Взрослых, так понимаю.

— Да.

— Очень хорошо. Вы выбрали удачное время для покупки. За зиму они как раз привыкнут к новому дому, а но весне уже спокойно высадите их в открытый грунт.

— Угу...

Фей с закрученными усами, прямо как у моего бывшего тестя, подводит меня к огороженным грядкам, в которых копошатся живоглоты. И они разительно отличаются от тех, что разводит Риша. Окрас этих очень красив и необычен, даже мне нравится.

— Тут у меня опалусы. Они лучшие из сторожевых. Ни одна ворона или иной вредитель не приблизится к урожаю. Окрас у них яркий, приметный. Стебель бурый, а лепестки алые с черными пятнами.

— Зубастые божьи коровки.

— Что-то вроде того, — куксится Фей. — А вот тут, — указывает на белоснежных живоглотов с яркосиними кончиками лепестков, — лафеи. Они ручные, их чаще берут в дом. Особенностью лафеев является безграничная любовь к хозяину и друг к другу, эти живоглоты моногамны, но с другими домашними животными их лучше не держать, сожрут.

Хозяин еще перечисляет несколько видов, но мне, как некроманту утонченного вкуса, ближе всего лафеи. Думаю, Рише эти однолюбы тоже понравятся.

— Они редкие? — киваю на белоснежных живоглотов.

— Очень, — выпячивает свою трудовую мозоль вперед.

— Тогда подберите мне сладкую парочку.

— Тару какую желаете? — подводит к различным коробкам и аквариумам.

— Вот эту, — беру большой аквариум из каленого стекла.

— Прекрасно.

И когда получаю емкость с двумя изящными созданиями, которые переплелись воздушными корешками и нет-нет да вылизывают друг другу лепестки, расплачиваюсь с феем, после чего спешу обратно в машину. Теперь к ней! Но в какой-то момент становится страшно, я не привык, чтобы мне отказывали, а вдруг Риша возьмет и прогонит? Вдруг не примет подарок? Который, между прочим, от чистого сердца. Но бояться — в кишках не копать, так что только вперед.

К Савьерри прибываю довольно скоро. От ярмарки до кладбища час езды. И что же я вижу? А вижу я пустые грядки! Все живоглоты и птицееды расфасованы по ящикам, инвентарь собран и упакован. Это что еще за новости?

— Риша! — замечаю ее мелькающее платье в сарае и немедля выхожу из машины.

— Арон?! — и с грохотом что-то роняет. А как же она обалденно ругается! Но сейчас не об этом. — Ты чего тут опять забыл? — наконец-то показывается с тазиками в руках.

— Лучше ты мне скажи, какого лешего тут происходит? Что за сборы?

— Дорогой, — ставит тазики на пенек, — не думала, что увижу тебя, но раз уж ты приехал, довожу до сведения: я переезжаю.

— Вот это правильно, — неуверенно усмехаюсь, — давно пора. На кладбище тебе однозначно не место. А куда?

— Далеко. В Бервут.

— Закрытый город? — что-то мне резко плохое.

— Да. Там у меня родственница. В общем, я с ней связалась, и тетушка Лучита предложила временно пожить у нее, пока я буду искать себе новый дом. Для меня это прекрасный шанс начать все с чистого листа. Второй раз.

— Почему? — А внутри все опускается, в легких случается спазм, голова тяжелеет.

— Потому что здесь уже нет той атмосферы, какая была раньше. Ой, — заглядывает в окно машины, — а что это у тебя там?

— А, да, — открываю дверь и достаю аквариум. — Это тебе. Подарок.

— Быть того не может! Лафеи?! Лафеи снежные?! — смотрит на этих монстров с небывалым восторгом.

— Да, вроде они. По крайней мере, продавец так сказал.

— И ты их купил мне? — округляет глаза.

— Купил.

— Взрослая пара, с ума сойти, — запускает руку в аквариум и осторожно касается белоснежного лепестка. — Тише, тише, — улыбается, когда самка вздрагивает, а самец спешит ее загородить собой. — Я вас не обижу. Это невероятно, Арон! Но они же безумно дорогие. Каждая взрослая особь, способная к спариванию, идет по сорок тэргов.

— Какая разница, сколько они стоят, Риша. Скажи, почему ты собралась переезжать? Из-за меня?

— Кривить душой не буду, да, из-за тебя в том числе. Ты мне проходу не даешь. Не слушаешь, что говорю, не пытаешься понять.

— В чем твой истинный страх? Откуда такое желание отдалиться, спрятаться? Я бы поверил, что просто не нравлюсь, что противен, но наши встречи говорят о совершенно противоположном. Значит, проблема в чем-то другом. Хоть раз отключи в себе ведьму и побудь некроманткой, объяснись.

— Ты не мой уровень, вот и все, — вдруг вся ухмылка сходит с губ.

— Проблема в статусе? Только и всего?

— В статусе, в восприятии этого мира, в твоей крови. Я слишком ценю свою свободу, Арон. Не приемлю давления, даже малейшего. Люблю сама решать, как мне жить. А столь яростное желание свободы исключает желание делить жизненное пространство с кем-то еще. Давай приведу пример. Допустим, ты приходишь с работы, а вместо горячего вкусного ужина, вместо наглаженных и накрахмаленных рубашек, вместо готовой отдачи тебе женщины тебя ждет пустой дом, потому что дорогая сердцу половинка решила заночевать в дремучем лесу с целью провести один из сомнительных ритуалов. Надолго ли тебя хватит? Ну, один раз, максимум два раза стерпишь, а потом надоеет, потом начнешь злиться, пойдут ссоры и в итоге расставание. Вот такая я, Арон.

— И такой хочешь оставаться всегда? А если у тебя появятся дети? Могу понять, когда бесят попытки мужчины контролировать твою жизнь, но ребенок? Он тоже лишний будет? Тоже будет ограничивать свободу?

— Не путай мух с котлетами. Дети — это следующий жизненный этап, подразумевающий неизбежные кардинальные перемены.

— Знаешь, кого я сейчас вижу перед собой?

— И? — сейчас же вскидывает голову.

— Вижу глупую девочку, которая измеряет жизнь линейкой. Ты жаждешь заботы и любви, но как маленькая, пытаешься доказать всему миру обратное. Я люблю тебя, Савьерри. И хочу подарить тебе свое сердце. Да, такой подарок требует ответственности, но рано или поздно тебе придется брать на себя ответственность.

— Прошу, уезжай, — вдруг ее глаза наполняются слезами, губы начинают дрожать. — И живоглотов заberi. Мне ничего не нужно от тебя.

— Говорю же, как ребенок, — и не в силах больше сдерживаться, обнимаю эту гордую засранку.

— Я ведь могу лишить тебя воли, — бубнит мне в грудь.

— Можешь. В общем-то, ты давно уже лишила. Как и сна, и аппетита, а вчера чуть не лишила кое-чего очень нужного.

— Чего ты хочешь, Арон? — все-таки прижимается, забирается руками под куртку.

— Хочу забрать тебя, — шепчу ей в волосы, одновременно вдыхаю этот нежный древесный аромат.

— И не отпускать?

— Любить, Риша. Чтобы любить.

— А если не получится любить меня?

— Я настырный и терпеливый. Поехали ко мне. Вся твоя живность уместится в багажник, за остальным приедем потом.

— Какой ты быстрый, — мотает головой.

Я же иду к багажнику, открываю его:

— Показывай, что нужно грузить. — Не могу ее упустить, не имею права. И буду давить, пока не согласится.

На что Риша неуверенно кивает в сторону ящиков с живоглотами. Спустя полчаса я забиваю машину до отказа, причем не только хищниками, но и саквояжами Савьерри с самым необходимым. А она все еще в полнейшей растерянности, все еще сомневается.

— Прошу, — открываю для нее дверь.

— Арон, я...

— Ничего не говори, просто садись.

— Давай условимся, если у нас не выйдет, ты дашь мне спокойно уйти.

— Моя милая ведьма, — заключаю в ладони это бледное и невероятно красивое личико, — если у нас не выйдет, мы сядем за стол и попытаемся выяснить, почему не вышло, после попытаемся исправить свои ошибки. И уж если дипломатия и работа над ошибками не помогут, тогда я не буду тебя держать.

В ответ она с трудом кивает и забирается-таки в машину, я же готов прыгать от счастья, как мальчишка, которого впервые поцеловали, но вынужден сохранять тотальное спокойствие. Главное, моя дикая птичка сама залетела в клетку.

Кейна

— Дорогой, ты, главное, не волнуйся, — расправляю все складки на белой рубашечке Отиса. — Все пройдет хорошо.

Не пройдет, — уверенно мотает он головой, — они меня выгонят, как в прошлый раз.

— Нет, дорогой, не выгонят. Потому что ты очень смысленный, способный и умный чертенок, а еще исполнительный, хоть временами и ленишься. Ты пойми, школа нужна. Всем нужна.

Мы стоим как раз напротив кабинета директора. За эту неделю я почувствовала себя настоящим учителем младших классов. Мы писали, читали, решали задачи, и Отис прекрасно справлялся, даже Настя, глядя на него, начала писать и подтянула чтение. Дальше сидеть дома нет смысла. Адам поначалу возражал, так как время для нас сейчас беспокойное, но я все-таки убедила его в необходимости отправить сына школу, к тому же сговорились, что туда и обратно нас будет сопровождать патрульная машина. Тем более, как выяснилось, даже будучи в доме под защитой магии гарантий безопасности никаких.

В этот момент массивные двери открылись и на пороге появилась весьма стройная дама с идеальной осанкой, а по бледности строгого лица сразу стало ясно, чьих она кровей.

— Отис Адамович Герон? — тотчас смягчилась в лице. — Прошу, директор ждет.

Ах, вот оно что. Мадам не директор. Интересно, интересно, кто же у них там в начальниках сидит? Школа имени Саймура де Вилля — знаменитого варлока, одного из основателей Ксантиппа славится индивидуальным подходом к ученикам и хорошей программой, а внешне походит на мини-Хогвартс. В общем, обучаться в данном заведении считается весьма престижно, да и располагается оно в относительной близости от дома Адама. При школе даже интернат имеется, чтобы ученики из дальних местностей могли и жить, и учиться здесь. А уж количество регалий, наград и прочих знаков отличия у школы не счесть. Короче, складывается впечатление, что отсюда выходят как минимум профессорами. На самом деле всю эту информацию я получила от мамочки одного из учеников, пока заполняла анкету для Отиса. И мне совершенно плевать на престижность, главное, чтобы ребенок чувствовал себя здесь комфортно. Если Отису не понравится, мы уйдем, не раздумывая, и отправимся искать другое место. Так уж вышло, что школа де Билля к нам ближе всего.

— Все, иди, — целую своего чертенка в макушку. — Буду тебя ругать.

- Почему? — округляет глаза. — Я же еще ничего не сделал.
- Ну, это примета такая. Чтобы все получилось, надо поругать.
- А-а-а, ну ладно, — улыбается. — Тогда я пошел.
- Давай, удачи.
- Удачи! — дергает его за хвост Настя. — Мам, а когда я в школу пойду? — смотрит вслед Отису, за которым закрывается дверь.
- Скоро.
- Тут откуда ни возьмись рядом с нами возникает ушастенькая красotka в форме. На лацкане ее пиджака поблескивает значок с изображением герба школы, русые волосы девушки заплетены в две косы, утонченные и пропорциональные черты лица тешат внутреннего перфекциониста, а пронизательный взгляд темно-синих глаз вызывает оторопь. Ну да, феи, они такие. Завораживают.
- Добрый день, госпожа, — подается вперед это прелестное создание.
- Добрый день.
- Меня зовут Илинья Малис. Я отвечаю за подготовительные классы. Мы сейчас как раз набираем деток в возрасте от четырех до пяти с половиной лет. Могу узнать ваше имя?
- Кейна. А что за программа?
- У нас занятия проходят в развлекательной форме. Дети изучают основные предметы начальной школы посредством игры. Также предусматриваются завтраки, обеды и прогулки. Сколько лет вашей дочке?
- Пять.
- Самый подходящий возраст. И пользы от подготовительного класса будет куда больше, чем от того же детского сада.
- Что ж, предложение очень интересное. А как по времени?
- Пять дней в неделю с десяти утра до четырех часов, но забирать можно и раньше.
- А стоимость?
- Семь тэгов в месяц. Если же ребенок после подготовительных занятий поступает в нашу школу, эти деньги вы можете или вернуть, или же оставить, например, на посещение различных факультативов. Выбор у нас богатый, мы стараемся развивать детей в разных направлениях. Вот, прошу, — протягивает мне книжечку, — это наш буклет, там все подробно расписано.
- Благодарю.
- Вы же сейчас ждете сына?
- Да.
- В таком случае я могла бы показать вашей дочке наши классы, там можно порисовать, поиграть. Как тебя зовут? — обращает взор на Настю.
- Настя, — и прячется за меня.
- Какое красивое имя. Анастасия. Знаешь, как оно звучит в нашем мире?
- Как?
- Анессия. А хочешь посмотреть, какие у нас есть игры? Например, магический замок, куда надо пробраться и не попасться на глаза дракону.
- Настоящему дракону? — и забывает про всякое стеснение.
- Почти. Так что? Идем? — протягивает руку.
- Идем.
- Это же недалеко? — смотрю на фею с не меньшей пронизательностью.

— Нет-нет. На этом же этаже в классе номер три, вон там, — указывает на дверь, рядом с которой красуется стенд, увешанный различными аппликациями и рисунками.

— Ладно.

И мой рыжий заяц с радостью скачет за мадам Малис неопределенного возраста. Эти феи так молодо выглядят, что не поймешь, то ли им шестнадцать, то ли все сорок. А я остаюсь дожидаться Отиса. Эх, любопытство меж тем распирает, хоть бы одним глазком глянуть, что происходит за этими шикарными дубовыми дверями. И чтобы себя хоть чем-то занять, принимаюсь за чтение буклета. Написано очень завлекательно. В общем-то, оно было бы и неплохо. Насте все равно нужно заниматься. Я бы могла их обоих привозить и забирать, так как Отис, если его примут, заканчивал бы как раз в четыре.

А спустя час двери наконец-то открылись, и из недр помещения вышел вполне довольный Отис, а за ним все та же дама с идеальной осанкой.

— Господин директор просит вас зайти, — приглашает уже меня. — А Отиса я провожу в класс для начинающих.

— К госпоже Малис?

— Да, верно, — расплывается улыбкой.

— Хорошо, — и подмигиваю чертенку. Что называется, храбрюсь, хотя у самой разрастается внутренний мандраж.

В кабинет захожу в таком состоянии, словно это меня собираются экзаменовать. И когда вижу директора, то чуть не ахаю. В кожаном кресле сидит такой настоящий директор с большой буквы. Мужчина лет сорока, его длинные волосы собраны в хвост, в висках серебрится легкая проседь, серые глаза смотрят спокойно, но в то же время чувствуется в мужчине нестигаемый стержень, то есть волевой характер. И красив до чего, мама дорогая. Не в обиду Адаму, но этот господин со всех сторон ого-го. Хотя чего это я разошлась?

— Добрый день, госпожа Кейна, — улыбается весьма сдержанно. — Проходите, присаживайтесь, — указывает на кресло напротив его стола.

— Добрый день, — и вдруг осознаю, что не знаю его имени. Вот позорище! Даже не посмотрела! К счастью, у него на столе стоит табличка, на которой выбито красивыми буквами «Эльгас Виториан Гройс», — господин Эльгас Виториан...

— Можно просто Эльгас, — и улыбается теплее. — Итак, для начала примите мое восхищение. Я помню Отиса. Наш доблестный комиссар приводил сына три месяца назад, увы, мы не смогли принять его даже в подготовительный класс. Мальчик был совершенно неуправляем. А сейчас это совершенно другой ребенок. Уверен, это ваша заслуга, — а смотрит на меня так, что я невольно начинаю ерзать в кресле.

— Да, как сказать... мы всего-то неделю активно занимаемся.

— Нет-нет-нет, дело не в занятиях. Сейчас Отис совершенно спокоен и дружелюбен. Ребенок обрел внутренний комфорт.

На что только скромно пожимаю плечами.

— Так вот, — поднимается господин директор, являя взору шикарную фигуру. Не сомневаюсь, что здешние учительницы устраивают бои без правил за его внимание. — Я готов принять Отиса в школу. Он очень сообразительный, все схватывает на лету. И сейчас он сможет учиться, быстро нагонит сверстников. Даже не вижу необходимости держать его в первом классе, он сразу пойдет во второй.

— Это замечательно, — что-то совсем теряюсь. То ли новость так радует, то ли взгляд Эльгаса выбивает из равновесия.

— Слышал, у вас дочка есть.

— Да, Настя. Ей пять лет.

— Не думали ее отправить на подготовительные занятия?

— Ко мне уже подходила госпожа Малис, дала буклет. Я подумаю.

— Хорошо. В таком случае пусть завтра с утра ко мне подъедет господин Герон, мы подпишем договор, заполним необходимые бумаги. И с понедельника будем ждать Отиса.

— А можно список того, что нужно иметь с собой?

— Ничего, кроме, пожалуй, ранца и пенала. Все остальное предоставляет школа. Форма будет готова через неделю, учебники и рабочие тетради Отис получит в первый же день, как и набор письменных принадлежностей.

— Вот как? Необычно.

— Вы, так понимаю, не отсюда, — подходит к столу с моей стороны, присаживается на край.

— Нет, — и опускаю взгляд. Невыносимо смотреть на него, смущает.

— Из мира людей, верно?

На что едва заметно киваю. Не люблю подобных расспросов — кто, откуда, как, зачем... Это слишком личное.

— И что же заставило потомственную ведьму покинуть родной мир?

— Потомственную? — резко распахиваю глаза и уже без стеснения смотрю на красавца Эльгаса. — Вы явно что-то перепутали. Во мне течет кровь ведьмы и человека. И родилась я в мире людей.

— Да? Странно... Или я прямо сейчас резко утратил свой дар, или вы явно чего-то не знаете о себе, госпожа Кейна.

— Что же вы такого увидели? — поднимаюсь, потому что уже надоело задирать голову, в то время как он пялится на меня сверху вниз.

— Я вижу постепенно пробуждающуюся магию. Понимаете, она имеет свойство, скажем так, впадать в спячку тогда, когда в ней нет необходимости. Если вы родились в мире без магии, то неудивительно, что она не давала о себе знать.

— Во мне есть магия, да, но она слабая, так как мой отец был обычным человеком.

— Ваше право. Но позвольте возразить. Если бы ваш отец был обычным человеком, то сейчас я бы не наблюдал в вас силу двух потомственных магов. Я тоже варлок и наделен даром видеть магию в ее первоизданном воплощении. Магию женского начала и мужского.

— Еще скажите, что она делится по половому признаку.

— Ну да, я только что так и сказал.

— Спасибо вам, господин Эльгас, — улыбаюсь как можно приторнее, — за этот ментальный рентген, но мне пора.

— Не за что. Кажется, сегодня вы столкнулись с истиной. Желаю вам поскорее ее принять. И не забудьте сообщить уважаемому комиссару о моей просьбе приехать. Чем раньше Отис начнет обучение, тем будет лучше. Вашу дочку мы тоже ждем.

На что киваю и направляюсь к двери, вдруг ощущаю прикосновение, отчего вздрагиваю.

— Извините, — улыбается этот распрекрасный экстрасенс. — С вами я бы тоже еще поговорил. У нас есть собственный архив, где хранятся записи о жителях Ксантиппа со времен основателей. Возможно, я бы смог вам помочь выяснить, кто ваш настоящий родитель.

— Так ли это нужно? — настораживаюсь, ибо замечаю в его глазах какой-то нездоровый интерес.

— Поверьте, нужно. Зная о своих предках, вы узнаете о себе, Кейна.

— Думаю, как раз мне это ни к чему. Я знаю своих родителей, знаю, как сильно они любили меня, этого достаточно.

— И все же я уверен, что вы еще придете за ответами, — ухмыляется аки сытый кот.

— Приду обязательно, чтобы проводить сына во второй класс, — одариваю его своей самой ведьминской улыбкой, отчего Эльгас неожиданно теряется. — Хорошего дня, господин Гройс. И спасибо за Отиса.

— До свидания, Кейна.

— Что с настроением? — обнимаю свою чрезмерно задумчивую ведьму. — Отиса не приняли, да? Опять чудил, значит.

Сегодня удалось освободиться пораньше, и я решил лично встретить свое семейство из школы. Более того, мне жутко не терпится узнать результат собеседования.

— Нет-нет. Его приняли, — резко оттаивает. — И директор попросил тебя приехать завтра, чтобы оформить бумаги. А с понедельника Отис уже будет учеником второго класса.

— Да ладно?! — на радостях подхватываю ее, начинаю кружить. — Неужели?!

— Стой, Адам! — визжит рыжая-бесстыжая. — Иначе меня стошнит на твой китель.

— Разрешаю! — в довесок подбрасываю любимое чудо в воздух.

— Ты что творишь, а? Мы на школьной стоянке, Герон! — начинает всячески выкручиваться из рук. — А ты, между прочим, комиссар.

— И что? Комиссарам запрещено радоваться?

— Адам, ну ты как ребенок, честное слово. Детский сад.

— Да, с тобой я ощутил давно забытые эмоции. А еще, — склоняюсь к ее очаровательному ушку, чтобы мелкие не слышали, — нахожусь все время в возбужденном состоянии. Вот прямо сейчас знаешь, чего хочу?

— Чего? — тут же льнет ко мне по-кошачьи.

— Хочу забраться под этот подол, — касаюсь юбки, — стянуть с тебя трусики и...

— И, кажется, я догадалась. Но сейчас нам придется сесть в машину и поехать домой. У меня работа.

— Что? Когда это успела начать?

Вот это новости!

— Вчера забрала заказы. Потихоньку буду возвращаться. А то уже две недели моя крутая мастерская простаивает без дела.

— Но мое желание забраться под подол остается в силе?

— Определенно.

Тогда снова обнимаю ее:

— Я люблю тебя.

На что она улыбается, целует меня. Кто бы только знал, как я люблю эту женщину и с каждым днем все сильней. И все крепче привязываюсь к ней. Мы просыпаемся вместе, вместе ложимся спать, вместе едим, занимаемся детьми и домом. Эта неделя с лихвой вернула мне счастье, которого я был лишен много лет. Если бы еще не тот подонок, незримое присутствие которого по сей день портит всем кровь.

Надеюсь, Кейна чувствует ко мне хотя бы толику того же самого, что я к ней. Но, честно говоря, ее напряженный взгляд и смущение, следующие сразу за моими признаниями, уже заставляют нервничать. Я стараюсь угодить, иду на уступки, ночами выкладываюсь по полной программе, да что там, я ее все время хочу. Но стоит заговорить о любви, Кейна тотчас меняется в лице, во взгляде, в улыбке появляется что-то искусственное.

— Слушай, — берет меня за руку, — я все думаю, думаю. В общем, у меня есть идея пригласить Ришу в помощницы. Она очень хозяйственная. А одной мне будет сложновато. Как на это смотришь?

— Да я только «за».

— Ну и здорово. Главное, ты не против.

— Так, момент, — разворачиваюсь к ней. — Это ведь не какая-нибудь проверка на вшивость? Мы же вроде бы все выяснили насчет меня и Савьерри.

Не переживай, мой плюшевый комиссар, — закусывает губу, — это не проверка на вшивость. Хотя

блошек я бы у тебя искала.

— Серьезно?

— Угу.

— Ловлю на слове.

Но, несмотря на эти милые беседы, я чувствую, что-то с моей ведьмой не так. Утром она была другая, а сейчас слишком задумчивая, даже расстроенная.

В таком настроении проходит весь день. Кейна вся в себе, а я весь на взводе, потому как не знаю, что с ней творится. И меня это бесит! Бесит до трясучки, в итоге к вечеру терпение подходит к концу.

— Что с тобой происходит? — хватаю ее, пока не успела сбежать в ванную.

— Ничего, — невинно хлопает глазами, пытается улыбаться.

— Кейна, я не дурак, все вижу. Ты после возвращения из школы сама не своя. Давай-ка, рассказывай. Я ведь не отстану.

— Адам, да ничего серьезного.

— Ага, значит, что-то несерьезное таки есть, и это несерьезное слишком уж серьезно повлияло на твое настроение. Колись.

— Ладно, — бросает на спинку кресла полотенце, после чего подходит к кровати, — садись, что ли, — указывает на место подле себя, — буду ответ держать.

И когда я устраиваюсь рядом, Кейна берет меня под руку:

— Ты же знаешь этого директора? Как его там... Гройса.

— Знаю, конечно. Уважаемый варлок, член Палаты ученых Ксантиппа.

— В общем, не он первый, но...

— Не понял, он что? Приставал к тебе? — чувствую, как гнев заполняет каждую клетку моего организма.

— Да нет, не приставал. Он сказал, что я потомственная ведьма. Что мои мать и отец истинные маги. А до него я уже не раз слышала двусмысленные намеки от Савьерри.

— Угу, то есть твоя матушка принесла в мир людей не только свои гримуары.

— Она мне рассказывала, что познакомилась с отцом практически сразу после переселения, и я у них получилась тоже быстро. А до переселения у нее был муж, с которым мама в итоге развелась и предпочла забыть о нем.

— Что ж, боюсь, тут все очевидно. Гройс сильный варлок, ошибиться не мог. Значит, твоя матушка, мягко говоря, нагрела твоего папку.

— Но она его на самом деле любила. И любила так, что слегла, когда отца не стало. И фактически сгорела без него. На фоне сначала стресса, а потом затяжной депрессии открылись самые разные болячки, в общем, она и года не протянула.

— И ты хочешь узнать, кто твой настоящий отец?

— Не знаю. После беседы с Эльгасом прямо люто не хотела, а сейчас сомневаюсь. Вдруг мама не просто так сбежала? Вдруг мой биологический отец тот еще Франкенштейн? И вообще, то, что я потомственная ведьма, в голове не укладывается.

— Хочешь, я сам все узнаю? По-тихому.

— Гройс сказал, у них архивы есть, там содержатся данные о горожанах еще со времен основателей.

— Вот как... Значит, помощь Эльгаса тебе нужнее, чем моя?

Вдруг она поднимается, встает напротив, потом сбрасывает с себя халат, отчего у меня в свою очередь встает хвост, а во рту резко пересыхает. Ее тело совершенно. И я сейчас буду это тело нещадно целовать, чуточку кусать и ласкать как снаружи, так и изнутри.

— Мой милый черт, — подходит вплотную, помогает стянуть футболку, — для меня нет никого нужнее и важнее тебя, — обнимает за голову, прижимает к груди. — Никакие Эльгасы не идут в сравнение с тобой. Ты жутко вспльчивый, вредный, ревнивый, озабоченный и один-единственный в своем роде, — начинает целовать лицо. Так медленно, сантиметр за сантиметром. — Адам, — заставляет посмотреть на себя, но какое-то время медлит, не решается, а потом все же произносит: — Я люблю тебя.

Любит... она меня любит... любит меня. Кажется, я пошевелиться не могу, кажется, меня только что парализовало. А она все продолжает целовать, трется об меня.

— Обожаю тебя таким, — и я понимаю, что невольно явил свою суть. — Мягким, теплым, — толкает вперед, я же послушно опускаюсь на спину. — Зимой так вообще находка, — забирается на меня верхом. — Может, скажешь что-нибудь?

— Нет, — мотаю головой, — не скажу. Не могу.

— В таком случае позволь поискать блошек, — запускает пальцы в шерсть, насколько это возможно.

— Каких найдешь, все твои.

— Вот это щедрость, — издевательски медленно опускается на меня.

Но в ушах тем временем так и звучит: «Я люблю тебя». И эти слова в совокупности с ее движениями, видом ее разгоряченного тела — что-то неземное. А главное, мое. В какой-то момент я перестаю понимать реальность, остаются только ощущения, а возбуждение растет с такой скоростью, что контролировать его уже не получается, тогда вжимаюсь головой в матрас, зажмуриваюсь, и все...

— Прости, — успеваю произнести, как внутри происходит взрыв эпических масштабов, разгоняющий ударную волну по всему телу.

— Прощаю, — накрывает мои губы своими. — Сегодня можно, мой любимый комиссар.

— Угу, — кажется, язык тоже перестал слушаться. Могу только кивать, мычать и дергаться, ибо отголоски удовольствия все еще бьют по нервным окончаниям. Чувствую, завтра мне будет стыдно за такое свиноподобное поведение. Но что поделать...

Последних сил хватает на то, чтобы переползти повыше к подушкам и отключиться.

Тем же днем, но несколькими часами ранее

Пиша

Неделю! Целую неделю я живу в этом огромном белом доме. Увы, мне здесь слишком светло, слишком просторно, слишком пусто и чрезвычайно неудобно. А еще невыносимо богато. Никогда не любила помпезность. Вот мои родители, несмотря на скромный достаток, всегда мечтали о больших деньгах, в основном, конечно, их мечты сводились к удачному замужеству дочерей, именно такой путь обогащения они считали самым быстрым и оптимальным. Но и тут я испортила им малину, когда связалась с нищим некромантом, да еще и аферистом. Да, Андрэс оказался форменным засранцем, но с ним я чувствовала себя настоящей волшебницей. Не некроманткой, даже не ведьмой, а именно волшебницей. Знаю, глупо, наивно, по-детски, однако это были настоящие эмоции, которые дарили счастье. Забавно, но я не злюсь на Андрэса за то, что он сдал меня полиции с потрохами, предал, так сказать, нашу любовь. Не злюсь, но злорадствую. Помню, как подмигнула ему на прощанье, когда его уводили бравые полисмены из зала суда. Ох, Андрэс, надеюсь, тебе там хорошо икается. Но что-то я отвлеклась.

Гедель очень старается, можно сказать, из кожи вон лезет, чтобы мне у него было уютно, только все старания бессмысленны. Как я и говорила, это не мой мир, не моя среда обитания. И единственное место, где мне более или менее комфортно — это его задний двор с небольшой оранжереей.

Сегодня утром Арон уехал на работу, как всегда, не в настроении, правда, его скверное состояние уже стало нормой. Просто бедолага боится, что вернется, а меня нет. Честно говоря, на пользу отношениям все эти страхи точно не идут, однако Гедель настолько не уверен во мне, что не может не психовать. Хотя я его прекрасно понимаю и не осуждаю, он боится не напрасно, мне действительно хочется сбежать отсюда. Последние три дня я просыпаюсь с мыслью о побеге, но

потом начинаю всячески себя уговаривать, жалеть Арона, в итоге успокаиваюсь — правда, ненадолго.

Думаю, нам пора сесть и поговорить. Не хочу ни себя мучить, ни его. Даже наши разовые встречи дарили куда больше удовольствия, радости, волнения, чем то, что происходит сейчас. К тому же я беременна от него, но если расскажу, Арон меня ни за что не отпустит. Вернее, уйти-то я всегда смогу, но морально буду страдать от чувства вины. Лучше все оставить как есть.

Что ж, а время идет. Полдня я провожу на заднем дворе — готовлю ящики для зимовки живоготов и птицеводов. Два месяца мои малыши будут спать, так что почва им нужна максимально богатая питательными веществами и личинками, которых они будут постепенно поедать. А еще им нужны тепло и сырость. Оранжерея для этого самое подходящее место. Что до лафеев, эти красавцы не нуждаются в зимовке, поскольку живут в доме, разве что в холодные месяцы они менее активны. Лафеи удивительные создания, они так любят друг друга, так заботятся друг о друге, что, глядя на них, невольно начинаешь мечтать о такой же любви и заботе. Например, сегодня утром самец кормил самку завтраком, потом чесал ее воздушными корешками. За ними можно хоть весь день наблюдать, настолько они прекрасны.

А когда почти заканчиваю с делами, дверь оранжереи открывается. На пороге появляется Гедель. И какой-то он совсем подавленный, отрешенный.

— Почему так рано вернулся? — пересаживаю последнего живоглота в зимовочный бокс, засыпаю корешки теплой землей, отчего малыш откровенно млеет.

— Да вот... произошли изменения в расписании, высвободилось несколько часов, — явно сочиняет на ходу. — А ты как? Все хорошо?

— Ну да. Как видишь, огородничаю. Бежать не пыталась. — Ой, я это вслух сказала? Как нехорошо.

— Ты издеваешься, да? — еще сильнее насупливается.

— Нет, Арон, не издеваюсь. Просто ты ведешь себя как одержимый. Сегодня и вовсе сорвался с места посреди рабочего дня, чтобы проверить, никуда ли я не делась. И не пытайся доказать обратное.

— А что я могу поделать, если вижу, как тебе все не нравится? Ты ведь даже не скрываешь этого.

— Хочешь поговорить? — отряхиваю руки от земли.

— Да, было бы неплохо.

— Хорошо, давай поговорим.

И когда мы выходим из оранжереи, я откровенно ахаю. В каменной беседке, что стоит в пяти метрах от нас, на столе, накрытом белой скатертью, красуется бутылка вина, рядом стоит чаша с моими любимыми тыквенными пирожными, а еще в вазочке белеет изящная хризантема.

— Ой, — что-то теряюсь, — как неожиданно.

— Ну, я подумал, что разговоры хорошо разговаривать под бокал вина. Да и вообще хотел пригласить тебя на свидание, а потом пришла идея с беседкой. Чем не свидание, верно?

— И правда...

Гедель по всем правилам этикета выдвигает для меня стул, сам устраивается напротив, после чего разливает вино по бокалам. Тут я вспоминаю, что пить мне уже нельзя. Но от одного глотка вреда не будет. А вот пирожные придутся как нельзя кстати.

— Скажи, что не так, — берет свой бокал, однако пить не торопится. — Я не оправдал твоих ожиданий?

— Дело не в ожиданиях вовсе. Я уже давно объяснила тебе все как есть.

— Ну, то, что тебе у меня не нравится, вижу. А я? Я тоже не нравлюсь?

— Между нами изначально все очень странно. Наше знакомство замешано на страсти, на влечении. Физически мы, не побоюсь этого слова, идеально подходим друг другу, а вот эмоционально совершенно разные. И дело не в том, нравится мне здесь или не нравится, просто мы разные.

— Почему же мне кажется, что все не так? Что мы похожи.

— Самообман? — пожимаю плечами. — Попытка выдать желаемое за действительное?

— Я люблю тебя, в чем уверен на все двести процентов. Это не самообман, Риша. Это факт. Скажи, что мне сделать, чтобы ты поверила? Чтобы дала мне шанс? Снести этот дом к бесам и построить одноэтажную избушку? Утыкать двор памятниками и крестами? Обнести двухметровым забором? Что, Риша?

Я вижу блеск в его глазах. Ну что же он творит? У меня и так желание реветь возникает через каждые три минуты.

— Не нужно было вообще все это начинать, — быстро отвожу взгляд, еще чуть-чуть, и расплачусь.

А он подходит ко мне, опускается на корточки:

— Послушай, — берет за подбородок, — у меня есть одна дурная черта, я очень плохо понимаю слово «нет» и всегда иду до конца. Ты мне нужна как воздух, понимаешь? И я сделаю все, но добьюсь тебя.

— Помнится, кто-то говорил, что отпустит, если ничего не выйдет.

— Говорил, даже верил в это, пока не прожил с тобой под одной крышей эти дни.

— К чему ты клонишь?

Его слегка безумный взгляд меня как-то настораживает.

— К тому, что ты все равно будешь моей и будешь со мной. К тому, что я не оставляю тебе выбора.

— А если я не захочу?

— Даже если не захочешь.

— Прости, но это пахнет психозом, Арон.

— Да, есть немного. Вынужден признать, твоя власть надо мной безгранична, — и опускает голову мне на колени.

М-да, события приобретают неожиданный поворот. Думала, Арон все-таки трезво мыслящий некромант, а он... Теперь буду чувствовать себя в его доме еще хуже. С другой стороны, мне ведь совершенно ничто не мешает уйти. Арон и слова против не сможет сказать, если я решу покинуть его роскошные казематы. Вопрос лишь в том, насколько сильно я на самом деле хочу уйти. В этот момент закрываю глаза, а пальцами зарываюсь в его волосы, ощущаю его прохладную кожу, ногами — его горячее дыхание. И по телу тотчас разливается возбуждение. Какая странная у нас получается игра. Ведь это все игра: он кричит «догоню», я кричу — «убегу».

— Поцелуй меня, — забираюсь руками ему под воротник рубашки. — Сегодня утром ты ушел и даже не поцеловал, наглец. А туда же — «добьюсь», «не отпущу», «не оставлю выбора».

— Ты права, — поднимает голову. — Может, накажешь меня за столь серьезную оплошность?

— Мм, — расплываюсь в улыбке, — какой простор для фантазии. Что ж, это будет лучше поцелуя.

— Да неужели? — и все-таки целует, но скромно.

— Есть у меня кое-какие мысли, — тогда беру пирожное, разламываю на две части, одну запикиваю ему в рот, вторую себе. — Идем скорее в твой ужасный дом.

В спальне оказываемся быстро, где я силой магии избавляю некроманта от одежды и заставляю сесть на стул, а через мгновение он уже связан по рукам и ногам. Теперь это красивое тело действительно в моей власти, что хочу, то и делаю. И, дьявол, мне это безумно нравится.

— Пожалуй, начнем с самого легкого наказания, — встаю у него за спиной, начинаю целовать его шею, покусывать ухо, а рукой намереваюсь довести Арона до наивысшей точки возбуждения. Ему будет о-о-о-очень хотеться испытать удовольствие, но вот беда, я не дам. По крайней мере, не сразу.

^

Спустя минут десять Арон доходит до ручки, бедняжка весь вспотел, сердце колотится с бешеной скоростью, мышцы уже не расслабляются. Но он все еще терпит.

— А ты крепкий орешек, — шепчу ему на ухо, — только у меня есть одно страшное орудие пытки.

— Удиви, — кое-как выдавливает из себя.

Тогда обхожу его, опускаюсь перед ним на колени, отчего взгляд Геделя становится еще серьезнее,

напряженнее.

— Ты мне нравишься, Арон, — провожу руками по крепким бедрам, животу. — Но сейчас я буду тебя по-настоящему мучить.

На что он облизывает пересохшие губы и застывает в ожидании.

Моя ласка длится долго, и ласка эта воистину испытание для него, потому что я не позволяю своему некроманту дойти до финиша, а он все это время смотрит на меня, лишь иногда зажимается, когда совсем не в состоянии, но потом опять открывает глаза и ловит каждое движение.

— Мать твою, Риша, — наконец-то не сдерживается, — хватит! Не могу я больше. Не могу.

— Это хорошо, — медленно поднимаюсь, сажусь на него, — и ты все еще меня не поцеловал по-нормальному.

Что происходит со мной, не знаю, но только я приближаюсь к его губам, как слова сами собой вырываются наружу:

— Я беременна, Гедель, — и опускаюсь на него полностью.

Сию секунду Арон дергается, а следом я ощущаю все признаки яркого и почти болезненного финала.

— Что? — произносит сквозь хриплый стон.

— Что слышал, — наблюдаю, как капельки пота стекают по его лбу, бегут по щекам. Себя, конечно, ругаю всячески, но, видимо, я должна была это сказать. Что поделаешь, магия, волшебство.

— Освободи меня.

И когда его руки и ноги больше ничто не сдерживает, Арон хватается за меня, крепко прижимает к себе, носом утыкается в шею.

— Вот теперь все, — шепчет обессиленным голосом, — теперь ты и шагу от меня не сделаешь, Савьерри.

— Ой, напугал, — вдыхаю этот сумасшедший аромат разгоряченного мужчины.

— Зато ты меня сделала самым счастливым некромантом на земле.

Остаток дня Арон не отходит от меня ни на шаг, что иногда раздражает, но я держусь. Понимаю, каково ему сейчас. Его ректорское величество морально готовится стать отцом.

Спать ложимся тоже в одно время, хотя обычно я укладываюсь чуть позже. И что меня удивляет больше всего, так это вдруг исчезнувшее желание бежать. Признание словно сняло какое-то страшное заклинание, словно открыло глаза.

И только мое утомленное сознание отходит в мир сновидений, как вижу свой огород, где я копаю червей и личинок для живоглотов. Вдруг впереди возникает он! В маске! Мерзавец устремляется ко мне, хватается за горло.

— Моя милая Риша, — произносит низким голосом. — Пришел твой час. Иштаар дара хис, иштаар дара ос, — а свободной рукой тянется к своей маске, — иштаар дара морас, — открывает лицо, отчего из моих глаз брызгают слезы.

— Нет, — бормочу с трудом, ибо тело перестало слушаться, стало ватным. — Нет...

— Да, Риша. Да. Ты должна освободить меня, потому что любишь... прошу, освободи... я очень устал жить в тени монстра.

Адам

Не вылезал бы из постели, честное слово. Слишком хорошо. И до чего приятно слушать, как за дверью кипит жизнь. Дети носятся, играют то ли в прятки, то ли в догонялки, моя любимая ведьма стряпает внизу что-то умопомрачительное. Кейна каждый день встает раньше, успевает приготовить завтрак, погладить мне рубашку, хотя я ее об этом не прошу. Я и сам в силах, но, бесспорно, это балует.

Однако встать приходится. Во-первых, до работы нужно заскочить в школу и заполнить бумаги, потом уже в комиссариат. Корсак должен был пробить этого Артема.

А внизу тем временем жужжит моя рыжая пчелка. Стоит в фартуке с яблоком в одной руке и поварешкой в другой — помешивает кашу.

— Доброе утро, — незаметно подкрадываюсь к ней со спины.

— Доброе, — сует мне яблоко.

Приходится откусить, но проглатываю кусок чуть ли не целиком, потому что хочу задать ей очень важный вопрос.

— Мне же не приснилось то, что я вчера услышал?

— Это ты о чем? — вижу, улыбается.

— Кейна, — разворачиваю ее к себе лицом, — пожалуйста...

— Не приснилось, Адам. И чтобы доказать, готова повторить. Я, — целует в правый уголок губ, — тебя, — потом в левый, — люблю, — и наконец-то посередине.

В этот момент в кухню вбегают дети, усаживаются за стол.

— Все, садись завтракать, — указывает мне поварешкой на стул. — И не забудь поздравить сына с зачислением. Он заслужил.

Однако мы с Отисом ограничиваемся крепким рукопожатием, нам этого достаточно. Зато Кейна вчера затискала его от радости, стоило нам переступить порог дома. А Отис в свою очередь затискал на радостях Настю.

И только я беру чашку чая, как раздается звонок в дверь. Интересно, кого это принесло в такую рань?

— Риша! — впускаю ведьму в дом.

А ее всю трясет, глаза красные от слез.

— Савьерри? Что произошло?

— Это он, Адам, все это делал он, — бормочет сдавленным голосом.

— Кто он? Что делал? Так, идем, — веду ее в гостиную, где усаживаю на диван. — Кейна, сделаешь чаю?

— Угу, сейчас, — мигом убегает в кухню.

— А теперь давай попробуем успокоиться, — опускаюсь на край кофейного столика. — Раз ты пришла ко мне, значит, должна рассказать все как есть. Иначе помочь не смогу.

— Да, конечно, — вытирает нос дрожащей рукой, — я это понимаю, Адам, понимаю. Просто... — и снова заливается слезами.

— Риша.

— Сейчас, — делает глубокий вдох, а на выдохе выпаливает: — Я знаю, кто душитель.

— Кто?

— Когда он пришел ко мне в первый раз, он вызнал информацию о тебе и Кейне. Но ее он просто использовал, чтобы запутать тебя.

— Кто, Савьерри?

Тут она зажмуривается:

— Арон.

— Чего?! Гедель?!

— Да. Он. У него раздвоение личности. С нами Арон добропорядочный господин, профессионал своего дела, уважаемый ректор университета, но есть и вторая его часть — охотник за чернокнижницами, убийца, помешанный психопат.

— Но как? Как ты это поняла?

— Сегодня мне приснился сон, в котором ко мне явился он. Явился, чтобы признаться.

— А как же магия? Гедель не варлок, он чистокровный некромант.

— Видимо, мы не все о нем знаем. Его тетка наполовину ведьма; возможно, Арон тоже смешанный. Спрятать свою силу можно, причем довольно легко.

— И почему он явился к тебе именно во сне? Что-то ерунда какая-то выходит, ты уж прости.

— Две личности, Адам, живут в одном теле. Одна то и дело пытается подавить другую. А сои наиболее благоприятное состояние, чтобы проникнуть в глубины сознания. Гедель борется со своим внутренним монстром, но у него не получается. Потому он и обратился ко мне, потому и не убил в первую встречу.

— Допустим, — поднимаюсь со стола, начинаю ходить туда-сюда, — только как нам доказать его причастность к убийствам? Мы не сможем просто так прийти к Геделю и предъявить ему обвинения, ссылаясь на твои сны. Даже в нашем мире так не делается. Нужны доказательства.

— А они есть... — опускает голову, слезы меж тем продолжают капать ей на колени. — В его кабинете вы найдете тайник, в полу.

— И что там?

— Портальный ключ, с помощью которого он добывает ритуальные цветы, а еще там волосы жертв. У каждой жертвы он вырывает немного волос. Коллекционирует.

— Ты своими глазами видела содержимое тайника? — чувствую, как дурнота подступает к горлу. Я доверял Геделю, мы все ему доверяли.

— Да. Как только Арон уехал в университет, я сразу отправилась в его кабинет и нашла тайник.

— А о нем ты узнала от самого Геделя, но только во сне?

На что она кивнула:

— Ему нужна помощь, Адам. Сам он не может остановиться.

— Ты уверена в своих словах? Учти, если нет...

— Уверена. И мне сейчас слишком больно. Но я, не раздумывая, пришла к тебе, потому что убийства надо прекратить.

— Арон не знает, что ты ушла?

— Нет. Вчера мы с ним особенно откровенно поговорили, — горько усмехается, — поэтому Гедель уверен, что все хорошо.

— И давно вы сошлись?

— Совсем недавно. Неделю как.

Но что-то меня не устраивает в словах Риши, что-то не сходится. С другой стороны, теперь есть полное подтверждение теории Зельды о кроте. Вот он, крот. Гедель был в курсе операции и год назад, он курировал тогда нашего ведущего судмедэксперта, а тот ему обо всем отчитывался. И тем не менее, поверить сложно. Однако если в тайнике мы найдем все, что перечислила Риша, непровержимое доказательств и представить нельзя.

— Есть что-нибудь еще? — смотрю на Савьерри, а на самом деле пытаюсь найти любую зацепку, чтобы не поверить ей. — Опиши подробнее свой сон.

— Он пришел ко мне, снял с себя маску, а потом попросил о помощи. Рассказал, где хранит свои трофеи.

— Все?

— Еще признался в любви, сказал, что только я ему могу помочь, — и закрывает лицо руками.

В этот момент Кейна подзывает к себе.

— Что происходит? Убийца Гедель? Тот самый некромант? — шепчет чуть слышно, когда мы уединяемся в кухне.

— По крайней мере, Риша в этом уверена.

— А зачем тогда ему нужна была я? Эти странные сны, где я видела ребенка, старый дом.

— Возможно, чтобы запутать следствие, в частности, меня. Мы с Ароном друзьями никогда не были, раньше часто спорили, в училище даже подрались пару раз. У нас сразу возникла неприязнь друг к другу. Но такое ведь случается. Я относился к нему как к позеру и выскочке, высмеивал его внешний вид, а он считал меня недостойной своего места деревенщиной, грязным чертом и все кичился своим происхождением. В принципе, ничего сверхъестественного. Притом, как профессионала я его всегда уважал.

— Но тебя что-то смущает, так?

— Да, что-то смущает. Однако медлить нельзя, нет времени разбираться, придется отправить наряд с ордером.

— А какие могут быть основания для обыска? Сны? Я, конечно, в этом особо не разбираюсь, но нельзя же просто так вломиться в чей-то дом.

— В данном случае можно. Душитель слишком долго третирует город, а тут еще и выборы мэра на носу. Так что нам будет дан зеленый свет во всем, лишь бы мы нашли убийцу, а де Брок сохранил свой пост. Слушай, тебе сейчас лучше пойти к Рише. Постарайся ее успокоить. Шутка ли, в кои-то веки доверилась мужику, а тот опять оказался с душком. А мне пора...

— Хорошо. Удачи, Адам, — берет меня за руку.

— Да уж...

Кейна

Как только за Адамом закрывается дверь, спешу к рыдающей Савьерри. Слов подобрать толком не получается, поэтому просто сажусь рядом.

— Я ведь от него беременна, — произносит она спустя пару минут.

— Как? — Вот это новости!

— Да вот так, — вытирает слезы рукавом рубашки. — Беременна от серийного маньяка. Только со мной могло такое произойти.

— И какой срок?

— Совсем ранний, настолько ранний, что ни один тест еще не покажет. Но я знаю, что зачатие уже произошло.

— Вот ведь...

— Угу. И что мне теперь делать?

— Сложный вопрос, Риш. Очень сложный.

— В тот день, когда между нами все случилось, я могла выпить отвар, чтобы предотвратить беременность, но не стала. Не смогла. Моя же сила меня остановила. Тогда я решила, что это знак. Что наконец-то моя жизнь наполнится истинным смыслом. А что в итоге? Быть матерью-одиночкой потенциального убийцы?

— Ну, почему сразу так?

— Потому что, Кейна. Потому что у Арона болезнь. Психическое расстройство. Такое, увы, передается по наследству. Это будет не жизнь, не счастливое материнство, это будет каждодневный ужас. Растить свое дитя и понимать, что он может быть таким же, как отец.

— Тогда ответ на твой вопрос очевиден. — Как ни печально это признавать, но в данном случае я с Ришей согласна.

— Очевиден, — забирается на диван с ногами, прижимает к себе пушистую подушку. — Как же я низко пала...

— Вот только не говори ерунды.

— Меня всегда тянуло на лихие поступки, нравилось щекотать себе нервы. И всегда тянуло к плохим парням, а их в свою очередь тянуло ко мне.

— А ты прямо на сто процентов уверена в виновности Геделя?

Честно говоря, меня тоже смущает эта история. Не вяжется с тем, что видела во снах я. И лес этот, признание.

— Я с самого начала отметила в Ароне нечто настораживающее, он склонен впадать в зависимость, подсознательно жаждет власти над собой. Последний разговор с ним и вовсе меня напугал. В его словах, во взгляде было столько безумия, какой-то больной решимости. Потом мы оба пережили эмоциональное потрясение, в хорошем смысле слова, но все же. Видимо, это и подстегнуло его второе «я». Ту его часть сознания, которая против жестокости.

— Мне жаль, Риша.

— Стоит ли говорить, как мне жаль. Зато теперь я точно знаю, что буду делать.

— И?

— Уеду. Далеко уеду. Заберусь в самую дикую глушь и буду каждый день просить прощения у Мораны за отправленную к ней невинную душу.

— Ох, Риша, — у меня самой не получается сдержать слез, — иди сюда, — обнимаю это хрупкое создание, которое льнет ко мне, как к родной.

— Спасибо...

И мы замолкаем. Говорить уже не о чем, все и так ясно. Принять произошедшее ей будет сложно, но придется.

— Ладно, — вдруг поднимается Риша через некоторое время. — Мне пора.

— Куда это? — подрываюсь следом.

— Домой. Медлить нельзя.

— Подожди, подожди, сейчас тебе нельзя уходить.

— Я должна.

— Не должна.

С трудом, но мне удается уговорить Савьерри остаться у нас, по крайней мере, до тех пор, пока Адам не позвонит и не доложится. И это-то оказывается труднее всего. Как бы Риша ни упиралась, как бы ни ратовала за свою независимость, но чувства к некроманту у нее есть, причем сильные. Я, конечно, пытаюсь ее как-то отвлечь, дети тоже все время то пристают с вопросами, то просят помочь с живоглотами, однако, видно, Рише сейчас больше всего на свете хотелось бы спрятаться ото всех, но она держится.

А к обеду наконец-то звонит Адам.

— Привет, — отвечаю шепотом. — Где ты?

— Привет. В доме Геделя. И мы нашли, что искали.

— А где сам некромант?

— Его пока нет. Я решил дождаться его здесь, чтобы не устраивать шумиху. Как только Арон появится, сброшу эсэмэс. Риша, надеюсь, у нас?

— Да, она здесь.

— Как себя чувствует?

— Несложно догадаться, как. Крепится, но сам понимаешь.

— Н-да, понимаю.

И только отключаю телефон, как ощущаю удар по темени.

— Блин! — обнаруживаю себя под потолком. — Что еще за бесовщина?!

— Кейна, ты здесь? — в мастерскую заглядывает Риша и аж дергается. — Ого! Ты как там оказалась? — смотрит на меня растерянным взглядом.

— Что б я знала! Черт, как мне теперь опуститься-то?

— Я же говорила, что придет время покупать транспортное средство. Ты настоящая ведьма, Кейна. И сила твоя пробудилась.

— Да супер просто, но я тут как бы в воздухе болтаюсь.

— Пока не чувствуешь свою магию в полной мере, пользуйся стандартными заклинаниями. Например, эффар ди аман.

— А я точно не грохнусь?

— Не должна.

— Угу, ладно. Эффар ди аман, — произношу кое-как и, надо же, медленно опускаюсь на пол.

— С сегодняшнего дня так и будешь нет-нет, да оказываться под потолком. Даже ночью. Но со временем эта спонтанная левитация сойдет на нет.

— Как все сложно, однако...

— Мой тебе совет: читай книги своей матери. Она ведь тебе оставила гримуары?

— Да, оставила.

— Ну вот. Изучай, вникай, запоминай. И свои начинай писать, чтобы было что дочери оставить. — Вдруг закусывает губу: — Слушай, а Адам еще не звонил?

— Звонил, вот только что, — растираю больное темя. — Они у Геделя дома. Нашли тайник.

— Арона тоже нашли?

— Пока нет. Но они будут его ждать. И если что, Адам сразу напишет или позвонит.

— Чувствую себя погано: вроде бы сделала хорошее дело, а по факту предала.

— Ты поступила по совести. Если убийца и правда он, то, считай, спасла много жизней. Спасла всех нас.

— Если... И ты, и Адам все еще сомневаетесь. Почему?

— Просто в моих снах все было совсем иначе, я чувствовала его искренний интерес к себе. И тот заброшенный дом... Но кто знает, может быть, Гедель действительно все разыграл так, что каждый почувствовал себя главной фигурой.

Арон Гедель

Я скоро стану отцом, с ума сойти! И подарит мне сына или дочь Риша. А потом еще подарит, и еще...

До этой сумасбродки я не думал о продолжении рода. С Эллисой детей не хотелось, вернее, поначалу и были мысли, но потом как бабка отшептала. Бывшая была помешана на тусовках, модных раутах, приемах в доме мэра, следила за собой так, что составляла целые таблицы с диетами на каждый день, боялась лишний кусок проглотить, целыми днями пропадала в салонах красоты, где не только наводила марафет, но и собирала все столичные сплетни. Савьерри совсем другая, она настоящая, хоть и с причудами. Ей в любой момент может что-нибудь взбрести в голову. Например, позавчера растолкала меня посреди ночи, потому что решила поужинать второй раз. И мне это безумно понравилось. Мне вообще все безумно нравится, что связано с этой ведьмой, кроме, разве что, ее скептических настроений относительно нашего будущего.

Полдня проходит в мыслях о ней. Хочу ее, люблю ее, болею ею. Даже не верится, что все это происходит со мной.

Но когда набираю Ришу, чтобы спросить, не хочется ли ей чего-нибудь эдакого на ужин, остаюсь без ответа. Она не берет трубку! И в ту же секунду возникает страх такой силы, что я бросаю все и несусь к машине. Если Савьерри уехала, если бросила... нет, нет, нет, и думать не хочу об этом.

Скорее всего, закопалась в своих грядках, а телефон оставила в доме. Она ведь не привыкла ходить с телефоном, вечно везде его забывает.

До дома добираюсь за полтора часа, успеваю за это время перебрать в голове с десяток версий, почему она не ответила, а тем временем продолжаю звонить. И когда въезжаю в ворота, замечаю — так свет в кухне, отчего аж выдыхаю, а сердце немного успокаивается.

— Риша! — открываю дверь. Как же я ее сейчас буду крепко обнимать. — Опять про телефон забыла? — вхожу в кухню и откровенно немею. За столом сидит Герон! Какого хрена? — Ты чего тут делаешь?

— Тебя дожидаюсь, — и вид у него непривычно расстроенный.

— Это Риша тебя позвала? Кстати, где она? — прислушиваюсь к странной возне, что доносится из гостиной.

— Она сейчас у меня, — говорит, поднимаясь: — Мне жаль, Арон. От тебя я такого никак не ожидал.

— Ты чего несешь? Какого дьявола здесь вообще происходит?

— Вот что мы нашли в твоём доме, — Герон кому-то кивает, а через пару секунд в кухню заходит Леоф с пластиковым контейнером в руках, который ставит на стол.

Скоро моему взору является порталный ключ и целый набор чьих-то волос, разложенных по оттенкам от темных к светлым.

— И что это такое? — Ни черта не понимаю, честное слово.

— Эти волосы принадлежат жертвам, задушенным тобой.

— Ты совсем ополоумел, Герон?! — Вот ублюдок хвостатый! — Какие жертвы?! Ты чего несешь?!

— Ладно, в комиссариате будем разбираться. Зельда! — и следом к нам присоединяется ведьма, которая тотчас проговаривает какое-то заклинание, правда, эффекта от него я не чувствую никакого.

За ведьмой в кухне появляются остальные. Да они сюда прибыли практически всем участком! И тут до меня доходит:

— Так! Стоп! Не хочешь ли ты сказать, что вся эта ваша операция направлена на поимку душителя, которого ты узрел в моем лице?

— Ты все верно понял.

— Вот каким образом, значит, вы добиваетесь лучшей раскрываемости дел, — усмехаюсь сквозь злость, ибо сейчас мне хочется только одного: съездить этому уроду в морду. — Выбираете себе удобного виновного. Но хочу сразу сказать: не на того напал! Мои адвокаты тебя в порошок сотрут, сукин ты сын! Можешь распрощаться со своей должностью!

— И об этом мы тоже потолкуем, но уже не здесь, Арон. Поверь, меня это ничуть не радует. Сам пойдешь или помочь?

— Сам.

У патрульной машины меня заковывают в наручники и усаживают на заднее сиденье. Ну, нет, дичь какая-то! Или Герон окончательно умом тронулся, или я даже не знаю, что за игру он затеял?

В комиссариат прибываем довольно скоро, и внутрь меня проводят через запасной вход. Может быть, Адам что-то узнал и все это — часть какой-то операции? Однако через полчаса становится ясно, никакая тут не спецоперация. Этот debil на самом деле считает меня тем самым душителем. Мы тем временем размещаемся в комнате дознания.

— Скажи мне, Адам, ты не в себе? — провожаю взглядом Леофа, который поспешно покидает помещение, пристегнув меня к стальному поручню.

— Увы, но не в себе ты, а не я, — Герон устраивается напротив.

— Ладно... А теперь, очень прошу, объясни все по порядку. Что бы тебе там ни казалось, но я имею право услышать, в чем меня обвиняют.

— Имеешь, — облакачивается на стол. — Сегодня утром ко мне приехала Риша. На ней лица не было, девчонку трясло, она рыдала.

— Почему? С ней все в порядке? — забываюсь и пытаюсь встать, но приходится сесть обратно.

— Да, с ней все нормально. Она приехала сказать, что знает, кто убийца.

— И? — что-то силы резко покидают тело. Да быть того не может! Риша?!

— Она назвала твое имя.

— Что за бред?! Что за чудовищный бред?!

— Угомонись, Арон. Ты сам просил все рассказать, я и рассказываю. Или мне уйти?

— Хорошо, хорошо, — пытаюсь взять себя в руки, — продолжай.

— Ночью ей приснился сон. Вроде тех, какие снились последнее время Кейне. И во сне Риша увидела тебя. Ты сознался во всем, попросил о помощи и рассказал, где хранятся твои трофеи. Вот как это было.

— Я некромант, Герон! Я, блин, некромант! Я не варлок! Или ты забыл, что душитель — сильный маг?

— Ты мог и скрыть свою силу. У тебя раздвоение личности, Гедель. Но доказательства твоей причастности есть. Мы их нашли. Волосы убитых девушек. Всех до одной.

— Какой маразм, — принимаюсь тереть глаза. — Какой жуткий беспросветный маразм! И об этом тебе рассказала Риша? Серьезно? Кого ты пытаешься надуть? А может, все было совсем по-другому? Может, мэр намекнул тебе, что ему надоело видеть твое бездействие? Что если ты не найдешь маньяка, то распрощаешься с погонами? И тут в твою не обремененную мозгами голову прилетает чудесная идея подставить меня? Как удобно, а?

— Пожалуй, оставлю тебя наедине со своим вторым я. Посиди, подумай. Но знай, доказательства твоей вины у нас на руках. И это даже не тюремный срок, Арон. Мне, правда, жаль.

— Да пошел ты.

Когда эта тварь уходит, я зажмуриваюсь что есть сил. Что же это? Столько лет работы на благо общества! Столько оказано помощи в раскрытии самых сложных и запутанных дел! Столько выпущенных студентов, за блестящие знания которых я лично готов поручиться! И вот тебе награда! Обвинение в серийных убийствах и наказание — смертная казнь. Неужели Риша на такое пошла?! Неужели и впрямь сочинила все это?! И чего ради? Чтобы отделаться от меня? Но она же не сумасшедшая, в конце концов! И не конченная стерва! Ничего не понимаю... не понимаю... и с со всей дури бью кулаками по столу.

Или все-таки Герон решил разом убить двух зайцев? У нас с ним отношения никогда не ладились. Тем более последний наш конфликт... уже не знаю, на что думать. Но факт остается фактом! Я здесь, я закован в наручники и мне светит электрический стул!

Думай, Арон, думай, соображай, мать твою. Надо связаться с адвокатами, надо привлечь общественность. Что-то надо делать!

Спустя неизвестно сколько времени возвращается Герон:

— Ну? Подумал?

— Да, подумал, — сцепляю руки в замок. — Больше ты от меня и слова не услышишь без адвоката.

— Хорошо. Твоя воля.

— И еще я требую медицинского освидетельствования. Раз ты думаешь, что у меня крыша поехала, то для начала докажи это.

Два дня спустя

Кейна

— Вам удалось поговорить? — спрашиваю Ришу, пока она складывает завтрак детям в рюкзаки.

— Да, удалось, — прячет взгляд. — Это было слишком тяжело.

— И?

— Арон считает, что я в сговоре с Адамом. Что приложила руку к его аресту. И продолжает отрицать свою вину. Я уже не знаю, что думать. Он так искренне говорил, в его глазах было столько боли и отчаяния. А когда я ему намекнула, что собираюсь решить вопрос с беременностью, сказал, чтобы я проваливала и больше не приходила.

— Если у Геделя психическое расстройство, то он может и не осознавать, что творил, и к тебе испытывать искренние чувства.

— Да, может. И знаешь, я на самом деле считаю себя предательницей. Не могу отделаться от этого чувства. Поэтому тяну с абортом.

— Со слов Адама за все это время Арон ни разу не оступился, да и медицинская экспертиза доказала его вменяемость. Другое дело, что маньяки очень хитрые и продуманные. Но магия. Как же магия? Ее следов тоже не нашли.

— Магия — особая субстанция, Кейна, — отвечает она, застегивая по очереди детские рюкзаки, — ее можно не просто скрыть, но и полностью извлечь из тела. На время. Хотя, честно говоря, с каждым днем меня все сильнее терзают сомнения.

— Понимаю, но давай это оставим Адаму. Он докопается до истины. Я в этом уверена. Он ведь тоже все еще сомневается.

— Да уж.

В этот момент в кухню вбегают дети. И такие они красивые, такие резко повзрослевшие. Формы пока у нас нет, однако я нашла выход. Для Отиса приобрела брюки с жилеткой, а для Насти — сарафан. Правила в школе одинаковы для всех, будь то ученик или дошкольник, все должны носить форму и придерживаться школьных правил.

— Мам? — подбегает ко мне рыженькое чудо с идеально зачесанными волосами, которые мы собрали в такой же идеальный пучок. — А можно я с собой Ромку возьму?

— Ромку? А может, Валеру? Он поменьше будет.

— Я Рому хочу. Обещаю, играть на занятиях не буду, он просто посидит рядом.

— Ладно, бери своего Ромку.

— Ура!

Через десять минут мы выезжаем, а Риша остается на хозяйстве.

Я все-таки предложила ей место помощницы, и пока вокруг творится такая кутерьма, она согласилась. Хоть какое-то отвлечение. Ох, не завидую я девчонке. И понимаю, как тяжело принять решение с ребенком. Поначалу Савьерри храбрилась, убеждала себя в правильности принятого решения, но сдалась быстро. Теперь это не ведьма с всегда спокойным взглядом и хитрой ухмылкой, а ходячий комок нервов. Отпускать ее в таком состоянии ни я, ни Адам не стали, да и она сама расхотела уходить.

— Ты как? — смотрю на Отиса, который явно переживает.

— Нормально, — а ушами дергает, хвостом как зацепился за Настю, едва сев в машину, так и не отпускает.

— Все будет хорошо, — подтягиваю его к себе, чтобы обнять. — Ты справишься.

— Угу. — Все-таки опускает голову мне на плечо.

А вот Настя полна энтузиазма. Ей и в садик нравилось ходить. Здесь же все новое, все интересное, и главное, ее особенно вдохновили обещания феи Малис показать, что можно делать с помощью магии. В моей дочери, конечно, магии маловато будет, но, как говорит Риша, ее сила тоже пробудится, тем более что я оказалась потомственной ведьмой. И, кстати, с этим вопросом я сегодня зайду к Эльгасу. Адама отвлекать не хочу, у него и так дел невпроворот. Вчера вообще домой приехал в три ночи. Мой бедный, бедный зловредный комиссар, нелегко ему приходится. Он всеми силами старается не предавать эту историю с Геделем огласке, так как хочет для начала убедиться в его виновности, а некромант в свою очередь стремится донести несправедливость до общественности. В итоге все на нервах.

Что ж, Отиса отправляю в класс, предварительно затискав и зацеловав чертенка до невозможности, после чего он с радостью побежал за учителем. Не привык к ласке, бедняжка, совсем не привык. Ну, ничего, скоро привыкнет. Потом отдаю Настю в надежные руки феи, а прежде меня саму зацеловывают, малышка у меня, как котенок, ей только дай возможность понежничать.

— Когда желаете забрать дочку? — улыбается Малис. — Если в четыре, то мы еще успеем погулять. У нас есть на что посмотреть; думаю, Насте будет интересно.

— Хорошо, давайте в четыре.

— Прекрасно. Тогда до встречи, госпожа Герон.

Угу, то есть для них я тоже супруга Адама. В принципе, пусть, я не против. И коль у меня впереди много свободного времени, направляюсь в кабинет директора. К счастью, Гройс на месте, причем отчитывает двух старшеклассников за — кто бы мог подумать! — подброшенную в компот поварихи мышь. Вот поганцы какие! Я бы им еще и уши пооткручивала.

— Добрый день. Вы к господину Эльгасу? — выходит ко мне из приемной строгая мадам некромантского вида.

— Да.

— Хорошо, я о вас доложу.

Но не успевает бледная дама постучать в дверь, как та распахивается. Сначала показываются два оболтуса, один из которых гном, а второй однозначно некромант, следом выходит сама местная красота в сногшибательном костюме — темно-серые брюки, белая рубашка с воротником-стойкой и сверху серый жилет. Может, Адаму нечто подобное купить?

— Кейна, — расплывается улыбкой. — Рад снова вас видеть, прошу, — приглашает войти. — Кармель, — обращается к своему секретарю, — принеси нам по чашечке кофе и что там в буфете сегодня на десерт?

— Сегодня персиковый пирог.

— Чудесно. Вы любите персиковый пирог? — переводит на меня взгляд.

На что молча киваю. На самом деле я люблю только свою выпечку и еще тети Машину, к остальной отношусь с доброй порцией пренебрежения, но это уже профдеформация.

В кабинете Эльгаса как всегда чисто и весьма аристократично. Массивная мебель из темных пород дерева намекает на то, как здесь все серьезно и престижно, недалеко от двери стоит высокий стеклянный стеллаж, на полках которого поблескивают разнообразные кубки и медали. Вдоль стен тянутся книжные шкафы, между некоторыми стоят мраморные бюсты на подставках. Н-да, в первый визит я толком и рассмотреть ничего не успела.

— Присаживайтесь, — на сей раз указывает на диван, сам устраивается в кресле напротив. — Вы все-таки захотели узнать о себе, верно?

— Верно.

— Это правильно. Мы должны знать своих предков.

— Да-да, я помню, вы говорили, — улыбаюсь максимально мило.

— А вы ведьма с характером, — закидывает ногу на ногу, — и смею предположить, все еще сомневаетесь во мне.

— В вас?

— В том, что я увидел.

— О, нет-нет. В этом точно не сомневаюсь. Мне тут случилось встретиться головой с потолком. Так что признаю вашу правоту. Во мне действительно больше сил, чем всегда казалось.

— Вот как. В чем же тогда продолжаете сомневаться?

— Я просто не знаю, нужна ли мне эта информация. Хочу ли знать, кто мой настоящий родитель.

— Бойтесь разочароваться?

— И это тоже.

— Ну, суть любого знания в приобретении опыта. Да, это знание может не порадовать, но оно однозначно пригодится в будущем. Так что не бойтесь. Вы такая, какая есть. И если узнаете что-нибудь эдакое, другой все равно уже не станете. У вас большое сердце, Кейна, вы очень трудолюбивы и безнадежно привлекательны.

— Вот как? Спасибо. — Да он флиртует со мной!

После кофе и пирога, который, как по мне, был немного передержан в духовке, отправляемся в архив школы, располагающийся, конечно же, в подвальных помещениях. Спускаемся по каменной лестнице, и шаги наши эхом отражаются от таких же каменных стен. Жутковато, однако. И мне уже кажется, что сейчас господин Эльгас заведет меня в страшные лабиринты, но нет. Мы входим в хорошо освещенное помещение с высоченным потолком, который поддерживают мраморные колонны, хотя запах здесь витает тот еще. Вдоль стен от пола до самого верха тянутся стеллажи, заполненные книгами до отказа. И главное, здесь даже есть живые существа! Три сотрудника архива сидят за своими столами в центре этой огромной залы. Конечно же, это гоблины.

— Добрый день, господин директор, — поднимается один из них и сразу кланяется. — И вам доброго дня, — обращается ко мне.

— Здравствуй, Олдэр. Скажи, пожалуйста, где у нас хранятся записи обо всех потомственных магах Ксантиппа? После вашей перестановки я все еще путаюсь.

— Прямо и налево.

— Благодарю. Идемте, Кейна, — и так легонько, как бы невзначай касается моей руки. Ну, хитер бобер, ничего не скажешь.

Скоро мы оказываемся в указанном месте, и Гройс мигом прибегает к магии. Книги вспыхивают зеленоватым светом одна за другой.

— Ага, вот оно, — и с самой верхней полки к нам спускается толстенная книга, летит к столу и ложится аккуратно в центре него.

— Итак, приступим, — подходит к столу и меня подзывает. — Дайте вашу руку, — протягивает свою.

— И как вы намерены найти нужного варлока?

— Здесь хранится частичка магии каждого, она запечатана в имени. Будем искать совпадение.

— Много ли времени это займет?

— Мы дольше с вами разговариваем, — одаривает снисходительной улыбкой.

— Ладно, — подаю-таки ему руку, которую Гройс ласково сжимает. Все-таки до чего волевой мужик, а?! Прямо фонит от него силой духа.

Вторую руку Эльгас опускает на книгу, и начинается прокачка магии. Все заканчивается минут через пять. И надо же, книга раскрывается на нужной странице. Первым читает Эльгас, и пока читает, я вижу, как высоко поднимаются его густые брови. Что же там такого особенного?

— Получилось? — напоминаю о себе, ибо красавец-директор настолько увлекся, что, кажется, обо всем на свете позабыл.

— Да-да, — наконец-то возвращается, — получилось. И, честно говоря, я слегка в шоке.

— Почему же?

— Ваш отец, Кейна — Эридан Бишоп Каминский. Варлок в пятом поколении, князь. Владелец большого состояния, его предки стояли у истоков города, можно сказать, заложили фундамент Ксантиппа. Но есть одно «но». Бишоп сторонник темной магии и большой любитель черных ритуалов.

— То есть, он есть само зло?

— Скорее, он на стороне тьмы. Видите ли, когда первые варлоки и ведьмы положили начало нашему миру, они на древнейшем совете поделили магию на светлую и темную. Светлая созидает, восхваляет жизнь, темная — разрушает и боготворит смерть. Были и войны в свое время между темными и светлыми, кровопролитные войны. Но светлая магия одержала верх, а сторонники темной остались верны своим убеждениям, хоть и отступили. Ваш отец верен тьме, а вот ваша матушка из светлых. Видимо, случился конфликт интересов, потому она и сбежала.

— И где сейчас мой отец?

— В своем княжестве, а если точнее, в городе Ортон. Город закрытый по понятным причинам. В Ксантиппе к темным относятся, мягко говоря, не очень хорошо, так что ваш отец в... — снова принимается читать, — а, да, в начале двухтысячных вернулся в Ортон — город своих предков. Там и живет по сей день.

— Вот этого я и боялась, — забираю у Гройса свою руку. — Знание, которое мне было ни к чему.

— Как сказать, Кейна. За счет тьмы и света вы куда сильнее многих светлых. И при необходимости вы всегда сможете воспользоваться своей силой, например, для защиты. Никто не говорит, что обладатель темной магии обязательно творит зло. Магия всегда подчиняется своему носителю, и в ваших силах ею управлять так, как нужно именно вам.

— Надеюсь, этот разговор останется между нами, господин Гройс?

— Безусловно.

— Спасибо.

— Не желаете отобедать?

— Нет, благодарю, во мне еще пирог жив-живехонек.

— Жаль. А скажите, Кейна, в каких вы отношениях с господином Героном?

— В очень близких.

— Ясно. Что ж, и еще раз жаль.

Прелестно! Просто прелестно! Я еще и дочь темного князя! Упасть не встать. Нет уж, моим отцом был простой травматолог, причем самым лучшим отцом. Остальное пусть остается на страницах этих старинных книг.

Остаток времени решаю провести в местной библиотеке. Спасибо Гройсу, проводил. Чтение успокаивает, а мне сейчас ой как необходимо привести мысли в порядок и успокоиться.

Некоторое время спустя близ школы

— Дети! — Госпожа Малис собрала свою шумную группу. — Разойдитесь по парам, пожалуйста! Мы идем смотреть наши достопримечательности.

Детвора послушно выстроилась в ровную вереницу, и все разом стихли.

— Молодцы. А теперь следуем за мной и не разбегаемся.

Однако через пару десятков метров Настя отпустила руку нового друга, так как уронила любимую игрушку, которую взяла с собой на прогулку.

— Ромка, ты опять, — подбежала к зайцу, но стоило присесть рядом с ним, как зверек пошевелился, а через мгновение на земле сидел уже настоящий пушистый заяц. — Ух ты! — просияла улыбкой малышка: — Да ты живой! Я всегда знала, что ты особенный, Ромка. Иди ко мне.

Правда, зверек не дался в руки, а запрыгал в сторону школьного забора.

— Ну, Ром, — побежала Настя за ним следом. — Ты куда? Нас ругать будут.

Беляк меж тем допрыгал до забора, после чего пробрался между стальными прутьями.

— Ромка? — Девочка остановилась у самого забора.

— Здравствуй, — вдруг раздался голос.

По ту сторону школьного двора стоял мужчина и держал зайца на руках.

— Вот негодник, убежал от своей хозяйки, — расплылся он в дружелюбной улыбке.

— Здравствуйте, — сразу застеснялась Настя. — А как вы узнали, что я здесь?

— Мне Ромка рассказал. А хочешь, мы дождемся твою маму здесь? Заодно погуляем, поедим мороженое.

— Я не могу, госпожа Малис будет ругаться, она сказала не уходить.

— Ничего страшного, у меня есть номер твоей мамы, я ей наберу и скажу, что ты со мной. А она уже предупредит госпожу Малис. Пойдет?

— Ну, хорошо.

— Кстати, предлагаю купить еще и морковки для этого беглеца, — погладил мужчину зайца по белой шкурке.

Настя тем временем прошла вдоль забора до ворот и вышла за калитку.

— А Ромка теперь всегда будет такой?

— Если ты захочешь, то да, всегда. Идем? — протянул он руку.

— Идем, — подала свою.

И они вдвоем устремились на стоянку, где мужчина подвел Настю к машине:

— Садись. А я пока наберу твоей маме. Скажу, где нас искать. Хорошо?

— Ага, — и забралась в авто. — Ой, а можно мне Рому, дядя Артем?

— Конечно, держи, — передал ей зайца и поспешил закрыть дверь.

Затем Артем набрал Кейну:

— Привет, Карин, — произнес с легкой ухмылкой.

— Артем?

— Да, это я.

— А как ты...

— Выслушай меня сейчас, прошу. И не перебивай. Для начала, — в этот момент его глаза зажглись синим огнем, — офатис ара де Тэмар, нуади Кейна. Вспомнила?

— Что? — А голос тотчас дрогнул.

— Да, милая. Это я. Как и обещал, я все-все тебе расскажу, но не здесь.

— Где ты?

— Рядом со школой. А твоя дочь рядом со мной.

— Артем?! Не смей!

— Поверь, ни тебе, ни твоей дочке я зла не желаю. И если ты сделаешь все, как я скажу, то никто даже испугаться не успеет. Но если откажешься выполнить условия, я заберу Настю с собой, и ты ее больше не увидишь. Отец из меня выйдет что надо, даю слово.

— Говори! Чего ты хочешь?

— Хочу встречи, чего же еще. Нам надо о многом поговорить. Но, сама понимаешь, никто не должен знать, куда ты отправилась. Паника нам ни к чему. Для начала найди госпожу Малис и скажи, что дочка с тобой и что вы вынуждены поехать домой. Сына Герона оставь в школе, отец за ним заедет. Когда уладишь все вопросы, иди на стоянку, здесь тебя будет ждать такси. Водитель отвезет по нужному адресу. И да, я надеюсь на твое благоразумие, Карин.

— Артем, умоляю...

— До встречи, — и скорее убрал телефон в карман, после чего сел за руль. — Ну, что? Готова? — посмотрел на девочку, беззаботно играющую с зайцем.

— Да.

— Отлично, тогда вперед.

— А мама точно приедет к нам?

— Точно, Настя. У тебя самая лучшая мама на свете, и она обязательно приедет, даже не

сомневайся.

Артем, как и обещал, купил девочке мороженое — малиновый пломбир в стаканчике, несколько морковок и уже йотом отвез ее в некогда свой дом, куда в скором времени должна была приехать Кейна.

— Тебе нравится у меня? — подвел он Настю к дивану. — Садись.

— Здесь как-то пусто, — окинула девочка взором гостиную, где в каждом углу серела паутина, обои на стенах грозились сползти на пол, вся мебель была накрыта потемневшими и местами заплесневевшими простынями.

— Да, пусто. Увы, здесь давно никто не живет. А любой дом без хозяев сиротеет.

— А почему мы Отиса не взяли с собой? — поставила она пустой стаканчик от пломбира на стол.

От этого вопроса Артем тотчас поморщился:

— Может, покормишь Ромку? — и положил на диван морковь.

— Ой, точно. Ромка, — схватила морковку, — хочешь поесть?

Кейна

Нет! Нет, нет, нет! Моя девочка! Моя маленькая девочка! А если он что-нибудь с ней сделает? Господи!

И пока слезы душат, пока внутри все сжимается от страха и ужаса, я делаю так, как мне сказал Артем. Объясняюсь с Малис, говорю Отису во время перемены, чтобы он после уроков набрал отца и попросил его забрать.

— А почему ты нервничаешь? — замечает дрожь в моих руках.

— Нет, дорогой. Тебе кажется. Со мной все нормально.

— Почему тогда не подождешь меня?

— Видишь ли, мне тут вредный заказчик позвонил и потребовал немедленно отдать ему торт. Вот мне и придется скорее вернуться домой.

— Ладно.

— Иди ко мне, — обнимаю его крепко-крепко, — ты такой молодец, Отис. Люблю тебя.

— Любишь? — округляет карие глазки.

— Конечно, люблю, тебя нельзя не любить. Ну, все, возвращайся в класс. И прости меня, что не смогу дождаться.

На что он понимающе кивает и отправляется в кабинет. А я несусь на стоянку, где меня в самом деле дожидается такси. На ходу замечаю патрульную машину, в которой сидят ребята Адама, но весь кошмар в том, что они без сознания и мне остается только надеяться, что они живы. Артем ясно дал понять, если я кому-нибудь хотя бы намекну, он заберет Настю, не раздумывая.

Всю дорогу только и могу, что просить святых о помощи. Пусть я ведьма, но жизнь в мире людей приучила к вере в светлые силы. И сейчас остается уповать на их помощь. Моя малышка ведь ни в чем и ни перед кем не виновата, за что с ней так?

Под конец уже считаю секунды. Водитель тем временем сворачивает на лесную дорогу и буквально продирается сквозь сухие заросли чахлого березняка. И чем ближе мы подъезжаем, тем более знакомыми мне кажутся здешние места.

— Приехали, — произносит странный тип с мертвецки серой кожей.

Когда я выхожу, то невольно закрываю рот руками. В ста метрах от меня стоит тот самый дом из сна. Тот самый! Машина в этот момент не без труда разворачивается и уезжает обратно. А я пытаюсь собраться с духом, с силами, иначе даже идти не могу.

— Здравствуй, — раздается за спиной, отчего я вздрагиваю и медленно разворачиваюсь.

— Ты, — смотрю на непривычно бледного Артема или Тэмара.

— Я, Карин. Рад тебя видеть.

— Где Настя?

— Не волнуйся, она в доме. Спит.

— Что значит спит? Ты с ней что-то сделал, подонок?

— Давай не будем начинать разговор с обвинений и оскорблений. Я с ней ничего такого, о чем ты думаешь, не сделал. Она всего лишь спит. Да, я помог ей уснуть, но не более. Настя съела мороженое, поиграла с зайцем, а потом я подумал, что было бы неплохо и отдохнуть.

— Покажи мне дочь!

— Хорошо, как скажешь. Идем.

Настю я нашла на диване, она действительно спала, накрытая теплым пледом, а у нее в ногах сидел живой заяц. Прав был Адам, во всем прав, когда заподозрил Артема.

— Как видишь, — развел руки в стороны этот душегуб, — я тебя не обманываю.

— Чего ты хочешь?

— Садись, — и рядом со мной появляется кресло.

Следом появляется второе, в которое опускается Артем.

Приходится последовать его примеру.

— Я слушаю, — говорю все еще с трудом, голос нет-нет да срывается на хрип.

— Ох, — вдруг теряется он, — так ждал этой встречи, этого разговора, а слова неожиданно иссякли... Ладно, — произносит на выдохе, — я скучал по тебе, Карина. Очень скучал. И мне так горько, что ты связалась с ним, так обидно. Он ведь похитил тебя. А ты взяла и прониклась, по сути, к похитителю. Прямо как в бульварном романе, честное слово. Но ничего, я это исправлю.

— Прости, что исправишь?

— Чтобы меня понять, тебе нужно узнать, кто я и как жил, — будто не услышал вопроса Артем. — На самом деле, изначально я не собирался делиться этой информацией. Не та у меня судьба, чтобы о ней слагать легенды. Но коль все случилось так, другого выхода нет. А если быть совсем уж честным, мне давно хочется хоть кому-нибудь рассказать о себе. А кому как не тебе — женщине, которую люблю.

— Это действительно твой дом?

— Да. Что ж, начнем... По крови я смешанный. Отец некромант, мать ведьма. И было нас у родителей двое. Какое-то время мы жили вполне нормально, хоть и всегда сторонились общества. Моя младшая сестренка Марика была просто чудо, я ее так любил. Все время играл с ней, в силу возраста заболелся. Но нашей спокойной жизни в какой-то момент пришел конец.

— И что же случилось? — Без конца поглядываю на Настю.

— Мой папаша был помешан на науке о мертвых, мать в свою очередь была заядлой чернокнижницей. Вместе они творили дикие ритуалы. Но вроде бы обходились малой кровью, в жертвы шли животные или недавно почившие существа. А однажды они вдвоем решили, что этого недостаточно. Родители стремились обрести силу самой смерти. Для призыва Мораны — богини и покровительницы всех некромантов нужна была юная невинная жертва. В общем, они предпочли далеко за таковою не ходить. Под ногами своя бегала, несмышленная, глупая, по их мнению, бесперспективная.

— Они убили свою собственную дочь? — и слезы сами по себе покатались по щекам.

— Да. Причем легко и без какого-либо сожаления. А я все видел, не хотел видеть, но два монстра заставили. Они искренне верили, что я восприму убийство сестры как должное. Однако они заблуждались.

— Ты их убил?

— Убил, Карина. И рука не дрогнула. Убил тем же способом, что и они Марику. И знаешь, в ту ночь

сама Морана явилась мне, благословила. С тех пор моя миссия заключается в освобождении земли от такой грязи, какой были мои родичи. От чернокнижников. И долгое время я справлялся со своей задачей. Пока не возник на моем пути тогда еще следователь Герон.

— Меня ты тоже выследил с целью убить?

— Почти. Ты дочь Каминского, одного из сильнейших темных варлоков. Но я ошибся в тебе. Вместо предполагаемой чернокнижницы увидел женщину, которая безумно любит дочь, которая трудится не покладая рук без всякой магии, которая настолько красивая, что я не устоял. Влюбился. Каждый день катался в том автобусе, чтобы просто посмотреть на тебя, помечтать о тебе. Потом все же нашел в себе силы подойти. Мне так хотелось быть тебе нужным, полезным. Но тут снова встрял гребаный черт. — Артем хищно усмехнулся, отчего меня аж передернуло. — Ирония судьбы, честное слово.

— А Гедель, Савьерри?

— Эти двое — ближайшее окружение Герона. Идеальные пешки в моей игре. Немного магии, внушения — и пожалуйста.

— Скажи, Тэмар...

— Артем, зови меня Артемом. Ненавижу свое настоящее имя. Его мне дали изверги.

— Хорошо, Артем. Ты нас отпустишь?

— Чтобы ты продолжила тешить самолюбие черта? Готовила ему завтраки, вычищала его дом и заботилась о его сыне? Нет, Карин. Извини, но нет. У меня на вас другие планы.

— Не понимаю тебя.

— Так все на поверхности лежит. Я люблю тебя и хочу, чтобы мы стали семьей. Нормальной человеческой семьей.

— Ты серьезно думаешь, что это возможно?

— В данной ситуации, конечно же, нет. О какой любви тут можно говорить, когда ты знаешь, кто я и чем занимаюсь. Поверь, я не лишен здравомыслия. Моя деятельность весьма специфическая. Да, я убийца. Но убиваю не абы кого, а только таких же потенциальных убийц.

— Беззащитных женщин, — из меня невольно вырывается нервный смешок.

— Беззащитных ли? И нет, не только женщин. Мужчин тоже, просто информация о них до полиции пока не дошла. Так уж получилось, что я схлестнулся с Героном, мы начали свою игру. С моей стороны были жертвы с посланием в виде цветка — хризантемы. Это любимые цветы моей матушки. Ими я и помечал чернокнижниц. Но Адам все-таки туповат, без этого некроманта до него так бы и не дошло, что к чему.

— Что же ты намереваешься сделать? — ощущаю, как липкий холод растекается по телу.

— Я заставлю тебя забыть обо всем. Ты забудешь черта, забудешь меня и этот мир. Проснешься в другом городе с новой легендой. И ты, и Настя. Потом мы снова встретимся, снова познакомимся, и на сей раз я добьюсь твоей любви, Карина. Даю слово, со мной ты будешь счастлива. Что до Герона, то поверь, ваши чувства иссякнут. И знаешь почему? Потому что совсем скоро вернется мать Отиса. Вернется и очень постарается загладить свою вину перед брошенным ребенком, ну и мужем заодно.

— Тоже твоих рук дело?

— О нет. Здесь я не при чем. Просто госпожа Нарли Эвельс оказалась особо никому не нужна в мире людей, богатого мужа не сыскала, беззаботной жизни не получила. Несчастной чертовке ничего больше не осталось, кроме как вернуться на родину. Более того, через подруг она узнала, что супруг-то уже не простой следователь, а комиссар и живет в большом красивом доме. Какой бы стервой она ни была, но ребенок будет ей рад. Дети привязаны к родителям, как ни крути. И уж такой поступок, как побег, чертенок матери простит, поскольку еще слишком мал. Ну а Герон со временем примирится со своей обидой. И заживут они счастливо. Хотя, может, и нет. Но это уже не мое дело.

— Знаешь, когда ты рассказал о своем детстве, где-то в душе я даже нашла понимание, прониклась к тебе. Но теперь вижу, какой ты есть на самом деле.

— Какой же?

— Душитель. Убийца. Жестокий махинатор, которому нравится играть чужими судьбами.

— В чем-то ты права. Когда столько лет преследуешь одну-единственную цель, ставшую смыслом существования, внутри все выгорает, умирает. Но тут я встретил тебя. И у меня появилась новая цель, светлая, чистая. Быть любящим и любимым мужчиной, быть отцом, жить обычной оседлой жизнью, каждый день начинать с тебя. У меня есть приличные средства, Карин, я помогу тебе открыть полноценный бизнес, где ты будешь руководить, а не пахать с утра до вечера, не разгибая спины. Поверь, у нас все будет хорошо. И ты никогда не узнаешь о моей темной стороне.

— Но так нельзя. Слышишь? — впиваюсь ногтями в подлокотники. — Нельзя! Получается, ты украдешь мою жизнь.

— Иногда чем-то приходится жертвовать, таков уж этот мир.

После чего он поднимается:

— Я оставлю тебя. Подумай, попытайся примириться с тем, что я рассказал. Бежать не пытайся, хотя, если хочешь, беги, все равно выйдешь опять к этому дому. «Порочный круг» не даст уйти. Вернусь я ближе к полуночи, и тогда совершим ритуал. Пойми, так будет лучше для всех.

Адам

— Как уехала? Почему уехала? Какой еще вредный клиент? — ничего не понимаю из лепета Отиса. — Когда уехала? А почему звонишь только сейчас? Все, жди меня.

Ох, как мне все это не нравится. С чего это вдруг Кейна сорвалась? Она мне лично сказала, что на сегодня у нее никаких заказов, никаких клиентов, так как хотела дождаться детей в школе. Все-таки первый день. И тут на тебе. Уехала! Причем с Настей вместе. Странно, очень странно.

Бросаю все текущие дела и еду в школу. И чем ближе подъезжаю, тем сильнее разрастается тревога в душе. А когда вижу патрульную машину на стоянке, меня уже начинает потряхивать. К несчастью, не зря! Ребята в отключке. Тогда несусь в школу, где первым делом достаю Гройса.

— Господин комиссар? — встречает меня совершенно спокойный и невозмутимый Эльгас, что б его. — Чем обязан?

— Где моя... — едва не вырвалось «жена». Да, тысячу раз да, я хочу Кейну назвать своей женой и называть ее так все отмерянные нам годы. — Где Кейна?

— Разве она не с вами? Госпожа Денисова должна была забрать детей сама.

— Ее с дочерью нет. А мои оперы, с которыми она приехала, без сознания. Сейчас, — иду с полной уверенностью утрамбовать этого сноба в его кресло по самое не хочу, — ты мне все расскажешь. Она ведь наверняка с тобой говорила. По роже вижу, что говорила.

— Комиссар, что вы себе....

— Слушай меня сюда. Моя женщина с ребенком пропали в твоей школе. И если ты будешь выкобениваться, обещаю, я здесь всё на кирпичи разберу, а тебя приобшчу к одному громкому делу, которое сейчас у всех на слуху.

— Ладно, я понял. У вас эмоции. Что ж, мне скрывать нечего. Мы с Кейной действительно поговорили. Я ее сопровождал в наш архив, где предоставил интересующую ее информацию.

— Какую, мать твою?

— Об отце. Настоящий отец госпожи Кейны Эридан Бишоп Каминский.

— Влиятельный бизнесмен и треклятый чернокнижник? — аж зависаю на мгновение.

— Да, он.

— Что было дальше?

— Дальше я предложил ей отобедать, но Кейна отказалась. Предпочла дождаться детей в библиотеке. Это все, что я знаю.

— Итак, сейчас я хочу видеть всех, с кем она разговаривала. Тащи их сюда, Эльгас, и поживее.

Через пять минут в кабинет заходят учительницы. Одна Отиса, вторая Насти. Однако, как

выясняется, общалась Кейна только со второй — Малис.

— Что она вам сказала? — смотрю на фею тяжелым взглядом, отчего та со страху даже крылья выпустила.

— Онн-а... она ска-азала, — еще и заикаться начала до кучи, — что ей с-с-срочно надо домой. Что дочку уж-же забрала.

— Как она себя вела?

— Д-да, знаете, она нервничала. Но й-я не прид-дала этому значения. П-подумала, п-просто торопится.

— Кто-нибудь видел, куда она отправилась? — обращаюсь ко всем присутствующим.

Но эти овцы во главе с главным бараном молча мотают головами.

— Пр-р-ростите, — вдруг оживляется фея, — я вот еще... что хочу... сказать. Настя во время прогулки отстала от нас, а когда я хотела идти ее искать, как раз встретила вашу с-с-супругу. Она и сказала, что Настю уже забрала.

И тут меня как током прошибает.

— Скажите, госпожа Малис. У девочки что-нибудь было с собой? Кроме ранца.

— Да, — кивает та, — игрушка. Зайчик.

— Твою ж...

На стоянке обнаруживаю следы покрышек. Но те скоро теряются, причем затерты магией. Ублюдок обвел всех нас вокруг пальца. Уже в машине набираю Ришу:

— Прошу тебя, — еле сдерживаю дрожь в голосе, — вспомни свой сон еще раз. Может, было хоть что-то, о чем ты не рассказала. Может, посчитала незначительным, неважным.

— Что случилось, Адам? — тотчас заводится.

Кейну с Настей похитили. Вернее, Настю. Думаю, Кейна уехала за ней следом.

— Как? — слабеет до шепота.

— Он нас всех обыграл, Риша. Всех. У меня мало времени, пожалуйста, если есть что сказать, скажи.

— Я бы и рада. Но... Хотя, — немного оживляется, — я попробую.

— Что попробуешь?

— Один ритуал. Если поможет, я позвоню. Будь на связи.

Я же не могу никак сконцентрироваться, мысли разбегаются, как тараканы, сердце болит. Но я должен, должен успокоиться и подумать. Если попытаться восстановить хронологию событий, то целью урода изначально была Кейна. Она дочь Каминского — темного могущественного варлока. А сукин сын помешан на мести чернокнижницам. Значит, выслеживал ее давно, еще в мире людей. Но что-то явно пошло не так. Выродок проникся чувствами. Об этом свидетельствует ночное похищение и признание, он не сдержался, не смог, хотелка взыграла. Меня словно опаляет пламенем, во рту чувствуется горечь от осознания того, что эта падаль хочет заполучить Кейну себе.

И магия... он всюду оставил свой след. Проник в голову к Рише, к Кейне через этого долбанного зайца, каким-то образом ввел в заблуждение Зельду. И под конец слил нам «маньяка» в лице Геделя. Подложил улики. Запутал, сбил с толку, заставил отвлечься. Как же давно он играет с нами. Но Кейна — это его последняя цель. Цель, которая нужна живой.

— Корсак! — набираю помощника. — Что ты узнал о человеке по имени Артем? Кто такой?

— Я же вам приносил досье, — мямлит тот в трубку.

— Этим твоим досье подтереться можно. Что-то еще есть?

— Так... минуту... — и начинает шелестеть бумагами. — Ну, кроме тех данных, больше ничего толком. С документами у него порядок, он глава компании «Профи», которая занимается подбором персонала. Единственно, часто переезжает, притом каждый раз полностью меняет место

жительства.

— И сколько адресов сменил?

— Многовато, — снова шелестит бумагами. — Тридцать.

— То-то и оно, что многовато для законопослушного гражданина и успешного бизнесмена.

— Ну, наработанные контакты ему позволяют легко обустраиваться на новых местах, без работы не сидел ни разу.

— И профессия какая интересная. Подбор персонала. А это проверка людей, много новых знакомств.

— Господин Герон, что случилось?

— Случилось то, что мы по полной программе облажались и взяли не того. Гедель невинная жертва, не более. А настоящий урод похитил мою женщину с ребенком.

— Так, надо всех поднимать!

— Надо, но мы не знаем о нем ничего, — и отключаю телефон.

По-прежнему не знаем ничего.

Пиша

Дура! Слабачка! Какой от меня прок? Всех подставила, никому не помогла...

Но я все еще могу! Да! Могу!

И несусь в кухню, где хватаю соль, красный перец, из кладовки выгребаю весь запас свечей. Затем возвращаюсь в гостиную, быстро скручиваю и убираю в сторону ковер. Так, теперь пентаграмма. Двойная! Соль не выпустит смерть, перец не впустит жизнь. «Морос датос, эхас новое. Морос датос, эхас новое». Пока проговариваю заклинание барьера, рисую солью круг, а перцем внутри вычерчиваю знак солнца. Да пребудет со мной сегодня Морана и снизойдет до своей нерадивой дочери.

Когда пентаграмма готова, выставляю по кругу свечи, после чего встаю в центр круга.

— Ида Морана, ди Рэя нус волас.

В ту же секунду вспыхивают свечи, начинают нещадно чадить, и скоро вся гостиная заполняется черным едким дымом.

— Ида Морана, ди Рэя во латос ди латос. Урса... орса... морос...

На смену духоте и запаху жженого воска приходит холодный мрак. Он окутывает, заполняет легкие, отчего тело стремительно остывает. А следом я ощущаю ее — богиню. Морана здесь, она дотрагивается до меня, но тут же отступает.

— Жизнь в тебе... — раздается в тишине шипящий голос.

— Повелительница, — с трудом произношу, ибо легкие сковал жуткий холод. — Мне нужна твоя помощь.

— Чего ты хочешь? — чувствую, как она летает вокруг, даже едва задевает крыльями.

— Кто явился ко мне во сне? Кто внушил мне ложные знания? — И воздух заканчивается, тело начинает сводить судорогой. Только не это...

— Если я протяну руку помощи, ты можешь остаться без жизни, что теплится в твоём брэнном теле. Готова ли ты рискнуть?

— Д-да...

Мгновение спустя Морана хватает меня за голову.

— Твой разум просветлеет, твоё тело содрогнется от боли, твоя душа зарыдаёт и очистится от

морока первенца Корса де Гонзака. Узри истину, дочь моя...

И все исчезает, пропадает... я ничего не слышу, не вижу, не ощущаю. Чувства возвращаются постепенно, одно за другим. А обнаруживаю себя все в той же гостиной. На полу и мебели толстым слоем осела сажа, я и сама ею покрыта с ног до головы. Сердце меж тем бьется слишком медленно, в груди все еще давит, и дышится с трудом. Но теперь у меня есть то, что нужно Адаму. Есть имя... А главное, мой разум свободен от влияния этого выродка.

Однако только хочу подняться, как жуткая боль сковывает поясницу. Нет, вставать нельзя. Благо, телефон положила рядом, хоть тут не оплошала.

— Адам? — Как хорошо, что он всегда берет трубку. — Ищи сына Корса де Гонзака. Это он... ваш душитель.

— Как ты? Что с голосом? Тебе нужна помощь?

— Ничего. Я в норме. Ритуал вышел немного болезненный. Но ты не переживай, я в силах о себе позаботиться. Спасай свою семью, мой комиссар.

Как больно-то... с трудом поворачиваюсь на бок, прижимаю колени к животу. У всего есть своя цена. Я хотела избавиться от ни в чем не повинного дитя, вот и расплата. То самое избавление. И пусть я была под влиянием, пусть мое сознание было затуманено ложью, тем не менее, я хотела убить своего ребенка. А такое не прощается. Никогда не прощается.

Еще часы так противно тикают, словно смеются надо мной, забирая секунду за секундой драгоценного времени. И тикают долго...

А веки тяжелеют. Видимо, лучше мне уснуть, так все произойдет быстрее. Но вдруг в мою болезненную дрему врываются сначала звуки шагов, а потом и голос:

— Ну-ка, иди сюда, — ощущаю руки, потом до слез знакомый запах. — Допрыгалась.

— Прости. Прости меня... — остается только рыдать, а что я еще могу? — За все прости.

— Молчи.

— Я рада, что все-таки смогла помочь, — смотрю в эти серые глаза, такие серьезные, красивые.

— Помогла, ничего не скажешь. С этого дня ты завязываешь со всеми ритуалами. Поняла?

— Ничего не могу обещать. — Арон укладывает меня на заднее сиденье машины. Увы, но он тоже не простит. Прав был отец, я порченная оказалась. — Куда ты меня собираешься везти?

— В больницу, куда еще.

— Врачи не помогут, Арон.

Но ответа я не удостоилась. Гедель молча уселся за руль, а через какое-то время мы уже были в центральном госпитале, где меня отправили в отделение, соответствующее моему положению.

И что важнее всего, Арон остался рядом. Конечно, почти не разговаривал, разве что с врачами, а на меня только шикал и цыкал, если пыталась встрять в диалог. Но в какой-то момент мы все-таки остались наедине.

— Послушай, — беру его за руку, — мне жаль, Гедель. Мне искреннее жаль, что именно я оказалась той самой предательницей, что именно с моих слов все началось. Как ведьме мне нет оправдания.

— И ты меня послушай, Савьерри, — накрывает мою руку своей. — Я был бы сейчас куда счастливее, если бы услышал не это жалобное бормотание, а кое-что другое. Поверь, я понимаю, в каком мире мы живем, как работает магия, я полжизни изучаю различные практики, пытаюсь преумножить свою собственную силу. Так что не надо извиняться за то, что было неизбежно, что было чужим желанием, не твоим. Ты такая же случайная жертва. А вот за риск, которому ты подвергла моего ребенка, вот за это у меня есть жгучее желание выпороть тебя.

— Обещаю, если все закончится благополучно, лично принесу тебе ремень.

— Я запомню, — склоняется он ко мне и осторожно целует.

Кейна

Настя все еще спит. Возможно, оно и к лучшему, не нужно ей ни знать, ни видеть того, что скоро произойдет. Нам деваться некуда. Сукин сын все просчитал, все продумал, подготовился. Он псих, по псих очень хитрый, а главное, сильный. Даже если и есть во мне какая-то особенная магия, она еще слаба, да и владеть ею я не умею.

Все-таки правильно мама говорила, что смежный мир — это мир порочных монстров. Если среди людей главным пороком являются деньги, то здесь — магия.

— Не печалься, — раздается совсем рядом: мерзавец вернулся. — Когда ты все забудешь, то у тебя и мысли не возникнет, что я какой-то не такой. В обычной жизни я самый простой, можно сказать, человек. Как и все работаю, хожу по магазинам, люблю поваляться перед телевизором.

— А в промежутках душишь тех, кто и убийцей стать не успел.

— Некоторые успели. В остальных случаях я позаботился о проблеме заранее. Это как профилактика. И почему тебя так заботят чернокнижники? Знаешь, сколько невинных душ гибнет от их рук? Сколько гибнет детей? А я знаю. Слишком много, Карина. Считаешь, те, кто потеряли своих дочерей и сыновей, назвали бы меня маньяком, узнав о том, что я делаю? Не думаю. Скажу больше: Адам сносный детектив и не самый плохой комиссар, он хорошо работает, но тут даже он не в силах справиться. Слишком много темных засело во власти, а это влечет за собой пособничество, укрывательство и, как следствие, безнаказанность.

— Не мне тебя судить.

— Верно, не тебе. Да и никому другому тоже не судить. Мы все хорошо умеем разводить демагогию. Что хорошо, что плохо, кто имеет право, кто нет. Все мы эдакие пассивные Раскольниковы. А как доходит до дела, то сразу прячемся в раковину, умываем руки и сбрасываем с себя какую-либо ответственность. Не нам судить, а кому-то, кто точно разберется, кому точно виднее. И оно понятно, такова наша природа. Пока нас самих не коснется несправедливость, так и сидим в стороне со своими умными рассуждениями. Вот меня несправедливость коснулась. И это мой груз ответственности, ничей больше.

— Не все, кого ты убил, стали бы чернокнижниками. Но ты решил, что они даже права не имеют на выбор. Последняя тобой убитая девочка была еще школьницей.

— Да, она была школьницей. Которая уже познала вкус крови. Они с подружками, тоже очень милыми домашними девочками, собирались ночами в домике на заднем дворе и знаешь, чем занимались? Убивали особо изощренным способом питомцев своих соседей. Те, кто не видит ценности в жизни пусть даже животного, уже потеряны для общества.

Больше мне ему ответить нечего. И печальнее всего то, что в глубине души я с ним согласна. Но как часто и случается со всеми народными мстителями, они однажды переходят черту. Чужая кровь стирает границу между можно и нельзя, между заслужил и не заслужил. Да, Артем сам стал жертвой в раннем детстве, пережил трагедию, которая его сломала, сделала преступником, но он также познал вкус крови.

— А как называется то, что ты намереваешься сделать со мной и моей дочерью? Как, Артем?

— Здесь ты сама мне подсказала решение, Карина. Тебя украл черт, запугал, фактически склонил к постели, — и морщится от своих же слов. — Конечно, сейчас ты можешь говорить, что это не так, что у вас чувства, но родились они из безвыходности. А значит, я имею такие же шансы на твое расположение, на твою любовь. Разве что насильно склонять к отношениям не стану. Не начну угрожать, не буду лишать тебя свободы, просто буду достойнее и лучше Адама. Я заслужу твою любовь, пусть не сразу.

— А если ничего не выйдет? Если я не захочу быть с тобой?

— Я наберусь терпения. Некроманты очень терпеливый вид. Ждать умеем.

— Нет, Артем. Ты намереваешься забрать мою настоящую жизнь.

— Стоит ли из-за этого печалиться? Ты работала на износ, днями и ночами пропадала в мастерской. Забыла о себе, едва успевала ухаживать за ребенком. Жизнь на бегу. Или сейчас... Думаешь, черт когда-нибудь поблагодарит тебя за заботу? Нет. Черты, как и кошки, им хорошо там, где кормят, где глядят по шерстке. Появится кормушка лучше — он быстро переметнется. Начнешь гладить против шерсти — мигом превратится в типичного козла.

Вдруг негодяй в мгновение ока оказывается рядом со мной, хватая за плечи и заставляет подняться.

— Пожалуй, я еще немного попользуюсь случаем. У меня есть давняя мечта: поцеловать тебя. По-настоящему. Хочу запомнить вкус твоих губ.

— Артем, прошу...

— Тише, — мотает головой, — много времени это не займет, и, надеюсь, будет не так уж и неприятно для тебя.

Что ж, это я тоже вытерплю. Лишь бы он оставался спокоен и доволен. Я ему не верю, ни одному слову не верю. От этого чокнутого можно ожидать чего угодно. Он поехавший! Тогда закрываю глаза, не хочу его видеть. И в этот момент ощущаю поцелуй. Целует рьяно, от всей своей большой души, а мне приходится отвечать, вторить движениям.

— Спасибо, — с трудом отрывается от губ, — это было прекрасно, — упирается своим лбом в мой. — Надеюсь, однажды ты поймешь, как сильно я тебя люблю, и оценишь это.

А за окнами уже темно, полная луна вовсю сияет среди серых облаков.

— Скоро, — Артем подводит меня к окну, — скоро все закончится, все плохое. И начнется новое. Скоро ты заживешь полноценной жизнью, Карин. Ты и твоя дочь.

— Что будет с Адамом?

— Ничего. Сначала я хотел конкретно испоганить ему жизнь, но передумал. Все-таки он на стороне добра, да и сына воспитывает. Я же не монстр, чтобы оставлять ребенка сиротой. Пусть дальше тянет свою ляжку. Пусть дальше пытается меня поймать. Это даже забавно. К тому же не за горами воссоединение семьи. В общем, черту будет, чем заняться.

Оставшееся время до полуночи Артем занимается подготовкой к ритуалу. Для начала в мою сумочку кладет ключи от квартиры, мой новый паспорт со всеми остальными документами полисом, страховым свидетельством, потом деньги, банковскую карту и какие-то чеки. И, конечно же, параллельно поясняет, что к чему. Оказывается, в славном городе Сочи меня ждет просторная двухкомнатная квартира недалеко от моря, как и детский сад для Насти. Что до работы, то по легенде я пока временно пеку торты на дому, а вот когда познакомлюсь с отличным парнем Артемом, мое дело из маленького сразу превратится в большое. Уж он поможет, обеспечит...

Затем душегуб переходит к основной части действия. Рисует солью на полу пентаграмму — большой круг, внутри которого идет еще один меньшего диаметра, а пространство между двумя окружностями заполняет символами. Некоторые из них я знаю по маминым книгам: ирта — время, навое — пространство, дарат — конечный путь, и множество других, о которых я ни сном ни духом. В центре круга остается место для меня и для дочери. Дальше идет в ход пепел, которым Артем чертит стрелки, указывающие направление от символа к символу, при этом не перестает произносить заклинания, отчего каждая стрелка, каждый символ вспыхивают то синим, то зеленым светом.

А я чувствую эту магию. Она везде, она заполняет каждый уголок комнаты. И как же противно от того, что я не могу этому противостоять. Чтобы управлять своей магией, нужны знания. Увы, в моем арсенале всего с десяток простейших заклинаний.

— Все готово, — направляется к Насте, берет ее на руки. — Иди в круг, Карина.

И я вынуждена зайти, после чего Артем передает мне дочь.

— Не переживай, — улыбается удивительно искренне, — вы проснетесь дома, полностью осознавая происходящее вокруг. И в тот же миг легенда обратится для вас реальностью.

Прости, Адам. Прости, что тебя снова предаст любимая женщина, снова бросит. И прости, что только ты и Отис будете об этом помнить. Я люблю вас...

Вдруг замечаю метнувшуюся за окном тень, а следом в ту же секунду раздается хлопок. Стекло трескается, осыпается на пол осколками, и снова все стихает.

— Вот урод, — стискивает зубы Артем, а на его рубашке на плече разрастается кровавое пятно. — Нашел, — и точно оскаливается. — Но уже поздно. Ирта мос навое, иштаар дарат, — обходит внешний круг пентаграммы, — ирта мос ларак ди Кейна ди Анессия ди Ксантия дос дарат. Ирта мос навое! Акат!

Тотчас круги загораются. Один вспыхивает синим, второй зеленым, как и символы. Начинается циркуляция магии по указанным стрелками направлениям. А спустя еще пару секунд надо мной с дочерью образуется купол. Поначалу я ничего не чувствую, но скоро магия добирается до нас. Голова тяжелеет, перед глазами плывет пространство, и я перестаю понимать, что происходит за

этим треклятым куполом.

Адам

— Есть! — Попал в ублюдка. — Обходите дом! — подаю знак своим.

Но когда снова смотрю в окно, в легких заканчивается воздух. Выродок начал ритуал. И остановить его без помощи я не смогу. Только где эта долбаная «помощь»? Неужели не приедет? Я ведь ему все рассказал, как есть.

— Вот зачем ты явился сюда? — раздается за спиной.

— Чтобы башку тебе прострелить, — отвечаю на развороте и одновременно прицеливаюсь в сукиного сына. — Отзови свое заклятие!

— Почему ты такой недалекий, Герон? — и нарочито поводит плечом, на котором даже следа крови не осталось. — Ты серьезно считаешь, что сможешь убить меня?

— Уж я постараюсь, очень постараюсь.

— Жалкий черт против варлока? У тебя никаких шансов. И потом, тебе бы мне спасибо сказать. Я столько работы за тебя сделал.

— Отпусти Кейну с девочкой!

— Нет, их я не отпущу. Я встретил Карину до тебя, а ты вероломно влез между нами. Так что она моя. И только моя. К тому же, — заводит руки за спину, — ритуал вот-вот свершится. Ты уже ничего не успеешь сделать, даже если попытаешься, даже если о-о-очень попытаешься, — щерится эта тварь.

Я же спускаю курок, выпускаю в него всю обойму. Но бесполезно, пули рикошетом разлетаются в разные стороны.

— Глупо, Герон, — качает головой.

— А если честный поединок? — Мне нужно хоть как-то его раскачать, хоть чем-то задеть, отвлечь, пока моя команда пытается пробиться сквозь защитный барьер. — Без оружия, без магии. Посмотрим, чего ты стоишь.

— Безусловно, я проиграю тебе. Думаешь, я не в курсе, какая сила таится в черте? Покровители сделали вас сильными физически, а нам даровали магию. И грех не пользоваться тем, что даровано свыше. Кстати, твои варлоки не минуют барьер. Бьюсь об заклад, они даже представления не имеют о тех заклинаниях, о которых знаю я.

— Они — нет, а я знаю! — доносится низкий хрипловатый голос справа от нас.

Мы оба поворачиваем головы и видим высокого худощавого мужчину в длинном пальто и черной шляпе, из-под которой выглядывают темно-рыжие волосы.

— Я сомневался, господин Герон, стоит ли мне приходить. Но все же решил. Не каждый день тебе сообщают о детях.

— Бишоп, — сию секунду меняется в лице Гонзак-младший. — Вот уж неожиданная встреча. До тебя я давно мечтал добраться.

— Что ж, вот он я. Но прежде, — и начинает тихо шептать. Сейчас же стекла в окнах идут трещинами, а дом издаст протяжный стон, будто вот-вот рухнет. На мгновение мое сердце екает, однако дом остается стоять на месте, зато дверь разлетается в щепки и из недр темного коридора вырывается сгусток магии, который тотчас рассеивается в воздухе.

— Ах ты, тварь! — кидается на него обезумевший урод.

Но Каминский одним движением пальцев останавливает подонка.

— Слышал о тебе многое. Гоняешься за темными, восстанавливаешь справедливость, — сжимает руку в кулак, отчего Тэмар резко опускается на колени, — ловко уходишь от преследования. Считаешь себя непобедимым. Все признаки героя. Только вот незадача. Ты не герой, Гонзак-младший. Ты всего-навсего сын своего чокнутого папаши, который убил кровное дитя ради

сомнительной выгоды. Открою тебе секрет, — и еще сильнее сжимает кулак, отчего лицо подонка стремительно краснеет, — темные и чернокнижники — это две параллели. Темные занимаются наукой, ищут ответы в мире мертвых, а чернокнижники убивают ради попыток возвыситься над самой смертью. Ты долгие годы живешь заблуждениями, мой мальчик. — Господин Герон, — переводит взор на меня, — идите в дом и ждите меня там.

Как только я поворачиваюсь к ним спиной, до ушей доносится звук ломающихся костей и безвольное мычание. Но мешать я не буду. Сегодня, сейчас пусть свершится суд. И пусть уже все это закончится.

В дом захожу, кажется, с небьющимся сердцем. От начала ритуала прошло много времени. Кейну с Настей нахожу в центре потухшей пентаграммы. Леоф сидит рядом с ней, остальные стоят чуть поодаль.

— Ну? — подхожу к ним, опускаюсь на колени.

— Без сознания.

— Ладно, идите на улицу.

Они молча покидают нас, я же касаюсь бледного лица своей ведьмы. Что она, что Настя, обе бледные и холодные. Пугающе холодные.

— Кейна, — целую ее в лоб, — проснись. Ну же, девочка моя... Настя! — глажу малышку по голове.

— Сейчас не проснутся, — около нас возникает Бишоп. — Позвольте, комиссар, — склоняется и касается головы Кейны, затем берет Настю за руку. — Надо же, — и тонкие губы трогает подобие улыбки, — вот почему Катрис так торопилась с разводом. Я по молодости и не проверил ничего. Думал, настолько разочаровал ее своей любовью к науке. А тут и дочь уже есть, и внучка.

— Когда они придут в себя?

— Скорее всего, завтра.

— Что он с ними хотел сделать?

— Хотел переместить в мир людей и заодно стереть память. Они бы забыли о своей прошлой жизни, а очнулись с новой легендой. Убивать их Гонзак не собирался, если вы об этом.

— Где он?

— Глупый вопрос, господин Герон.

— Ну да, верно.

— Забирайте своих дам и везите домой. Надеюсь, после пробуждения они вспомнят вас.

— А могут не вспомнить? — и у меня все обрывается внутри.

— Могут. Но вы надейтесь на лучшее. А я как-нибудь позже загляну. И да, я бы очень хотел, чтобы о моем появлении здесь никто не знал. Кейне придется несладко, если общественность узнает, чья она дочь. Сможете обеспечить мне инкогнито?

— Сделаю все необходимое.

— Благодарю.

Через минут десять мы покидаем это проклятое место. Я везу Кейну с Настей домой, а мои оперы вместе с телом отправляются в комиссариат.

А на пороге нас уже ждет Отис. Сидит на верхней ступеньке с красными глазами.

— Что с ними?! — бегают вокруг и плачет, пока я несущих в спальню. — Они ведь живые?

— Живые, Отис, живые, — медленно опускаю на кровать Кейну, Настю укладываю рядом с ней, затем накрываю их одеялом.

— Почему тогда не двигаются?

— Спят, — сажусь на край кровати, а Отиса беру на колени. — Завтра должны проснуться.

— Почему спят? — прижимается ко мне, чего отродясь не случалось.

— Был тяжелый день. Вредный клиент украл Кейну и Настю, Отис. Уж слишком ему понравились торты, и он захотел, чтобы наша Кейна пекла только для него.

— Ты же его наказал за это? — смотрит на меня со злостью в глазах.

— Наказал.

— Вот чмо...

— Эй? — даю поганцу легкую затрещину. — Что еще за слова такие?

— Ну, в школе так все обзываются.

— Вот и пусть, а ты не смей. И Настю не учи дурному. Она ведь будет все за тобой повторять.

— Ладно, понял.

— Понял он...

— Правда, понял.

Отис так и засыпает у меня на коленях, тогда перекидываю его на кровать, а сам жду. Жду до самого утра. Если она меня не вспомнит... что ж, тогда я добьюсь ее снова. Сделаю все возможное и невозможное, но добьюсь. Это моя ведьма. Нам случилось встретиться не просто так. В ту ночь в Кривом переулке в доме номер семь мы разделили судьбу на двоих.

Вот уже и солнце взошло, и птицы защебетали. В утренних лучах волосы Кейны буквально заискрились, как и кожа, сдобренная россыпью веснушек. Какая же она красивая, моя рыжая-бесстыжая ведьма. Тогда беру ее за руку, переворачиваю ладонью вверх и прижимаюсь к ней губами. Скорей бы ты открыла глаза, любимая тортоделка. И замечаю, как хвост Отиса обвивает руку Насти. Да, мы оба ждем.

Спустя час наконец-то происходит самое важное: Кейна начинает хмуриться, она всегда так хмурится перед пробуждением, словно ей кто-то мешает, будит. Еще через минуту приоткрывает глаза. У меня же пересыхает в горле. Так и застываю в одной позе. Она смотрит на меня, я на нее. Оба не моргаем, не двигаемся. Вдруг Кейна взвизгивает и подсакивает как ошпаренная. Ну, все... Вот и финал нашей сказки...

— Блин! — чуть не сваливается с кровати. — Какого беса?! — хватает подушки, сбрасывает их на пол, и взору является огромный тарантул, который преспокойно сидит на простыне и периодически перебирает мохнатыми лапками... — Отис! — смотрит, прищурившись, на сонного проказника. — Ты опять не следишь за своими пауками? Да сколько можно!

А меня как прорывает. Я вскакиваю, хватаю рыжую на руки и кручу, пока она, бедняжка, рот не зажимает руками и не зеленеет.

— Прости! — сразу останавливаюсь. — Прости, прости, прости! — прижимаю ее к себе крепко-крепко. — Прости, — только и могу, что повторять это бесово «прости».

В этот момент просыпается Настя, зевает, потягивается, после чего преспокойно берет паука.

— Ты его для меня принес? — смотрит на Отиса.

— Ну, наверное, — растерянно улыбается.

— Люблю тебя, — шепчу своей ведьме на ухо, — люблю. Ты даже не представляешь, как люблю.

— Мой плюшевый комиссар, — улыбается сквозь резко подступившие слезы, — мой любимый плюшевый комиссар. Скажи, что у нас теперь все будет хорошо, — обнимает за шею.

— Да. Теперь у нас все будет хорошо.

Мне очень не хотелось оставлять их одних дома, но пришлось отправиться в комиссариат. Надо было отчитаться, составить протокол, подписать кучу бумаг и доложить мэру о поимке душителя. Убийство Тэмара де Гонзака я взял на себя. Для моей команды все так и было, ибо Каминский не раскрылся перед ними, его видели только я и покойный Гонзак. Кейне я тоже не стал рассказывать о том, кто истинный спаситель, предпочел дожидаться самого Бишопа. Если он посчитает нужным, то придет к ней сам и все расскажет.

А после комиссариата наведался к Рише в больницу, но у входа в палату встретил посеревшего от злости Геделя, который мало того что не пустил меня к ведьме, так еще и врезал мне по морде. Что ж, я заслужил. Но после мы все-таки пожали друг другу руки.

С того дня наша жизнь изменилась. Не сказать, что кардинально, но мы однозначно стали счастливее. Через неделю я сделал Кейне предложение, на которое моя ведьма ответила согласием. Да и попробовала бы она отказать, будучи подо мной в момент нашего яркого любовного действия под кодовым названием «вычесывание блох». Свадьбу сыграли буквально через пару дней. Честно говоря, я не ожидал, что Кейна будет так торопиться. Но она торопилась. И потом я догадался, почему. Ну, как догадался — Риша проболталась, которой в свою очередь пожаловалась моя ведьма.

Причина спешки Кейны объявилась на пороге моего кабинета спустя сутки после свадьбы. Нарли! Явилась, как ни в чем не бывало. Это еще хорошо, что пришла именно в комиссариат, а не домой. Сказать, что я был в шоке, значит, ничего не сказать. Но что удивительно, я совершенно не разозлился, более того, очень спокойным тоном объяснил беглой чертовке все возможные проблемы, с которыми она рискует столкнуться, если осмелится лезть в нашу жизнь. И вроде бы Нарли это поняла, так как испарилась тем же днем и, надеюсь, в том же направлении. Что забавно, она даже про Отиса ничего не спросила.

Когда я вернулся домой, то первым делом обо всем поведал жене, чтобы она наконец-то успокоилась. И моя ведьма с того момента буквально расцвела, а я даже не предполагал, насколько сильно ее угнетало возможное возвращение моей бывшей супруги. К счастью, мы пережили и это.

Эпилог

Восемь лет спустя

Кейна

— Мама! — ко мне подбегает рассерженная донельзя Настя. — Они опять! — сопит, аки злой барсук. — Они опять устроили погром в моей комнате!

— Ну, Настя, — отряхиваю руки от муки, — они же маленькие. Твоим братикам всего-то по пять лет, — и засовываю мясной пирог в духовку.

— Вот я такой в их возрасте не была.

— Не была, — выставляю нужные градусы, — но ты же девочка. Попроси Отиса, пусть их утихомирят.

— Отис опять заперся в своей комнате, — вдруг грустнеет. — Переписывается там со своей феей Фю-фю. Каждый день строчит ей километровые сообщения.

— Фю-фю?

— Ну, Луиса де Фюдор. Из его параллельного класса.

— Он уже большой мальчик, Настя. Первая любовь и все такое.

— Да какая любовь?! — мгновенно вспыхивает. — Какая любовь?! К ней все парни в школе липнут, вот и Отис прилип, глядя на остальных. К этой страхолюдине.

— Фея и страхолюдина? Да ладно?! — Ох, ревнует моя рыжая краса.

Но тут я на стороне Отиса. Ему шестнадцать. Впору девочками интересоваться, влюбляться. Он всегда питал к Насте теплые чувства, мы с Адамом давно это заметили, поэтому в один прекрасный день отец серьезно поговорил с сыном. Объяснил, что пока Настя маленькая. К счастью, Отис понял. Но вот в моей ведьмочке уже просыпаются инстинкты, она созревает, и быстро. И ей очень обидно, что Отис вдруг переменялся, перестал уделять ей все свое время.

— Да! — гордо вскидывает голову. — Ушастая страхолюдина.

— Ну, раз мальчикам нравится, значит, не такая уж и ушастая.

— Из-за нее он вообще на меня не обращает внимания. Не гуляет, не играет.

— Настя, у тебя ведь тоже есть друзья. Алек, Марыся.

— Алек бестолковый, хоть и веселый. А Марыся гнома и ведет себя иногда хуже мальчишек.

— Так, ну все, хватит кукситься. Ты уроки сделала? Сегодня у нас гости, между прочим.

— Гедели приедут, знаю. И да, уроки сделала, а вот кто теперь в моей комнате будет прибираться?

В этот момент в кухню вбегают младшенькие. Два рыжих чертенка. Любимые сорванцы, которые истрепали нам с Адамом все нервы.

— И что вы натворили? — нарочито грозно смотрю на них.

— Я не специально! — выкрикивает Эрик. — Это все он! — тычет пальцем в Яна. — Он меня начал толкать!

— Все ты врешь! — мурзится Ян, хотя знаю, именно он задира.

И два хулигана чуть снова не сцепляются. Благо тут раздается звонок в дверь. Ну, наконец-то! Мой спаситель вернулся с работы. На порог выскакиваю, как ужаленная в одно место. Адам едва успевает меня поймать.

— Ты дома, — висну у него на шее.

— Допекли?

— Да!

— М-да. Ладно, сейчас разберемся. Ян! Эрик! — гремит мой комиссар. — Ко мне!

Два сопящих хулигана выходят одновременно и шагают синхронно, сцепившись хвостами. Они ведь так и родились с переплетенными хвостиками.

— Почему опять не слушаетесь? Мать довели! Сестру довели! Кстати, а где Отис? — прислушивается к басам, что доносятся со второго этажа.

— У себя, — показывается Настя. — О, вкусняшки подъехали, — смотрит на большой бумажный пакет в руках Адама. — Пап? Ты же купил мне те классные мармеладки?

— Купил, — целует ее в голову.

— А нам? — вопят в один голос конопатые братцы-кролики.

— А вам по губам. Что вы там натворили?

— Они мою комнату разнесли, — довольно ухмыляется Настя.

— О! Значит, пока не наведете порядок в комнате сестры, ничего не получите.

И двоих как ветром сдувает, правда, пока бегут выполнять указ, опять толкаются.

Через час удается-таки стабилизировать обстановку в доме. Отис выходит из своей комнаты и принимается за воспитание братьев, а точнее, уводит их играть на задний двор, Настя садится за гитару. Пару лет назад моя дочь прониклась к музыке, за что спасибо госпоже Малис. Эта фея настоящая волшебница, она настолько любит свою работу и своих воспитанников, в каждом раскрывает уникальный талант. Вот и в Насте раскрыла. А мы с Адамом позволяем себе немного отдохнуть, сидя на диване.

— Как дела на работе? — устраиваюсь поудобнее на его плече.

— Все стабильно, правонарушителей по минимуму. А у тебя как? Много тортов ушло?

— Сегодня двадцать. Маловато.

— Помощницы справляются?

— Да, вполне. Просто пятница. Я заметила, в пятницу всегда туговато с клиентами. А вот завтра должны пойти.

— Может, выходной сделаешь выходным? А?

— Нет. Ни за что! Меня просто не поймут.

— Кажется, я знаю, как остудить твой пыл, — хитро улыбается. — Нам надо еще одного чертенка.

— Даже думать забудь! — пихаю его локтем.

— Да ладно, шучу я, шучу. Хотя...

— Адам!

— Все, все...

— Ой. Забыла сказать. На следующей неделе нас ждет с визитом Каминский.

— Вот как? Сам все никак не решится приехать.

— Нет. Но говорит, соскучился по детворе, хочет повидаться, побаловать внучков подарками. Представляешь? Отису собрался подарить мотоцикл. Настьке электрогитару со всеми приамбасами, а мелким, полагаю, мешок игрушек.

Да-а-а, повезло мне с тестем, — расплывается в улыбке.

— Угу... и меня опять начнет переманивать на «темную сторону».

— Это он любит. В каждую встречу одна и та же песня о главном.

— Ага.

— Гедели когда приедут? — смотрит на часы.

Скоро. Риша просила много не готовить, они, как всегда, с собой привезут.

— Неугомонная Савьерри. Не представляю, как она справляется. Гроих подряд нарожала своему ненаглядному некроманту.

— И еще питомник держит и читает лекции по хищной ботанике в университете. Вынуждена признать, она оказалась куда расторопнее меня.

— Да ладно, просто у нее дети в папашу, родились уже с оттопыренным пальчиком, — смеется. — Не то, что наши. Мертвого поднимут без всякой магии.

А через час раздается звонок в дверь. Гостей отправляется встречать Адам, тогда как я устремляюсь в кухню. И скоро дом наполняется счастливыми детскими визгами. Какими бы воспитанными и спокойными ни были дети у четы Геделей, а когда образуется такая куча мелких в одном месте, все манеры и спокойствие отходят на второй план. Вот и сейчас мои чертенята с их белокурыми погодками творят беспредел, гоняясь друг за другом дружным табуном. Адам с Аронном сидят в гостиной и о чем-то переговариваются, как всегда на повышенных тонах, правда, это будет продолжаться до первой рюмки, потом их вечные споры перетекут в более дружеские беседы, а к концу посиделок мужчины вообще начнут обниматься. Мы же с Ришей накрываем на стол.

— Ну, как у вас? — аккуратно спрашиваю, чтобы никто не услышал. — Арону сказала?

— Еще нет, — шепчет в ответ. — Но на этот раз у нас все получилось.

— Да ты что? — замираю от столь радостной новости.

— Угу. Мальчик. Бедняжка Арон уже почти отчаялся. Три девицы, шутка ли.

— И когда расскажешь?

— Завтра. У нас как раз по плану намечается кое-что очень горячее, — закусывает губу, — вот в самый разгар момента и обрадую, что будет-таки ему наследник.

— Очень за вас рада.

— А вы? Не хотите еще одну ведьмочку? Я бы тебе помогла.

— Нет, — уверенно мотаю головой. — Мне пока Эрика с Яном за глаза хватает. Адам, конечно, хочет, но обойдется. Может, попозже. И то не факт.

— Ну, смотри. А как у Отиса дела?

— С ним все сложно.

— Да уж, понимаю парня. Настька с виду уже невеста, но вот тут, — стучит себя по голове, — совсем еще ребенок.

— Она везде еще ребенок, Риш. Но что хорошо, Отис начал переписываться с одноклассницей, вроде даже на свидание ходили.

— Не завидую вам.

— Отис умный, понимающий, заботливый, он знает, что нельзя. После разговора с Адамом и вовсе осознал всю серьезность происходящего, но, тем не менее, его это гложет. А заодно и меня, и Адама.

— Что ж, пусть наберется терпения.

— Быть матерью взрослых детей так трудно, — наливаю себе вина, а Рише компота. — И чем они взрослее, тем нам труднее. Отходит одно, начинается другое.

— Это да, я пока росла, такое вытворяла — ужас просто. У вас еще по упрощенному сценарию все происходит.

— Ладно. Пора всех звать к столу, — и щелкаю пальцами, после чего на стол летит скатерть, а дальше приборы, тарелки и, самое главное, еда.

За все восемь лет я довольно неплохо научилась пользоваться своей силой, освоила полеты на метле, за что спасибо Савьерри, она была и инструктором, и наставницей, и просто очень хорошей подружкой, какой остается по сей день. Но из всех своих возможностей я предпочла остановиться

исключительно на полетах и на бытовой магии, остальное мне просто ни к чему. Да, некоторые заклинания самообороны я тоже освоила, но в глубины самопознания решила не вдаваться, что, безусловно, огорчило Каминского, только где он и где я. Однажды Гройс правильные вещи сказал. Я такая, какая есть, и новые знания меня уже не изменят. Я кондитер и точка.

Как и предполагалось, после двух бокалов вина и половины мясного пирога Арон с Адамом переходят на обсуждение возможного совместного отдыха где-нибудь в мае, у озера. Но тут со своего стула поднимается Отис.

— Отец, Кейна, — смотрит на нас. — У меня для вас есть новость.

А у меня сердце екает, честно говоря. Что он еще удумал? Адам тоже сразу затихает.

— И? — пытаюсь улыбнуться.

— Два месяца назад я подал заявку на участие в научном проекте «Вместе в будущее». В общем, я прошел собеседование, и мою кандидатуру одобрили, так что последний школьный год буду доучиваться в школе-интернате Дункана Крайна.

— И где это?

— В Блекфесте. Пятьсот километров от Ксантиппа. Школа Дункана очень хорошая, там много перспективных направлений именно для чертей. А Саймуровская хороша для варлоков и некромантов.

— Но разве в Ксантиппе нет учебных заведений для чертей? — вконец теряюсь. Пятьсот километров! Блекфест! Школа-интернат! Мой мальчик будет так далеко от дома!

— Пусть едет, — вдруг кивает Адам. — Верное решение, Отис.

У меня же возникает такое чувство, будто кое-кто все это время был в курсе, а вот меня предупредить не почесался! Ну, я ему устрою вечером!

— Ты уверен? — смотрю на дорогого супруга с изломом в брови.

— Абсолютно. Он взрослый парень, ответственный. И если есть шанс добиться большего на новом месте, то пусть едет и добивается.

В этот момент Настя вскакивает из-за стола и, не говоря ни слова, убегает из кухни. Н-да... маленькие детки — маленькие бедки, а вот большие...

Но глядя на Отиса, наконец-то понимаю его решение. Он действительно очень умный мальчик и поступает сейчас как никогда по-взрослому.

— Школа Дункана отличная, — вступает Арон. — Я там был как-то на семинаре, читал лекции для учителей. Научная база шикарнейшая. Оттуда Отис спокойно сможет поступить в любое высшее учебное заведение.

— Что ж, ладно... — Смотрю на своего не очень-то радостного чертенка. Но лучше так. И Настя повзрослеет, и он сможет проявить себя. Правда, я бы все же выбрала что-нибудь поближе. — И когда уезжаешь?

— Через неделю.

Так заканчивается этот вечер. Гедели, разобрав своих спящих принцесс, отправляются домой, я же приказываю посуде мыться и расставляться по местам, после чего иду успокаивать Настю, ревушую в подушку, Адам же ведет близнецов купаться, а Отис уходит на улицу, где поднимается к старому дубу.

Но ничего, мы справимся, мы же семья. Семья, в которой все друг друга очень сильно любят, уважают и ценят.

Перед сном еще какое-то время сидим с Адамом в обнимку на диване. Мой каракулевый комиссар обнимает меня не только руками, но и хвостом, который нет-нет да подрагивает, прямо как кошачий.

— И почему ты мне не рассказал? — прикрываю глаза.

Не хотел беспокоить. Но ты ведь понимаешь, что так будет лучше?

— Понимаю. Настька свыкнется, а Отис сможет наконец-то отвлечься.

— Да. И коль у нас освобождается еще одна комната... — ехидно ухмыляется.

— Еще одно слово, Герон, и я за себя не ручаюсь.

На что он подхватывает меня и несет в кровать.

Спустя еще четыре года

Настя

Ох, как же страшно... как страшно. Казалось бы, столько раз уже выходила на сцену. Откуда такой дикий мандраж? Аж руки трясутся. И как я буду играть? Может, у Марыськи есть какое-нибудь успокоительное.

— Ты тут! — врывается в гримерку наш барабанщик гном Корик. — Фу-ух, успел. Тебя там организаторы вовсю ищут. Хотят, чтобы ты на каких-то бланках расписалась.

— Так я вроде расписывалась.

— Ну, не знаю. Им виднее.

— А Марыська где?

— Где-то носится. И вообще, у нас через полчаса выход. Надо бы уже собираться.

— Надо...

Сегодня должен состояться третий отборочный тур, он же финальный, конкурса «Рок-группа Ксантии». Если мы победим, то всё, считай, проснемся звездами. С нашей группой заключит контракт студия «Гризли Дот», а это запись альбома, концерты, гастроли, известность и деньги. Хорошие деньги, какие мало кому перепадают в таком возрасте. Только бы не облажаться. Но бесов мандраж все портит.

Смотрю на себя в зеркало. Что-то бледновата. Тогда хватаю карандаш для губ и начинаю обводить контур второй раз, потом добавляю мерцающей пудры на щеки, пшикаю лаком на волосы. На сцене я должна выглядеть бойко, дико, отвязно. И где вообще черти носят Марыську?

— Блин, Настька! — наконец-то появляется моя лучшая подруга. — Там такая жесть творится, — закатывает глаза. — Народищу ужас сколько. Такое ощущение, будто вся столица собралась.

— Именно вся и собралась. Подобные мероприятия не так уж часто проходят.

— Тоже психуешь? — присаживается Марыська на край гримерного столика. Все-таки она обалденно смотрится. Зеленые штаны в черную клетку, оранжевая рубашка и зеленая жилетка поверх, а на голове неизменный колпак с большим пушистым помпоном на кончике — настоящий гномий колпак, связанный подруге на семнадцатилетие бабулей.

Я тоже ничего. От образа не отстаю. Красные штаны и жилетка в такую же клетку, черная рубаха и мой счастливый черный котелок.

— Угу. Кстати, у тебя есть что от нервов?

— Только шоколадка. Хотя, знаешь, я больше боюсь не жюри и не толпы. Сегодня в зрителях вся моя семья. Прикинь? ВСЯ!

— Да ладно? Прямо вся-вся?

На что она лихорадочно кивает:

— Сестры, братья, тетки, дядьки, племяши, даже бабуля с дедулей приехали.

— О-о-о, не завидую, подруга, — и чувствую, как напряжение постепенно спадает. С Марыськой всегда так. Вроде, поговорим — и хорошо.

— А твои все будут?

— Ну, мама с младшими, отец так и так здесь, обеспечивает безопасность, Гедели, конечно же.

Даже мой крутой дед обещал приехать.

— Да ты что? — таращит глаза. — А Отис?

И тут мне снова плохо. Отис... Откуда бы ему здесь взяться. Он покоряет вершины спорта, а параллельно защищает диссертацию по межвидовым отношениям в области экономики и права. В общем, ударился в науку. Дома появлялся последний раз полгода назад. Приехал на пару дней, поулыбался и укатил обратно. А я, блин, ждала его как последняя дура. Думала, ради меня приехал. Но, увы, не ради меня. На самом деле, где я — конопатая тощая гитаристка и где он — красавец, да еще и умный до безобразия. Наверняка нашел себе какую-нибудь рогатую кралю.

— Не будет его. Он ни на одно мое выступление не приезжал, о чем ты говоришь...

Вдруг дверь открывается и на пороге появляется наш куратор.

— Так, девочки. Пора.

Пора так пора.

Год назад мы с Марыськой решили забавы ради создать свою собственную группу. Потом к нам подтянулись остальные. Барабанщик Корик, некромант Норис — бас-гитара и скрипачка фея Лиция. А я с Марыськой — вокал и электрогитары. Никто не думал заниматься этим серьезно, никто не рассчитывал на нечто большее, чем выступления на школьных вечерах, но после концерта в честь праздника Огненной тыквы все так закрутилось. Пошли выступления на различных конкурсах, победы, местечковая узнаваемость, даже фанаты появились. Один все достает подарками — некромант Роберт. Сто раз говорила этому чудику «нет», но он словно не слышит. Но бес с ним. Сейчас важнее выступление. Выступление на высшем уровне!

Через пятнадцать минут нас приглашают на сцену, прежде замучив своими бланками, на которых мы все-таки расписываемся.

Н-да, Марыська была права — это жесть! Парк, где проходит конкурс, битком забит, курице клонуть негде. Прожекторы слепят, из-за чего не удастся рассмотреть в толпе своих, хотя я знаю, что они здесь, чувствую присутствие мамы, братишек, отца. Такой уж у меня дар — чувствовать магию других, какой бы силы она ни была. Особенно деда ощущаю. Его магию ни с какой другой не перепутаешь.

— А сейчас, — берет микрофон ведущий, — на этой сцене выступит рок-группа под хулиганским названием «Злые барсуки»! Группа, вышедшая в полуфинал, которая сразится за первенство с другими полуфиналистами — «Норвудскими ведьмами» и «Болотной нечистью». Встречаем!

Все! Была не была!

Начинает Корик, за ним включается Норис одновременно с Лицией, а уж мы подхватываем.

Народ скандирует, гудит, ведьмы из школьной группы поддержки рисуют в небе наш логотип. А когда подходит момент запеть, я забываюсь, отдаюсь музыке. Теперь есть я, микрофон и ребята, которые творят со мной вместе этот крышесносный беспредел.

Мы выкладываемся по полной и так раскачиваем зрителей, что они хлопают нам в такт, пытаются подпевать. И спасибо деду, под конец он выдает офигительный фейерверк, который мерцающими крупичками осыпается нам на голову.

Завершаем выступление под бурные аплодисменты, крики, улюлюканье. А главное, я вижу, как наши конкуренты зеленеют от злости. Особенно девицы из «Ведьм».

Что ж, это было круто! На самом деле круто. И пока жюри отправляется решать наши судьбы, мы расходимся по своим гримеркам.

— Кажется, я сегодня пережила второе рождение, — тяжело дышит Марыська.

— И не говори, — закрываю глаза, откидываюсь на спинку дивана, — лишь бы только сейчас сюда не вломились наши семьи. Затопчут на радостях.

— Ага, мои особенно.

Но дверная ручка все-таки дергается, а я замираю на месте. Потому что чувствую того, кто стоит за дверью. Не может быть! Нет, этого просто не может быть!

А дверь тем временем с легким скрипом открывается.

— Привет, — заходит он с огромным букетом розовых пионов в руках.

Марыся тотчас подпрыгивает, как и остальные.

— Ну все. — Он буквально пинками выталкивает друзей из гримерки. — Отдохнули, пора и с семьей пообщаться. Корик, шевелись давай! — и скорее закрывает дверь.

Потом подходит ко мне, протягивает букет:

— Поздравлю, Настя. Вы были лучше всех. Ты была...

— Спасибо, — дрожащими руками принимаю цветы. Хотя у меня сейчас не только руки дрожат, но и поджилки, и голос, и душа дрожит заодно. — Не ожидала тебя увидеть.

— А я вот... вернулся.

— Надолго?

— Насовсем, — опускается передо мной на корточки, а хвостом обвивает ногу. — Ты себе не представляешь, как я долго ждал этого дня.

А я сдаюсь и начинаю откровенно реветь:

— Я думала, ты больше не вернешься, думала, что забыл. Встретил кого-нибудь, полюбил.

— Глупая, я всегда любил только одну-единственную ведьму. Полюбил с самого первого дня знакомства с ней. Сначала по-детски, а потом... потом мы выросли.

— Да, выросли, — откладывая цветы в сторону и бросаюсь к нему, крепко обнимаю за шею. — Мне было так плохо без тебя, — шепчу на ухо, — так плохо, Отис.

— Думаю, мне было все-таки чуточку хуже, — улыбается.

— Блин, ты такой здоровенный стал. Прямо как отец, — продолжаю реветь у него на плече.

— Я черт вообще-то, — поднимается вместе со мной, ставит ногами на диван.

— Мама с отцом знают, что ты здесь? — отклеиваюсь-таки от плеча, смотрю в его нереальные карие глаза. Любимые глаза.

— Знают.

И все медлит, не решается, при этом вижу, нервничает. Чувствую, как его хвост сжимает мою ногу.

— Может, поцелуешь уже?

Вдруг он подается вперед и осторожно целует в щеку. Совсем с ума, что ли сошел? Тогда сама прижимаюсь к нему и накрываю его губы своими. Поцелуй этот разносит по телу мощную волну радости, блаженства, грусти, счастья, успокоения, облегчения. Да, это определенно круче любой магии. Это любовь. Наша с ним такая странная любовь. Которую он все же сохранил, которую я так долго вынашиваю в сердце.

— Моя маленькая ведьма, — улыбается, когда мы возвращаемся в реальность.

— Мой большой черт, — утыкаюсь лбом ему в грудь.

Да, тысячу раз да! Он мой черт! Все-таки мой! Надеюсь, мама с отцом поймут нас. Ведь они знают, что значит любить до трясучки. А я именно так и люблю Отиса — до дрожи. Давно люблю. И сколько уже слез выплакала, сколько раз успела разочароваться и отчаяться. Но надежда теплилась, где-то глубоко в душе я продолжала верить, что он меня не променял на другую, что однажды вернется.

Тут замечаю Марысю, которая скромно стоит у двери. Она показывает мне класс, после чего шепчет:

— Мы победили, ура-а-а...

А мне плевать! Мне сейчас на все плевать, потому что настоящая победа — вот она, передо мной. Стоит рядом, дышит часто-часто, переживает, любит...

— Ну что? — вдыхаю его запах, от которого голова кружится. — Пойдем к нашим?

— Угу, — и еще сильнее прижимает к себе, — пойдем, обязательно пойдем. Попозже... я пока не в силах тебя отпустить.